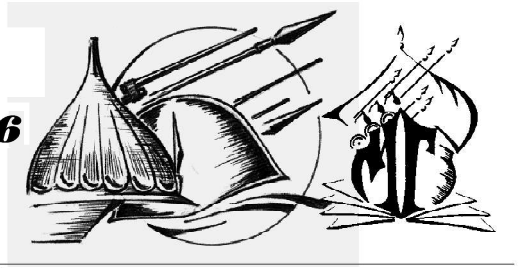
Россия, Русь! Храни себя, храни!

4
2026

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Основан в 1922 году

в номере:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей КОМОВ. **Саша с Алтая и Сережа из Питера** 3
Валентин КАТАСОНОВ. **Вскормившие Вторую мировую** 91
Ростислав ИЩЕНКО. **Глобализм по-американски** 97
Сергей АРУТЮНОВ. **Маргиналия Z** 143

ПРОЗА

Юрий ШУРЧКОВ. **Доказательство ангелов**. Повесть 18
Юрий ВИСЬКИН. **Вольтова дуга**. Рассказ 104
Владимир ГУРЬЯНОВ. **Долюшка-доля**. Рассказ 149
Эвелина АЗАЕВА. **Газ и Пушкин**. Рассказ 163

ПОЭЗИЯ

Елизавета ХАПЛАНОВА. **Метроном сердца**. Стихи ... 79
Ирина УШАКОВА. **Русский путь**. Стихи 86
Андрей ГРУНТОВСКИЙ. **А Россия стоит…** Стихи ... 136
Иван НЕЧИПОРУК. **Хрупкое мгновенье**. Стихи 170
Валентина КОРОСТЕЛЁВА. **От Пушкина и Бога**. Стихи 173

УРОКИ ИСТОРИИ

Валерий ГАБРУСЕНКО. **Социализм: «за» и «против»** 176

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

Евгений ЕВТУШЕНКО. **Антисистемы в России** 192
Владимир МОЖЕГОВ. **По единым масонским сценариям** 200

РУССКИЙ ВОПРОС

Лина МКРТЧЯН. **Незабвенный город Верный** 206
Андрей САМОХИН. **Русский народ и Русское государство** 215

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Лидия СЫЧЁВА. **Валентина Мальми — Валентину Сорокину** 222

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Андрей СОШЕНКО. **Единый клубок** 231
Андрей ФЕФЕЛОВ. **На кого работал Эпштейн?** 235
Ростислав ИЩЕНКО. **Украина без Бога** 238
Евгений ВЕРТЛИБ. **Против легионеров антихриста** .. 243
Глеб БОБРОВ. **Клоуны или нелюди?** 247

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы**. Размышления и воспоминания. Продолжение 250

ИСКУССТВО

Руслан СЕМЯШКИН. **Любовь и нежность излучая…** К 90-летию Анны Герман 262

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Татьяна ГЛУШКОВА. **Этика Есенина** 276

Сергей КОМОВ

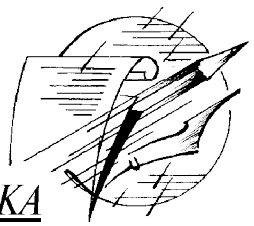
САША С АЛТАЯ И СЕРЁЖА ИЗ ПИТЕРА

(Они были на переднем крае)

Заканчивался третий год СВО, а я ещё ни разу за зиму не был в госпитале. Обычно Сергей Васильевич, возглавлявший наше отделение художественно-документальной прозы, давал мне номер телефона раненого солдата, я созванивался с ним и договаривался о встрече. В этот раз у меня такого телефона не было, но я надеялся, что повод посетить госпиталь всё же найдётся. Вскоре на окопных свечах, где я трудился добровольцем в свободные от работы дни, организатор нашего волонтёрского движения Татьяна Николаевна, обнаружив мешок с шерстяными носками, вспомнила обо мне:

— Ты же ходил в госпиталь, унеси, пожалуйста, ребятам, пока ещё холодно. Да, ещё влажных салфеток захвати. Вон целый ящик стоит.

Набив полный рюкзак носками и салфетками, я отправился домой, чтобы на следующий день смело идти в госпиталь. У меня была веская причина снова оказаться там.

Я шёл знакомой дорогой в надежде, что мне и в этот раз повезёт. Поднявшись на второй этаж, я подошёл к мед-

сёстрам, представился и попросил разрешения раздать вещи от волонтёрского движения и пообщаться с ребятами. В палаты заходить не разрешили, только по коридору. Я сразу прошёл влево, мимо знакомого дивана, где в прошлом году общался с Доком и Барракудой. Там, в самом конце, большая рекреация, отведённая под палату и разделённая проходом на две части — по пять коек с каждой стороны. Красивые шерстяные носки, связанные с любовью нашими российскими женщинами, кто-то сразу надел на ноги, а кто-то положил в прикроватную тумбочку «на потом». Влажные полотенца тоже пользовались спросом. Оставшиеся вещи я раздал раненым, лежащим в коридоре, и вернулся обратно в рекреацию.

— Мужчины, у кого есть желание поговорить? Я третью зиму пишу о ребятах нашего госпиталя…

— Поговорить можно. Только не о войне, — откликнулся крепкий парень, сидящий на табурете у стены. Видна была усталость у ребят, воевавших не первый год.

— Можно и не о войне…

Парень встал и пошёл в свою палату.

— Это старшина из пятой палаты, — сказал лежащий в углу паренёк, — попроведать нас приходил. Ему на укол пора.

Кто-то посматривал на меня оценивающим взглядом: можно ли этому человеку доверять? Кто-то читал сообщения в телефоне. Желающих поговорить не было. Тогда я спросил в надежде отыскать земляков: «Есть ли кто из Казахстана, Средней Азии или Алтайского края?»

— Я родом из Узбекистана, — окликнул меня со спины мужчина лет сорока с ближайшей ко мне койки.

— А я из Алтайского края, — радостно отозвался худощавый, совсем юный паренёк в очках, по возрасту годившийся мне в сыновья.

— У меня мама и родня в Заринске живут, недалеко от Барнаула! — признался я и, с разрешения земляка, присел на краешек кровати.

— А я из Белокурихи! — оживлённо пошёл на контакт паренёк. — Меня зовут Саша.

— А откуда тебя призвали?

— Вообще я подписывал контракт в Белокурихе, но призвали меня из Барнаула.

— А сколько тебе лет?

— Двадцать один год. Призывался в двадцать, а день рождения встретил уже «за ленточкой», в августе.

— Такой молодой… Что же тебя подвигло к такому решению?

— Причина личного характера. Я не хочу этого говорить.
— Хорошо. А позывной у тебя какой?
— Бульдозер.
— Бульдозер? — удивился я, на мгновение впав в ступор при созерцании хрупкой фигурки земляка. Подумалось: если сослуживцы нарекли, то не иначе как в насмешку. Встречал я такое: огромного мужика называли Малышом, давая противоположное прозвище человеку. Мне стала интересна история позывного. — А почему?
— Работал я трактористом. Ну и немного довелось на бульдозере. Понравилась мне эта мощная махина. Тракторист как-то простовато звучит, Бульдозер посерьёзнее будет. И мало ли на войне трактористов, вот с моим позывным никого не встречал.
— Да, оригинально звучит! Мощно, как танк, и оригинально, — поддержал я земляка. — А где ты воевал на СВО?
— Я попал в ДНР, Торецкое направление. Числился гранатомётчиком, но шёл по медицине. Мой командир взвода, он — врач, фельдшер. А я его водитель. Группа состояла из трёх человек. Третий, тоже водитель, оставался в запасе — если моя машина сломалась, то он сразу выезжал на нашу эвакуацию. Его звали дядя Миша, позывной Камаз. Но летом мы ему придумали другой позывной — Виноградик, — в этот момент Саша добродушно рассмеялся, — он очень любил виноград! А ещё он низенький и домашний, наестся этого винограда и радуется.
Чем мы занимались? Ездили на позиции и вытаскивали ребят, оказывали медицинскую помощь. Бывало так, что нам приходилось разделяться: я еду на своей машине в одно направление, а взводный — в другое. Так постепенно у меня нарабатывался опыт. А когда наш фельдшер получил ранение, меня хотели поставить вместо него внештатным фельдшером. Но в итоге я оказался здесь, лежу на этой койке.
— А ранение как получил?
— Ну если прям вкратце — я вылетел через лобовое, — то ли юношеская бравада заставляла парня задорно смеяться, то ли радость оттого, что остался живым.
— А что произошло?
— Мы поставляли продукты, боекомплекты и медицину ребятам. Ездили на «Фермере», это гибрид «Буханки», которую обрезали пополам. Типа пикапа. Там четыре седушки и грузовой отсек. На обратном пути, когда уже всё разгрузили, за нами началась охота дронами-камикадзе. В тот раз я был не за рулём, наблюдал по сторонам.
— Как его обнаружили?

— Его прекрасно слышно. Баба-яга, конечно, громко работает, но, когда камикадзе пикирует, раздаётся очень-очень раздражительный звук, психически влияет на человека. Даже если у тебя машина будет гудеть, как трактор, ты его всё равно услышишь. От двух мы ушли, раздался первый взрыв, второй, мы от них ушли. А третий почувствовался — ударил рядом с машиной, её даже отбросило. Как я понял, у нас отказали тормоза и накрылась коробка передач. Мы не могли переключиться, не справились с управлением и влетели в дерево. Я успел только поднять ноги и вылетел через лобовое. Потом, когда я уже отползал, мой товарищ, водитель, выбежал и начал меня оттаскивать от машины подальше, и в этот момент ещё один дрон ударил прямо в машину. Добили! Мой товарищ так мне и сказал, что если бы я не поднял ноги, то мне обе ноги ровно по колени обрезало бы. И сто процентов нас бы погасил последний дрон — это был контрольный выстрел.

— А кто вам оказывал помощь?

— Шины я себе сам наложил. Через боль. Перелом не открытый был, а закрытый. Я наложил шины, вколол себе обезбол. У моего товарища сотрясение мозга было и трещина в позвонке, как позже выяснилось. Он меня на себе тащил. Мы искали в первую очередь место, где можно спрятаться, чтобы хотя бы правильно оказать себе необходимую помощь. Потом по рации доложили, что мы оба «триста», а я тяжёлый. За нами вышла группа, и нас эвакуировали.

Я представил, как этот худой жилистый паренёк с переломанными ногами боролся за свою жизнь и товарищ с повреждённым позвоночником волок его на себе. Дальше Саша-Бульдозер наглядно показал свой сибирский характер, чего я совсем не ожидал от этого щупленького мальчика в очках. Когда сорокалетний мужчина из Донбасса, лежавший на кровати напротив, попытался поправить какую-то его реплику, Саша спокойно и уверенно осадил его: «Я отвечаю за каждое своё слово, за то, что видел на войне своими глазами, а не за то, что видели другие. Вы за свою войну сами расскажете». И умудрённый опытом сорокалетний мужчина уступил молодому без спора. В целом же за всё время общения с ранеными я не видел ни разу, чтобы они ссорились. Им делить было нечего, жалеть за «ленточкой» их было некому, и поэтому они берегли друг друга. Раненый мужчина из ДНР хотел поговорить со мной:

— Я вам дам прочитать два листочка. Это очень важно! Вы поймёте.

Я пообещал ему прочитать записи, и мы договорились с ним побеседовать в следующий мой приход в госпиталь. Саша продолжал:

— Вот насчёт выданного имущества хотелось бы сказать. У нас вещи выдаются, броники, например, ещё из Афганистана, старые, советские…

— Они держат только осколки, больше ничего не держат, — дополнил Сашу Олег из ДНР, — тебе приходится покупать себе нормальный броник за сто-сто пятьдесят тысяч. Это тебе надо добиться «увала» (увольнения), поехать в город, где тебя будет напрягать комендатура, ты приедешь оттуда, во всём виноват. А если ты виноватый, то ты сразу идёшь в штурм, но в своём новом бронике.

Саша-Бульдозер уважительно дослушал старшего товарища и продолжил рассказ.

— Не поверите, с начала моей службы, с прошлого мая, через мои руки прошло столько людей, что можно собрать небольшой город. Даже когда мне самому опасно вытаскивать раненого или двухсотого, я всё равно шёл и вытаскивал. Потому что если я не вытащу двухсотого, то семья не получит ни выплату, ни само тело, чтобы как положено придать земле. Я рисковал своей жизнью, чтобы родные двухсотых получили хоть что-то. Мне пообещали медаль за спасение погибавшего, а в итоге её получил человек, который сидел на КНП и готовил командирам еду. Он занимал должность командира группы эвакуаций, но ни разу никого не вытаскивал. Один раз он накосячил, и командир батальона отправил его со мной вытаскивать человека. Этот тип мне прямо сказал, что его жизни угрожает опасность, так что дальше я иду сам. И ушёл. А я что сделаю? Я руками развёл и пошёл один.

Этот небольшой эпизод с передовой ясно показал, что в любые времена люди делятся на людей долга, как Саша-Бульдозер, и приспособленцев, которые ищут место потеплее.

— Саша, а ты служил срочную службу?

— Срочку я проходил в ВКС, рота охраны, в Барнауле.

— Служба была нормальная? Дедовщина была?

— Дедовщины точно не было, там уставная часть.

— А на фронте?

— Нет. Старослужащие, те, кто дольше меня служил, они, наоборот, за тебя горой: ты мой товарищ, ты мой брат, я тебя не брошу! Потому что они были в штурмах, они всё видели. Мне повезло с командиром роты — он тоже родом из Алтайского края. Как только мы приехали, он нас построил и говорит: «Ребята, если вам что-то нужно, я попытаюсь выбить через гуманитарку и тому подобное, но сразу предупреждаю — я не всесильный. Что-то придётся покупать

за свои деньги. К старшине можете не подходить — это шакал конченый. Он так и сказал: «Старшина — шакал конченый. Не подходите к нему вообще. Идите сразу ко мне напрямую». Он — настоящий офицер. Когда люди заходили на передок, он с птицы наблюдал, конечно. Но когда выходили, я честно скажу — видел его слёзы.

— Получается, он с птички видел, как погибали его ребята?

— Да! — Саша приумолк, припоминая своего ротного. — Он-то командовал правильно, но люди в бою теряются. Он им кричит, чтобы они шли туда-то, а они идут в другую сторону и по итогу они — двести. Практика показывает, что люди, которые не теряли самообладания и его слушали, оставались в живых. Меня затрёхсотило двенадцатого февраля. Я уже говорил, что меня хотели, как гражданского, списать. Когда командир роты узнал об этом, он поднял на уши всё и вся. Он при мне сказал командиру батальона, что «этот человек сделал больше, чем ты за всю свою жизнь!» Командир роты у нас хороший, но не всесильный. В отпуска у нас не ходят, потому что наша отдельная штурмовая рота находится в постоянном боевом действии. Даже когда нас на ротацию выводят, подходишь к нему и спрашиваешь насчёт отпуска, он сразу говорит: «Я попытаюсь, но ничего не обещаю».

— А на гражданке ты кем работал?

— Тракторист и водитель. У меня пять категорий. Я же поначалу ездил на баги, а на неё как раз тракторные права и нужны.

— А какие отношения были с местными? Может, кто помогал? В каком населённом пункте стояли?

— Да, помогали нам, было такое. Мы, когда брали деревню Дружбу, я с нашим фельдшером поселился на Бессарабке, это близлежащая деревушка. Мы заняли полуразваленный дом, заделали окна и там жили. К нам приходила бабушка. Она варила у себя дома борщ, приносила, ставила нам на порог кастрюлю и уходила. Она помогала всем военным. Говорила, чтобы обращались к ней, если что постирать, пожалуйста.

Саша продолжал:

— За год наш батальон брал Дружбу, поучаствовал в Дзержинске и в Торецке. Как-то за месяц продвинулись на пятьдесят километров, а Дзержинск брали три месяца. Там у меня было много работы. Ребят вытаскивал либо на закате, либо на рассвете, потому что дроны ночные ещё не видят, а дневные уже не видят.

— А форму какую выдали?

— Форму выдали и летнюю, и зимнюю. Но после первого же боевого выхода ты вынужден её менять. Ты идёшь и покупаешь новую.

— Она рвётся или что? — недоумевал я, но ответ потряс меня своей прямотой и откровенностью.

— Она воняет труппами. Её невозможно уже отстирать. Она засаленная и воняет труппами. Именно запах разложения, который ничем невозможно вывести. Ну, это у нас, у медицины, про других не скажу. Бывает, что человек в одной и той же форме находится на позиции по пять месяцев.

— Ни помыться, ни постираться?

— Вот салфетки влажные обтереться — это максимум.

— А сухой душ?

— А кто же его будет использовать. Там в любой момент могут сказать «минута готовности и вперёд!» Там подолгу никто не снимает с себя ни броню, ни одежду…

— Просто вы не представляете, что значит доставить душ на передовую, туда, где люди в укрепе стоят. Максимум доставят туда патроны и сухпай. И всё! Это если ты откатишься назад, где-нибудь в лесополке его использовать можно, — дополнил рассказ Александра угрюмый костромич Антон.

— А окопные свечи?

— На передке свечи не используют. Там сразу на тепло прилетит что-нибудь. Повезёт, если труп лежит, с него снял и грейся, — снова вставил своё слово Антон. — Если ничего нет под рукой, будешь спать, где придётся, и одеваться во что придётся, и одеждой с трупа не побрезгуешь.

Меня потрясла жуткая откровенность ребят, с которой они поведали мне об обычных вещах, происходящих на фронте.

— Иногда приходилось даже залезать в мешки для двухсотых, чтобы согреться. Мне пришлось. Он, конечно, чистый, не распакованный, я застёгивался изнутри и спал, — признался Саня-Бульдозер. — Вот зимой, допустим, холодно. На тебе бушлат, одежда, плюс ещё броня — ты неподвижный, ты не можешь двигаться нормально. У нас ребятки ходили в кителях. Обычные верхонки и броник сверху. Все болели, я им поставлял антибиотики на позиции на самый передок. То есть вот — наши, прямо туда я доставлял медикаменты и воду, а следующие — укропы.

У нашего фельдшера позывной Уголок, у него фамилия Угольников. Он местный. Из Енакиево родом, это рядом с Донецком. Воюет с четырнадцатого года. Честно скажу:

более достойных людей я в жизни не видел! Это настолько самоотверженный человек! Мы с ним вдвоём залезали в такое пекло, чтобы людей вытащить… За всё время эвакуации у меня задвухсотился только один человек, но я там ничего не мог сделать, а Уголка в тот момент рядом не было. Я один вытаскивал этого солдатика, и по нам начала работать «полька» (миномёт). Я его сначала тащил на себе, как рюкзак, потом на четвереньках волок его, потому что сил уже не было. Ударила «полька». Меня Бог миловал, а ему не повезло — осколок зашёл через пах, а вышел через шею. Его убило прямо на мне. Он «вытек», я один уже не мог ему помочь, а Уголка рядом не было.

Меня в очередной раз поразило то спокойствие, с которым этот молодой человек рассказывал о военных буднях, где он находился на волосок от смерти.

— Да, достойный человек, твой фельдшер. А сколько ему лет?

— Он 1986 года рождения. Сейчас на списание идёт. Когда мы зашли в Торецк, меня оставили в части, потому что мы ждали пополнение, которое я должен был обучить медицине. Уголок один работал неподалёку от передка в небольшой комнатке, куда приносили раненых, и он им оказывал помощь. Видимо, его засекли, и по нему тоже стала работать арта. Осколками ему посекло руку, ногу и — то ли тринадцать, то ли шестнадцать осколков вытащили из черепа. Один осколок зашёл через затылок, а вышел через глаз. Глаз выбило, вместо него поставили стекляшку. Но он остался адекватным, несмотря на такое ранение. Его Бог отводил, это у него первое ранение за столько лет войны.

— Ты верующий?

Саня долго доставал завалившийся в кармане крестик, показал его мне:

— У меня китайский багги, на котором я ездил — вся панель в нём была уклеена иконами. — Саня вспомнил интересный момент: — По телевизору, по новостям, показывали про багги, мол, максимально перевозимое количество — 12 человек. Поворачиваюсь на Уголка, а он мне: «Так ты же 16 вывозил!» Говорю: «Да!»

— За один раз? — не мог я поверить в такое. — А как это удавалось тебе? Он же маленький!

— Маленький, вёрткий, восемьдесят семь лошадиных сил. Но вместить может много. Машине будет тяжело, но она будет ехать в любом случае, — он достал телефон, чтобы показать фотографию своего багги. — Впереди людей сажу,

сзади — на багажник и ещё на крышу залазили — я их пристёгивал.

Полистав фотографии, Саша показал фото багги с дыркой от пули под панелью — это он так разведчиков возил на задание.

В этот момент в наш проход подошла медсестра и попросила Сергея, что лежал на угловой койке, побрить участки тела и подготовиться к операции, назначенной на завтра. Я подогнал кресло-коляску в проход, хотел помочь ему сесть, но он отказался от помощи. Мы договорились с ним поговорить в следующий раз. Я пожелал ему удачной операции и, попрощавшись со всеми, пошёл на выход.

Я пришёл через пару дней и сразу направился к Сергею. Самочувствие после операции у него было хорошим.

— Сергей, расскажи, как ты попал на СВО?

— Работал я санитаром в «психушке» пять лет, сутки через трое. Получал неплохо, тысяч сто за восемь смен выходило. Как-то смотрю телевизор: все воюют, а я сижу. Стыдно стало — срочку не получилось послужить, а у меня сын растёт. Вырастет и скажет мне: «Что ж ты, батя, для родины сделал?» Что я ему отвечу?! Что-то внутри у меня засвербило. И начал я издалека, помаленьку жену готовить — каждый день ей говорю об этом, что и мне пора: «Пойду!» Перед тем, как отправиться в военкомат, взял отпуск, и мы с сыном вдвоём поехали на море и, когда вернулись, я сразу пошёл и написал рапорт. Наша питерская команда была тридцать восемь человек. На передке мы были под Бахмутом, есть там такая Клещеевка. Ею во всех батальонах пугали: всех, кто выстёбывается, туда отправим! Это было как раз в то время, когда вагнеровцы Бахмут освободили…

— Так ты сколько провоевал?

— У меня ещё летом двадцать четвёртого закончился котракт, я его на год подписывал. Непосредственно на передке два месяца провоевал. И год уже по госпиталям валяюсь.

— А войска какие? Твой позывной?

— В пехоте. Под Клещеевкой попал под раздачу. Обстановка там жёсткая. Полк постоянно пополнялся. Позывной у меня Псих, это я по гражданской работе взял.

— А родился ты где?

— В Самарканде. В красивом городе. Я бы оттуда сроду не уехал, если бы Союз не развалили и всё было бы по-

прежнему. Стали на нас косо смотреть. Уехали мы в 1999 году оттуда, продав за копейки отличную квартиру в шикарном районе, за тыщу триста баксов. Этих денег хватило только на маленькую халупу в Краснодарском крае в глухой деревне. Там тётка родная всю жизнь прожила, мамина старшая сестра. Вот мы к ней и поехали.

— Я тебя, тёзка, прекрасно понимаю. Мои родители в 1998 году в Казахстане продали дом в селе на Бухтарминском море за сто долларов в рассрочку и уехали в Алтайский край. Сразу нам отдали два килограмма копчёной рыбы, остальные деньги через четыре года. Тогда там дома ничего не стоили, — я поделился своей историей, которая была близка и Сергею, и задал ещё сложнее вопрос о возвращении русских на историческую родину, который был мне хорошо знаком: — А как местные кубанцы вас приняли?

— Не очень хорошо. Совсем другие люди. Вы же сами знаете в Средней Азии как? Двери для всех открыты. К нам в квартиру приходили цветной телевизор смотреть соседи, тогда же не у всех были современные телевизоры. Там — чай, застолье, там — гостеприимство. В Краснодаре, конечно, такого не было. Были там очень нехорошие ситуации.

— А чем жили на Кубани?

— На ферме я работал скотником года три. Хозяйство у нас было: бычки, гуси, утки, куры, кролики. Мне это не нравилось. Я же тогда юный был, девятнадцать лет, надо было развиваться, дальше учиться. Я в Самарканде в квартире жил, городской. А тут — колхоз, хозяйство. Потом старший брат у меня там на машине разбился, погиб.

— А как ты в Питер попал?

— Это всё благодаря младшей сестрёнке. Она приехала сюда учиться, поступила в Горный институт, окончила его. Получается, девять лет мы прожили на Кубани, прежде чем оказались в Питере. Тут я работал в автосервисе, таксовал, на стройке работал, «КамАЗ» водил — чем только ни занимался. Женился здесь, сын родился.

— А жена у тебя откуда?

— Она у меня из Великих Лук. Тут такая фишка выходит, ирония судьбы — у меня дед, мамин отец, родом из Великих Лук. Вот и скажи, что земля не круглая! Деда во время войны мальчишкой эвакуировали в Среднюю Азию. Дед работал на заводе «Красный двигатель», снаряды они изготовляли.

— Вот ты и вернулся на круги своя!

— Да! Это точно! Вернулся в родную гавань. — Он приподнялся на кровати, положил удобней подушку и

продолжил: — А на войне меня эвакуировали… Прикол был… Я пацанов вытаскивал. Подползаю к покойному уже майору с позывным Железяка... Мы заходили — по сто метров интервал был, он за мной зашёл. Пока до позиций дошли, уже темнота такая. Я у него спрашиваю: «Что делать?» Отвечает: «Ищи укрытие, яму, ложись. Сейчас дискотека начнётся». И вот нас придушили хохлы: двадцать четыре на семь — нашу лесополку кассетными бомбами утюжат. Укрытия нет никакого. Здесь ребята раненые в палате рассказывают про блиндажи или что-то такое, у нас этого ничего не было. Скошенная артой и пулемётами лесополка, по пояс ямы, и ты в этой могиле лежишь, укрылся веточками, плащ-палаткой. И ты понимаешь, что они летают над тобой, дрончики хохляцкие, они с теплаками, со всеми наворотами. А я зашёл туда совсем пустой, четыре километра пешком. Мне сказали: там есть, всё найдёшь. Зашёл, а там ничего нет. А пока шёл, весь мокрый. Уже темно, начинают молотить: «Бух! Бух!» Тут коптер хохляцкий появился. Я нашёл яму, плюхнулся в неё, к одной стенке прижался, к другой. А этот падло висит над тобой: «Зы-ы-ы!» На психику давит. Ты чувствуешь: он сейчас делает над тобой приближение: «Зы-ы-ы!» Я в землю врос, в стену вжался, крестик в рот засунул…

— Ты в этот момент о Боге вспомнил?

— Я о Боге не забывал! Там по-другому никак. Клянусь, нет другого объяснения тому, что я сейчас живой, здесь с вами. Я жене так и сказал, что Бог спас. Я был там, где меня хотели убить. Конкретно, один какой-то человек с пистолетом из-за личной неприязни ко мне. Стреляли по мне танки, арта, дроны…

— Сергей, ты про какой-то розыск проговорился, это что за момент был?

— Прямо в полк приезжают менты гражданские, спрашивают: «Сергей Александрович?» Говорю: «Да». Они: «Собирайся, поехали, ты в федеральном розыске! Рассказывай, что ты натворил в Луганске 5 сентября 2023 года?» Я говорю: «В смысле? 4 сентября меня ранило, а 5 сентября я был в Светлодаре в госпитале». Отстали. Вот только бумагу прислали из Луганска, что я не в федеральном розыске, — он порылся в тумбочке и подал мне бумажку.

Я пробежал глазами: «Краснянка. Прекратить… Поставить на все виды довольствия. Восстановить выплаты. Гвардии подполковник…»

— Это наша гвардейская армия. Но они не пишут мне «гвардии рядовой». Ведь так положено. Уважение минимальное хоть бы проявили!

— А как ты ранение получил?

— У меня была первая точка — лесополоса. Потом ориентир — разваленное здание. Там от него осталась чуть живой одна стена. Утром мне сказали: ползти на точку, скоро пойдут штурмовики. Пришёл майор Крест, уже покойный, командир роты штурмов, вот такой дядька! Питерский. Он ходил вместе со штурмами прямо до конца. А у меня был ротным Железяка. Он тоже питерский: интеллигент, культурный, в очках, красавчик, слова плохого от него не слышал. Когда я в отпуске был после ранения, читаю в «Телеге» объявление: «Сегодня прощаемся с майором Железякой». Я в такси прыгнул, поехал с ним прощаться.

— А как он погиб?

— Вытек. Ранение было сложное, не смогли кровь остановить. — Псих замолчал, вспоминая легендарного ротного, и резко переключился на другую тему: — Если бы вы видели лица штурмов, что вернулись из боя! Я видел. Я эту картину никогда не забуду. Их зашло десять, а вышло трое. Один другого на себе тащит. Когда подошёл, а у него глаза полные ужаса, весь в крови, грязный. Лицо всё грязью залеплено, и сквозь эту грязь и кровь одни живые глаза видны — и те полные ужаса!

Меня потрясла картина, нарисованная в нескольких словах раненым Сергеем.

— Вот я глаза закрываю и ухожу в эти события, каждый миг досконально помню, каждое движение. Ночью ко мне подползает Железяка и говорит: «Щас бой начнётся, готовься!» Голову высовываю из ямы, а там конец ствола не видно — темнотища такая! И тут начался в конце посадки, метрах в ста от нас, бой стрелковый: «Тра-та-та!» Пулемёт работает. Я автомат в ту сторону направил и жду. Минут сорок, наверное, это: «Тра-та-та! Ту-ту-ту!» И — вмиг тишина. Как обрезало. Я в непонятках: «Зашли или ушли?» Хохлы могли зайти потихоньку, такое бывало, в темноте, с ночниками, с глушителями по ямкам: «Тук-тук-тук!» Могли нас перестрелять, как куропаток. Я постоял минут двадцать, ствол в ту сторону направлен. Вроде тихо. Значит, наши туда зашли.

Псих подытожил последнюю реплику:

— Когда стреляют, как бы не страшно. Вот тишина — это страшно! Это непредсказуемо, всегда ждёшь какого-нибудь подвоха от тишины.

— Ты так и не рассказал, как тебя ранило?

— А, вот! Стена, стена… Пришёл ротный штурмовиков Крест. Его потом без меня уже убило. Сначала моего Железяку, а потом Креста убило. Этот вообще был известен с обеих сторон, не только с нашей. За его голову хохлы большое вознаграждение давали. Шрам ещё у нас был, подполковник. Мне сказал: «Будешь в медроте раненых таскать, на передок не поедешь». «Хорошо», — думаю. А приехали в Дебальцево, с Газели только спрыгнули, мне дали автомат, лопатку, каска у меня была своя, в эту же Газель погрузили и — на передок! Не по его вышло. Но всё равно Шрам — хороший дядька, много мне помогал. Подводник, не знаю — уволился он или нет? Откровенно скажу, мне везло — всегда хорошие люди попадались! Ну и вот, стоим мы возле этой стены. Крест пришёл, его немного зацепило осколком в руку. Он по рации своим: «Вы что, смеётесь, не можете срисовать того, кто по нам бьёт?» Я ему: «Крест, а тебя хохлы не слушают?» А он, спокойный и уравновешенный, ничем его из себя не выведешь, развеселился: «Меня здесь все слушают!» И с улыбкой ушёл. Таким и запомнился мне — отчаянным, весёлым, и в самые жуткие моменты боя ни один мускул на его лице не дрогнет — само спокойствие, которым и нас заражал. Достойнейший офицер!

Мы остались двое — я и Буба, медик. Пришли ещё ребята. Собралось нас шесть человек. А там одна стена, не знаешь, с какой стороны спрятаться, куда встать, долетит снаряд или перелетит через эту стену. Сначала один прилёт, за ним ещё прилёт — недалеко от нас кассета разорвалась. Меня в живот ранило. Я себе тампон засунул. Все остальные вроде живые. Нас там уже восемь человек у стенки собралось. Опять прилёт, этот вдоль стенки. Меня опять зацепило — два коленных сустава, в голени осколки, кисть, плечо. Я говорю: «Разбегаемся, третий бахнет — нам кранты!» И вскоре туда прилетело, вовремя расползлись. Я пробрался к Железяке, говорю: «Я — триста». Он: «Иди в эвакуацию». А там четыре километра, а я в ночи заходил, дороги не помню, боюсь потеряться. А он говорит: «Возьми в руки провод (связь) и по нему дойдёшь, не потеряешься!» Я дошёл до перекрёстка, а там полёвка-провод куда-то в землю уходит. Стою на перекрёстке: «Что делать? Куда идти?» Пошёл прямо. А там — паренёк с автоматом: «Пароль?» Я ему: «Ты чо, какой пароль!» Он затвор передёргивает: «Пароль!» Я ему как на духу, как «Отче наш»: «Такая-то армия, такой-то полк, такой батальон, рота, позывной Псих». Он: «Заходи!» Я в лесополку, там раненые лежат. Подъехала

«буханка», загрузились, и по полям без света: «Вжи-и!» Страшно в темноте нестись по кочкам! Увезли в Светлодар.

Честно признаться, я не ожидал от этого скромного мужчины такого откровенного разговора. Недооценил я его. За добродушием и улыбчивостью этот обычный русский солдат скрывал ужас пережитой душевной и физической боли. Теперь он рассказывал сам, без моих наводящих вопросов.

— Какой ужас этот первый госпиталь, там слышно, как рядом стреляют. Я заглянул внутрь, и мне сразу припомнилось кино «Чистилище» — этот запах смерти, запах крови; пацаны лежат на туниках — везде тела, повсюду, тут же стол стоит с вкусняшками: печенье, чай, кофе. Девочки медсестрички бегают. Воды нет, дали салфеток, чистую одежду. Кровать нашёл с двумя чистыми подушками, думал: «Рубанусь спать». Лёг, а сна нет. Глаза закрою и вижу, как вживую, до мельчайших подробностей каждое мгновение боя, и всякий раз надо мной зависает хохляцкий дрон: «Зы-ы-ы!» Нудно так гудит над душой. Суток четверо-пятеро ещё не спал после этого. Шорох какой-то внутри, страх, душа ворохается. Потом увезли в Стаханов. Там пролежал девять дней. Со Стаханова на Луганск, с Луганска на вертолёте в Ростов, с Ростова в Новочеркасск, с Новочеркасска в Ульяновск. С Ульяновска попал в Воронеж.

— Хорошо тебя покатали.

— Да, неплохо! Где ещё тебя так покатают, к тому ж бесплатно! Осколки вытащили только в Воронеже. И то хирург красавчик попался, добро дал. Они, два осколка, синхронно попали в колени. Как будто два крантика открыли — с мизинец струйки крови: «Вжи-и». И живот — повезло мне, что не сквозное, а по касательной прошло.

Позывной Сергею был не к лицу, словно чужая маска. Спокойный, уравновешенный, с неторопливой речью. Повидавший немало в своей жизни, Сергей не озлобился и ни разу никого не осудил, а только благодарил Бога за то, что на его пути встречались замечательные люди. И горько сожалел о погибших.

— Там немало наших питерских ребят погибло. У нас в Дебальцево лагерь был, где мы отдыхали после боёв. Нас туда только привезли с гражданки. Встречает мужичок с позывным Коба, это он сталинский позывной взял: «Палатки пустые, видите? Заходите, заселяйтесь, сюда уже никто не придёт — пацаны с заданий не вернулись». Там — вещи их остались. Но там совсем другая цена у всего. Цена деньгам, цена вещам.

Там этого совсем никому не надо. Главная цена — это жизнь! Мы в тот вечер приготовили ужин, у нас был коньячок, позвали Кобу посидеть с нами: «Расскажи, Коба, что там на передке?» Ведь мы там ещё не были, интересно было узнать от бывалого человека. Он как сел, пластинку завёл: «Там — Армагеддон! Там — Армагеддон!» И ничего не рассказывает, как будто заело пластинку, одно и то же: «Там — Армагеддон!» Мне уже сюда в госпиталь сестра его написала: «Коба ушёл в бой и пропал без вести». Вот так.

Сергей задумался, вспоминая братанов, с которыми связан крепкими боевыми узами. Продолжил:

— Был у меня приятель, позывной Налим. Когда нас каждого Шрам вызывал на беседу, Налим сам у него в штурма просился. Идейный был, заряженный за родину повоевать. Лет пятидесяти. Знаю, что он в тюрьме много отсидел, но ушёл на фронт с гражданки. Мастер спорта по хоккею. Золотой мужик был, будто всю жизнь с ним знались. Дружно с ним жили. Осколок прилетел, и всё. «Мужика» ему дали посмертно, орден Мужества.

Много интересного я услышал от ребят в этот раз.

Война с появлением квадрокоптеров стала другой. Я не могу забыть ролик из интернета, где вражеский коптер подлетел к самому лицу нашего умирающего возле гусеницы танка солдата, красивого русского паренька, и смотрел ему в глаза, цинично наблюдая наступление смерти. Сергей с позывным Псих, страдающий бессонницей, признался, что боится засыпать. Каждый раз ему кажется, что он снова лежит в мёрзлой яме, похожей на могилу, вжимаясь всем телом в землю под плащ-палаткой и слышит над собой нудный, давящий звук вражеского коптера: «Зы-ы! Зы-ы!» Он берёт в зубы крестик и истово мысленно молится, прогоняя наваждение, тенью бредущее за ним по всем госпиталям.

Тяжело дастся нам наша Победа! Ой, как тяжело! Разве есть у нас право забыть все эти неимоверные усилия наших ребят, что взвалили на себя этот тяжёлый крест — защищать Родину в тяжелое для неё время? И Саша-Бульдозер, и Серёжа-Псих и десятки тысяч похожих ребят с честью выполнили свой воинский долг. А мы, сидящие в тепле и уюте, достойны ли этих мальчишек и мужчин, которые смело шагнули по первому зову Родины в самое пекло?..

Продолжение в следующем номере

Юрий ШУРЧКОВ

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО АНГЕЛОВ

ПОВЕСТЬ

Вот уже больше двадцати лет я живу в городе за́мков и дождей, который называется Эдинбург. Это столица Шотландии, откуда родом всемирно известная колли по кличке Лесси и Лох-Несское чудовище.

Типичная погода в нашем городе — свинцовое небо, холодный, пронизывающий ветер и моросящий дождь. Но мне такая погода нравится! Я шагаю по улицам с непокрытой головой или завернувшись в дождевик, и не прячу лицо от водяной пыли. Только разноцветно одетые туристы сиротливо прячутся под окружностями зонтиков.

Что я не люблю — так это изнуряющую жару с палящим солнцем, за которой многие готовы ехать чуть ли не в пустыню Сахара. И еще ненавижу бесцельное лежание на пляже.

Ах, да — забыла представиться! Меня зовут Синтия. Или просто Синди. Я — социолог и математик, учусь и работаю в Эдинбургском университете, занимаюсь статистическими исследованиями. Собираю материалы для статьи о факто-

рах влияния на объемы пассажирских перевозок. Поможет ли моя работа человечеству в решении его насущных проблем? Не знаю. Но каждый день я обобщаю данные о продажах билетов у авиа, железнодорожных и автобусных перевозчиков с помощью собственной компьютерной программы. Та выводит таблицы, строит графики, пытается уловить тенденции и прогнозировать изменения. Говорят, что искусственный интеллект сделает мою профессию ненужной, но я в это не верю.

Некоторые из моих друзей считают эту работу скучной… Я так не думаю. И, самое главное, — мне интересно!

Было около двух часов пополудни, когда я зашла в кафе на Джордж-стрит и заказала капучино. Я не была голодна, просто запах свежего кофе вырвал меня из шумного мира и на некоторое время окружил атмосферой тишины, размеренности и уюта.

Я никуда не торопилась, потому что в запасе был, как минимум, час. А этого времени с лихвой хватит не на одну чашку кофе.

Внезапное «седьмое чувство» просигналило о нацеленном в меня взгляде.

Я мгновенно повернула голову в нужном направлении, словно точно знала, откуда шло воздействие. Остатки «первобытнообщинной» сенсорики, почти убитой эволюцией, дали вполне точный результат. Парень за столиком у стены понял, что обнаружен, и сделал вид, что смотрит не на меня, спрятав глаза в тарелке с фаст-фудом.

«Ну что ж, не на меня, так не на меня!» — иронично подумала я, и, вернувшись к мыслям о статье, опустила свой взор в светлый квадрат окна.

Сделав глоток, поставила чашку на блюдце, рассматривая припаркованный на улице кэб… Однако новый сигнал «седьмого чувства» и женское любопытство заставили меня снова посмотреть в угол, где сидел парень.

Два взгляда встретились, отозвавшись в нервной системе импульсом электричества. Теперь уже я пыталась сделать вид, будто смотрела не на парня, и с неприятным чувством неловкости, чтобы скрасить оплошность, я взяла ложечку и принялась мешать кофе.

Не прошло и половины минуты, как боковое зрение уловило бесшумное движение.

— Доброе утро! — вдруг совсем рядом раздался мужской голос. Я подняла глаза и увидела парня, что минуту назад сидел в углу, нагло глазел на меня и, кажется, не собирался

пересаживаться. Надо сказать, что голос его оказался приятным и располагающим. Как в рекламе... Не помню, правда, чего.

— По-вашему, сейчас утро? — поинтересовалась я, продолжая перемешивать кофе. — Впрочем, здравствуйте! Доброго вам дня!

Я не старалась изображать из себя мисс неприступность и даже улыбнулась в ответ. Появление незнакомца случилось так неожиданно, что я не успела подготовиться.

— Вы забыли положить сахар! — с улыбкой произнес парень.

— Что? — не поняла я.

— Вы забыли положить сахар в чашку! — повторил парень, показав на блюдце. Ироничное замечание смутило меня окончательно. Зачем я работаю ложкой, если сахар лежит в пакетике нетронутым! Наверное, это что-то из дедушки Фрейда.

— Я люблю без сахара, — элегантно выкрутилась я.

— Можно присесть рядом с вами? — наконец поинтересовался парень.

— Конечно, — безразлично разрешила я, — стол же не мой! — Я ответила ровно таким же тоном, каким разговариваю с коллегами из университета. Может быть, чуточку помягче.

Парень принес тарелку с бутербродом и кофе. Вернулся за матерчатой сумкой на ремне и окончательно переехал ко мне.

— Меня зовут Питер, — радостно представился он и протянул руку для рукопожатия. В этот момент он выглядел забавно. Парень не знал, куда пристроить сумку, поэтому так и держал ее в руке.

— Синди, — ответила я, глядя ему в глаза. Мы смешно, словно дети, пожали друг другу руки и потрясли для крепости. Заметив вывалившийся из сумки ремешок «Кэнон», я не преминула проявить проницательность: — Вы турист? Приехали на наш фестиваль? Я угадала?

— Почему вы так решили? — так же мягко улыбнулся Питер, и в его глазах вспыхнули веселые искорки.

— Увидела фототехнику, — созналась я и добавила: — Впереди — три недели фестиваля искусства Фриндж и парад шотландских волынщиков у Эдинбургского замка! Кто кроме туриста станет таскать с собой тяжелую камеру! Местные жители видели это сто раз! Значит, вы, по меньшей мере, — приезжий! Я угадала?

— Вашей логике можно позавидовать! — ловко уклонился от ответа Питер.

— Так я угадала?

— Если я скажу, что вы угадали, то это будет неправда. Вернее, не вся правда. Но и утверждать обратное тоже некорректно!

— Тогда не мучьте меня тайнами и признавайтесь — кто вы?

— Точно не турист, действительно не местный, и в самом деле приехал на фестиваль, — ответил Питер. — Это моя работа, поскольку я фотограф и репортер лондонского издания.

— Так вы из Лондона? Вот здорово!

— Чем вы занимаетесь? — поинтересовался парень.

— Я студентка. И, по сравнению с вами, занимаюсь рутинной работой. Статистическими исследованиями закономерностей, — весело сообщила я. — Но тоже люблю фотографировать!

В общем, с Питером мы проболтали целый час, и, если бы я вовремя не спохватилась, то опоздала бы в университет.

Я вскочила, как ужаленная дворняжка, пожелала Питеру удачи и без оглядки выпорхнула на улицу. Парень прокричал про телефонный номер, но я так опаздывала, что не могла задержаться ни на секунду. В общем, я не придала значения этой мимолетной встрече.

Позже, в университете, мои мысли несколько раз наталкивались на воспоминания о жизнерадостном парне по имени Питер, и даже проскальзывало сожаление о том, что мы не обменялись хотя бы адресами электронной почты. В конце концов в университет можно было бы и опоздать, поскольку мой спешный побег из кафе сэкономил не так много времени.

Остаток рабочего дня тянулся медленно, как никогда. Будто у всех часов в городе сели батарейки. Но, к счастью, и время имеет границы. И оно не резиновое.

Я вышла на улицу, посмотрела на облака и отправилась домой — в сторону Нового города. В глубине сознания плескалась непонятная грусть и обидное чувство, ассоциированное из детства, когда я знала урок на «отлично», но вовремя не подняла руку, и заветную пятерку получила более расторопная соседка по парте.

Тем временем Питер сидел в гостиничном номере и смотрел на новую заставку компьютера — снимок девушки со струящимися волосами, бегущей по Джорж-стрит.

Я убежала от Питера, но не могла убежать от своей судьбы.

Проснулась я с ощущением потери. Ночные сновидения переплелись плотными кельтскими узлами, распутать которые к утру уже было невозможно. Сюжеты менялись и перетекали в новые формы, но их общий смысл напоминал догонялки. Что-то постоянно ускользало от меня, а я безуспешно пыталась это что-то догнать.

Очнувшись ото сна, я совершила набор утренних действий, составлявших мой ежедневный ритуал, и выскочила на улицу. Небо оказалось серым и к тому же просочилось дождем, а встречные прохожие казались такими же не выспавшимися, как и я.

В университете я погрузилась в работу, и это было временным лекарством. Но каждая чашка кофе действовала как заклинившая машина времени, возвращая мои мысли в одну и ту же точку пространства и времени.

— У тебя что, голова болит? — вдруг спросила подруга Мелисса, с которой мы вместе учимся и работаем.

— С чего ты так решила?

— Выглядишь озабоченно, как будто голова болит.

— Отстань! Просто не выспалась, — ответила я, что отчасти было правдой. Мели отстала, не вдаваясь в подробности. Ее личная жизнь бурлила романами и общественной деятельностью, поэтому даже учебе оставался лишь остаток приоритета. Ну а я, со своими таблицами, тем более не могла представлять для нее интереса. Скорее, наша дружба выглядела как взаимовыгодный симбиоз.

Около полудня в голову мне пришла замечательная мысль, ставшая одним из ответов к зависшей задачке. Если Питер был в определенном кафе в определенное время, то математическая вероятность того, что в то же самое время он будет там еще раз, имеет значительный положительный процент. Можно предположить, что в этом кафе он бывает каждый день!

— Так что же я жду! — мысленно воскликнула я. — Для решения задачки надо было всего лишь пойти в кафе и выпить кофе. Это самая легкая и приятная формула из всех мне известных.

Я сказала подруге, что пойду перекусить, и заодно встречусь с одним человеком.

— С парнем? — обрадовалась неуемная и вечно озабоченная Мелисса.

— Нет!.. Хотя да! Мели, отстань от меня! — запуталась я. Мне снова удалось уйти от расспросов с интимным уклоном и дурацкими подмигиваниями!

Город не так велик, чтобы что-то помешало добраться до Джордж-стрит к нужному времени. Подходя к кафе, я издали рассматривала людей, находившихся поблизости… Правда, Питера нигде не видела. Я переходила улицу и чувствовала, как сердце начинает биться быстрее. Рисовала себе картинки нашей встречи. Как будто всё снова должно произойти совершенно случайно, в соответствии с промыслом провидения. Я решила, что сначала не замечу его. Сяду на свое место и сделаю вид, будто смотрю в окно. Тогда он не выдержит и сам подойдет ко мне…

Раздался пронзительный скрип тормозов. Я очнулась и отпрянула. В нескольких метрах от меня экстренно затормозил «Rover». Водитель укоризненно взглянул на меня через опущенное стекло, но ничего не сказал. Это было даже хуже, чем если бы он меня обругал. А так… я чувствовала себя такой же виноватой, как моя кошка Тереза, когда по нечаянности оказывалась на запретном для нее кухонном столе.

— Извините, — сказала я водителю, приложив руку к сердцу, будто клялась на Библии, что никак не повлияло на мое настроение. Только бы Питер не видел моего конфуза.

Я приблизилась к кафе и сбавила шаг — я ведь и в самом деле никуда не торопилась! Больше того, я сознательно растягивала мгновения до встречи, повышая градус щекочущего чувства.

— Только бы он меня сразу не увидел, — думала я, не отдавая себе отчета в неверной постановке желаний. А ведь они часто исполняются и именно в таком виде, в каком мы просим.

Я увидела свое отражение в стеклянной двери и, выдохнув для нормализации сердцебиения, вошла в кафе.

О, радость! Столик, за которым я сидела в прошлый раз, оказался свободен! Я решительно направилась к нему, краешком глаза посматривая на место Питера…

Моя теория дала первую трещину: на месте Питера сидела немногословная пожилая пара туристов. Может, и не туристов, но очень похожих на них. Заказав кофе, я непринужденно расположилась за столиком и, как истинный математик, решила, что полное подобие прошлой ситуации в моей задаче не требуется. Иными словами, если сегодня Питер будет сидеть за другим столиком, то это не повлияет

на результат. Если парень в зале — он меня обязательно заметит и подойдет. Мне и искать его не нужно. Это же просто, как дважды два четыре.

Праздничное чувство в душе подсказывало, что Питер где-то тут. Возможно, уже видит меня и собирается подойти. Может быть, уже идет. Нужно закрыть глаза руками…

Прошла минута, другая… Третья и четвертая… Никто не сказал мне: «Привет, Синди»! А ожидание — пытке подобно! Так долго сидеть в неведении я не могу. Беря ситуацию в руки, я осторожно скользнула взглядом по залу…

В кафе многолюдно, но Питера не было, или я его не заметила.

Тогда я развернулась вполоборота, чтобы рассмотреть посетителей…

— Вы что-то хотели? — раздалось над моей головой. Сердце обрадованно дернулось и повисло на ниточке. Я даже не поняла, чей голос слышу. Мне было все равно. Ведь я уже знала, что это Питер!

Я оглянулась… Рядом со столиком стоял странноватого вида официант. Я сразу не поняла, что в нем было странного. Может, слегка выпученные глаза или хвост волос в резинке. А может быть, одежда и манера носить фартук. Нет, с одеждой у него всё в порядке. Просто парень отличался от других официантов, вот и всё. Мои ищущие движения головой он принял за сигнал ему, вот и подошел. Но это был не Питер.

— Нет, — расстроилась я. — Ничего не нужно.

— Извините, мисс. Если что-то понадобится, позовите меня, — улыбнулся официант.

«Конечно, я позову тебя, парень!» — с кислой миной подумала я, беспардонно разглядывая гостей заведения. Через пару минут окончательно стало ясно, что Питера в кафе нет. Праздничное настроение и преждевременная радость схлынули, остудив мозг, словно влажный воздух Гольфстрима.

Я снова заказала кофе и пила его с особо изощренной медлительностью, но уже через час поняла, что сегодня не мой день. У Питера вполне могли случиться неотложные дела, из-за которых его расписание поменялось. Встреча не состоялась. Потому что не могла состояться. Надеюсь, только сегодня.

Я позвала официанта. Он беспардонно заглядывал мне в глаза, будто потерял там что-то. Расплатилась и, проронив холодное «Спасибо», вышла на улицу. День уже не казался таким замечательным и солнечным, как пару часов назад.

Я прошла знакомым маршрутом, внимательно переходя улицы, и вернулась в университет.

— Как прошла встреча? Всё успели? — подмигнула вездесущая Мелисса. Ее губы расплющились в пошловатой улыбке, но меня это не тронуло.

— Встреча не состоялась, — грустно сообщила я. — Наверное, мы где-то разминулись.

— Да ладно, разминулись! — не унималась подруга. — Наверное, всё успели! Чего ты тогда такая замученная?!

— Не замученная, а расстроенная! Отстань! — огрызнулась я, но Мелисса слышала то, что хотела слышать, и другие версии были бессмысленны. Сделав вид, что занята, я погрузилась в текущие дела. Скоро начнется учеба, и времени на доделки и переделки не останется, появятся новые заботы. Я обзвонила транспортные компании, чтобы те выслали мне сводки о продажах билетов. Возможно, будь я просто «с улицы», со мной бы не стали и разговаривать, тем более тратить на меня время. Но мой университет, одно из главных высших учебных заведений страны, пользуется огромным авторитетом. Он разослал интересующим меня компаниям персональные письма с просьбой помочь в важных для страны исследованиях, и компании пошли навстречу. А многие, по-моему, даже гордятся сотрудничеством с университетом! Или используют в рекламных целях, упоминая на корпоративных сайтах.

По правде сказать, в моей работе имеется тайная составляющая. Я хочу доказать математически существование ангелов-хранителей, оберегающих людей от гибели при разных неприятностях, и написать специальную компьютерную программу для расчета.

Но для серьезного исследования мне не хватает статистики. Поэтому я самостоятельно собираю сообщения о катастрофах и фильтрую сводки о продажах билетов, в надежде отмыть из горы пустой породы кусочек чистого золота. Я разослала письма друзьям из других стран и университетов с просьбой помочь. Кое-что присылают. А где-то такие сведения засекречены! Что касается нашего города, то авиакатастроф или серьезных происшествий на транспорте у нас, к счастью, не случалось.

В этот день я еще не знала, что очень скоро мне выпадет шанс прикоснуться к тайне, спрятанной за колонками цифр. Но я была слишком наивна, и не понимала, что неоплаченных подарков не бывает.

Питер бродил по городу с фотокамерой, снимая мероприятия фестиваля, но мысли его были заняты только одним — СИНДИ. Девушка с распущенными волосами, которую он видел всего один раз в жизни, накрепко засела в его сознании, словно вирус в операционке ноутбука.

Парень рассматривал прохожих, мечтая отыскать в людском муравейнике знакомую улыбку, координаты которой он не успел взять. Питер мучился от осознания своей внезапной нерешительности, которой в обычной жизни у него не было. Откуда появились эти «тормоза» — он не понимал. Но что произошло, то уже произошло.

Надо сказать, что логика фоторепортера оказалась идентична логике математика и социолога. Именно поэтому Питер пошел тем же путем, что и Синди. Закончив отправку файлов в офис и получив порцию попутных брюзжаний редактора, парень прихватил ноутбук и отправился в город. Естественно, что шел он в направлении того кафе, в котором вчера видел Синди.

Он сел на прежнее место, чтобы его было легче заметить, и заказал набор из салата и чашки кофе. Точно так же, как и Синди, он неторопливо поглощал свои яства, оглядывал людей за столиками и с надеждой поднимал голову, когда раздавался мелодичный звук колокольчика на входной двери.

Через некоторое время к Питеру подошел странноватый официант и поинтересовался, не нужно ли чего клиенту. Парень заказал вторую чашку кофе.

Так же, как и Синди, Питер любил фотографировать и экспериментировать в Фотошопе. Когда любимое занятие совместилось с профессией, он не только не потерял интереса к бывшему хобби, а, напротив, с упоением постигал уроки мастерства, не считаясь со временем. Удостоверившись, что Синди в кафе нет, он открыл ноутбук, загрузил снимки с флешки и, коротая время, неторопливо перебирал их, отрезая второстепенное или выделяя главное. Но работа не клеилась, потому что постоянно прерывалась мыслями о той симпатичной студентке. Тогда Питер возвращался на «Рабочий стол», где стремительное движение девушки с длинными волосами по имени Синди сжимало перспективу, оживляя пространство. Динамика сюжета придавала снимку черты художественного полотна хорошей пробы. Но и на обложке глянцевого журнала это фото смотрелось бы неплохо.

Прошло около трех часов. После нескольких чашек кофе организм уже отказывался его принимать, угрожая ночной

бессонницей. Затянувшееся выжидание пришлось прекратить. Питер засунул вещи в сумку, дал на чай странноватому официанту с выпученными глазами и отправился в отель. Настроение не улучшилось. Да и босс, словно нарочно, позвонил именно в такой момент и учил, как нужно снимать... Шел бы он!

Поздно вечером Питеру пришла неожиданная идея. Он придвинул компьютер, открыл «Фотошоп» и перетащил в него единственное фото Синди.

Следующий день я начала по привычному расписанию, только ощущения сменились. Чувства потери больше не было, потому что во сне я уже ничего не теряла. Но какие-то особенные, торжественные нотки, похожие на предвкушение скорого дня рождения, терпко будоражили душу.

Я распахнула окно, и свежий воздух, настоянный на чистом солнечном свете, хлынул в мою маленькую уютную комнату, наполнив ее прозрачной прохладой. Настроение приподнятое, ведь наступающий день мог принести встречу с Питером. А я так этого хотела!

Это странно. Я не понимала себя. Чего я мучаюсь? Парень — первый встречный, о нем мне ничего не известно. Неужели засели в памяти старые сказки? Ведь только там девушки выходят замуж за первого встречного и… получается очень даже ничего, и даже за принца! Впрочем, это посторонние мысли.

— Тереза, не подходи к окну! Потому что у кошек нет ангелов-хранителей! — предупредила я любимую кошку. Насыпав в миску горку сухого корма, отнесла ее на кухню, чем на несколько минут заняла свободное время Терезы. Как раз, чтобы проветрить комнату. Благодарное животное мелодично мяукнуло и галопом помчалось на завтрак. Её довольное мурлыкание и хруст корма были слышны даже в комнате! Много ли кошке надо для счастья.

Мне стало смешно, и я улыбнулась. Тереза непонимающе взглянула на меня, но продолжила завтрак.

На улице ощущение дня рождения усилилось. По дороге меня постоянно встречали артисты, циркачи и клоуны. Прямо на газоне, тротуаре или автобусной остановке мне демонстрировали калейдоскоп спектаклей, представлений, миниатюр, пантомим, мюзиклов и шоу. Если все их смотреть, то и целого дня не хватит! А на работу точно опоздаешь! Часов на двадцать! Однако нескончаемый праздник заряжал

оптимизмом и радостью на весь последующий год, чтобы я без зонта прогуливалась под проливным дождем, а по вечерам зажигала в доме огни, привлекая тех, кто смотрит на них с неба или хотя бы с борта самолета.

Промучившись половину дня, я поняла, что не могу ни сидеть, ни работать, ни думать. Стянула со стола свою сумочку, тихо прикрыла дверь и выпорхнула на улицу.

К кафе на Джордж-стрит я подходила с громко бьющимся сердцем. А войдя в зал, сразу бросила взгляд на угол Питера… Но, естественно, его место пустовало.

Я села за свой столик. Он оказался свободным второй раз подряд, и это не вписывалось в законы математики. Наверное, неспроста. Заказала кофе…

…Я провела в кафе часа два и оглядела всех посетителей, но тот парень так и не появился. Я свалилась с неба на землю и поняла, что занимаюсь ерундой. Сдался мне этот незнакомец! Я его совсем не знаю, и еще не факт, что мы подружились бы. Мало ли придурков вокруг, успокаивала я себя.

Решительно встав, я покинула заведение. Хотелось сказать «гордо покинула», но никакой гордости не было. Скорее, досада и разочарование.

— Дура! — корила я себя. — На что я рассчитывала?! Он давно забыл, что встретил в кафе какую-то ненормальную! И не вспомнит никогда! Вообразила себе романтическую историю! Точно ненормальная!

Уличные музыканты добавили грусти. Их песня про несчастную любовь под аккомпанемент расстроенной гитары и убитой трубы просто бесила!

Должно быть, на моем лице было написано всё, что я думаю о жизни, потому что до самого вечера ко мне ни разу никто не обратился. Так и добралась до дома. Но даже Тереза смотрела на меня как-то не так, а поужинав, старалась не шалить.

Но я переболела и пошла на поправку. Как при простуде — сначала резко повышается температура, голова не соображает, а потом раз — и наступает перелом, облегчение. Так и со мной. Я перевернула неудачную страницу и успокоилась. Сумасшествие прошло. Я вернулась в сознание, а к своему микроскопическому приключению отнеслась с иронией. Ведь на самом деле ничего не произошло, даже не понятно, чего это я возбудилась. Радоваться нечему, но горевать тоже нет причин.

Мое «сегодня» закончилось. Я дотянулась до настольной лампы и выключила свет. Точка моего окна исчезла с картины вселенной. Но вряд ли кто-то это заметил…

Параллельные миры существуют! И в одном из них жил Питер. Он не забывал о Синди и продолжал искать с ней встречи. Только их измерения никак не хотели совпадать. Синди и Питер существовали в разных реальностях, и каждый жил своей жизнью, а значит, ходили по разным или одинаковым улицам, ездили на разных или одних и тех же автобусах. Только никак не попадали в одну точку одновременно.

— Можно напечатать фото на память? — спросил парень, забежав в фотосалон.

— Какой размер: десять на пятнадцать? — уточнил приветливый менеджер.

— А-три.

— Это фото на память?! — развеселился менеджер. — Может, оформим снимок в рамку? Чтобы сразу на стенку?

Питер согласился. Через час он получил огромный сверток с заказом и вернулся в кафе. Подозвал хозяина заведения, полноватого мужчину в джинсах и клетчатой рубашке, и минут десять что-то ему рассказывал. Мужчина внимательно и флегматично слушал, по ходу дела понимающе кивал. И лишь когда Питер показал содержимое конверта, хозяин моментально преобразился.

— Вот это да! Смотрите, это же наша улица и мое кафе! — воскликнул он, радуясь как ребенок. — Вот это да! Идите все, смотрите!

Мужчина схватил рамку и с гордостью, кинулся показывать фотографию всем сотрудникам и заинтересовавшимся посетителям. Через пять минут рядом с входной дверью появился красочный постер, стилизованный под анонс фильма-катастрофы, натуралистично передавший момент драматического времени, когда Земля подверглась метеоритной или астероидной атаке. Огненные бомбы с хвостами черного дыма разрушают Джордж-стрит. Изломанную мостовую разделяет огромная трещина. Косые нити синего дождя из черно-серых облаков пробивают гигантские молнии… На поломанных, как спички, мачтах освещения искрятся оборванные провода… Вокруг разруха, всеобщая паника… И — бегущая Синди с распущенными волосами.

Вместо названия фильма — надпись эффектным шрифтом: «СИНДИ, ПОЗВОНИ МНЕ! Питер».

Туристы приняли этот плакат за элемент оформления интерьера и фотографировались около него, выстроившись в небольшую очередь. Но, что самое поразительное,

некоторые из них, особенно дотошные, звонили по указанному на постере номеру, чем ужасно нервировали Питера.

Утратив в настроении романтические нотки, я весь день занималась делами. Мысли о парне из кафе больше не посещали мою голову. Или, скажем так, почти не посещали. Я была бы неискренней, если бы сказала, что моя память полностью стерта и отформатирована. Как я ни старалась, я не могла игнорировать воспоминания, хотя с течением времени они потускнели и уже не казались яркими, как в первый день. Их заунывная волынка еще будоражила душу, но уже не слишком остро.

Из университета я ушла около четырех часов пополудни. По дороге встретилась с Мелиссой, чтобы передать флешку, которую она забыла в компе. Она же такая растеряша! Мы прогулялись и поболтали. Мели рассказала про нового поклонника и про то, как она от всех них устала. Это было забавно слышать от нее, потому что романы и поклонники были одним из ее немногих смыслов жизни, на которые она не жалела времени.

Расставшись с Мелиссой, я неспешно шла по городу, потому что никуда не торопилась. Вдыхала аромат улиц и наполненный влагой воздух. Если бы дома не ожидала меня Тереза, я могла бы беспрестанно останавливаться и смотреть фестивальные 3D-действа, вылившиеся на улицы. Проходя по Джордж-стрит, я взглянула на кафе и собиралась перейти на другую сторону улицы, потому что внутри ничего не шелохнулось, но избыток свободного времени, природное любопытство и возникшее чувство голода привели меня к двери заведения, заставив войти внутрь.

Я проследовала на излюбленное место у окна, не преминув бросить взгляд на столик в углу...

Нет, Питера там не было и, видимо, глупо было предполагать что-то другое. Не стоит придумывать себе хрустальные замки, чтобы потом рушить их чугунной кувалдой! Я утоляла голод, смотрела в окно, слушала музыку, о чем-то думала… И всё такое в одном флаконе. Задерживаться в кафе я не собиралась, поэтому, слегка перекусив, направилась к выходу.

Мое внимание привлекли туристы, фотографировавшие картину на стене. Раньше там было пусто, и мне захотелось посмотреть, что же там изображено.

Туристы отщелкали кадры и вернулись за столик, а я приблизилась к предмету интереса.

Сначала я ничего не поняла. Сюрреалистическая сцена отвлекла взгляд от главного. Я с любопытством разглядывала картину, не обращая внимания на детали. И вдруг с удивлением узнала себя! Я ничего не понимала. Это было так неожиданно, что, ища объяснения, взгляд наконец-то сполз на текст…

И тут я испытала такой шок, будто меня коснулись электрическим проводом! Я не могла поверить своим глазам! Этот плакат был посланием от Питера! Послание адресовано мне! Значит, он искал меня! Весь клубок угасших было эмоций и чувств окатил меня новой горячей волной. Я лихорадочно полезла в сумочку за телефоном. Быстро набрала номер… Но сердце участило ритм, и я не смогла запустить вызов. Боже мой, я испугалась! Испугалась поговорить с незнакомым парнем! Да я ли это! Это был даже не страх, а какая-то юношеская робость.

Номер сохранился в телефоне. Я вышла на улицу, постояла, беспричинно улыбаясь и, отправилась кормить Терезу.

Забежав домой, положила телефон на видное место, будто сама ожидала звонка, и занялась кошкой. Подсыпала ей корм, налила свежей воды, подмела рассыпанный по полу наполнитель для туалета. Я ждала, не решаясь позвонить, потому что не знала, что смогу сказать! Никогда раньше я не задумывалась над подобным вопросом, а в общении с людьми не было проблем. А тут… Я почувствовала недостаток словарного запаса.

Однако, выдержав паузу, я твердой рукой запустила набор номера.

— Я слушаю! — ответил серьезный голос.

— Привет, это Синди! Мне нужен Питер, — беззаботно сказала я, ожидая ответной радости. Но мое приветствие привело абонента в необъяснимое замешательство.

— Здравствуйте! — сухо произнес парень.

— Ты просил позвонить? Вот я и звоню! — сказала я, теряясь от непредвиденной реакции и не представляя, о чем говорить дальше.

— А это точно ты? — последовал осторожный вопрос. — Чем ты занимаешься?

— Я… — Я оказалась в замешательстве. Он забыл, что я ему рассказывала! Даже обидно!

— Я учусь в университете и работаю там же! Занимаюсь статистикой! — С раздражением и досадой ответила я таким же тоном, как ответили мне в трубке. Я даже допустила, что просто ошиблась номером.

Но интонация абонента вдруг резко переменилась.

— Синди, привет! Это правда ты?! — проникновенно произнес Питер. Это был его голос! — Извини, что я проверял тебя! Мне звонили разные люди! И некоторые говорили, что они — Синди! Представляешь!

— Кошмар! — включилась я, не успевая за быстрыми изменениями. — И кто эти люди? Что им от тебя было нужно?

— Не знаю! Представляешь, они звонили и несли всякую чепуху! Наверное, проверяли телефон.

— Ты придумал замечательный постер! — похвалила я. — Все в восторге! И я тоже! Изображение так реалистично сделано!

— Если бы это не сработало, я бы пошел искать тебя в университете! — сказал Питер.

Мне стало приятно. Значит, он меня не забывал!

Мы встретились в кафе. Питер весь светился, как новогодняя гирлянда. Да и я была рада не меньше. Мы сидели за столиком у окна и болтали без остановки. К нам подошел хозяин кафе и принес по бокалу хорошего вина — комплимент от заведения. Оказалось, что он узнал нас и пришел сказать, что тоже рад нашей встрече. Это было так странно, сказочно и так трогательно, что я чуть не заплакала.

Питеру позвонил босс и что-то долго ему выговаривал.

— Что не так? — спросила я Питера.

— Понимаешь, я отправил в редакцию снимки, а тексты к ним не прикрепил, — смущенно улыбнулся Питер. — А самое плохое, что я случайно выбросил шпаргалку с текстами и теперь не разберусь, где и что изображено. Такая мешанина в голове. Твой звонок был для меня таким неожиданным, что я забыл о делах.

— Значит, это я виновата?! Тогда давай, вместе всё исправим! — предложила я.

Мы прошлись до отеля. Разумеется, я не поднималась в номер, а то бы был привет Мелиссе! Питер принес компьютер. Мы устроились в холле и принялись за работу. Он показывал мне фотографию, а я рассказывала, что на ней изображено. Мы тут же придумывали заголовок и короткую историю, писали текст и переходили к следующей фотографии. Это было хорошее развлечение для меня, ведь приходилось подключать фантазию. Мне было интересно, словно я делала студенческую газету!

Когда мы закончили работу, Питер отправил материалы в Лондон и вздохнул свободно.

— Я спасен! — воскликнул он. — Ты моя спасительница! А я — твой раб!

Из скромности я шутливо заметила, что работали мы вместе, а работорговлю отменили в далеком веке. Но мне было безумно приятно! Я поняла, что мои положительные чувства вызвало не слово «спасительница» — само по себе очень даже хорошее слово. И уж точно не «раб». Душевный трепет был вызван словами: «Ты моя». И, возможно, «Я твой…» Именно таких слов ждут все девушки мира от своих принцев. И, конечно же, это глубоко зашифрованное послание не могло быть не услышанным моей романтической натурой. Ведь его тайный смысл я почувствовала еще при первой встрече.

Питер отнес компьютер, захватил фотокамеру, и мы отправились гулять по вечернему городу. Я взяла на себя обязанности экскурсовода, а Питер фотографировал город и встречавшиеся нам фестивальные события. Сумерки и обильное искусственное освещение добавили снимкам густоты и сочности красок.

Мы приблизились к старому замку. Питер подал мне руку, и мы взбежали вверх по ступенькам. На других ступеньках Питер снова подавал мне руку, и это было так естественно, что, казалось, мы не замечали соприкосновения наших пальцев.

Потом мы просмотрели снимки на фотокамере и сделали шпаргалку, по которой Питер напишет тексты. Мне было весело, светло и интересно! Казалось, что мир открылся специально для меня. Но это был не тот мир, к которому я привыкла! Это был совершенно новый, незнакомый ранее мир, радостный и светлый, манивший тайнами и полной свободой.

Сумерки сгустились и незаметно перетекли в ночь. Питер проводил меня до дома. Пришло время прощаться. Мы стояли под фонарем и не могли расстаться, придумывая новые темы.

— А фото на память?! — воскликнул Питер и навел на меня фотоаппарат, а я сделала страшную гримасу.

— Что получилось? Ой! Это я?! Какой ужас!

Мы смеялись и, несмотря на позднее время, совсем не хотелось домой. Потом наступила пауза…

— Ну всё, мне пора, — негромко сказала я, понимая, что расставанию может не быть конца. — Завтра рано вставать. Тебе тоже.

— Уже сегодня! — заметил Питер. — Спасибо за помощь, за прогулку.

— И тебе спасибо за интересный вечер, — ответила я. Мы пожимали друг другу руки… И, кажется, всего на миг Питер задержал мою ладонь... Это было приятно. Незнакомый импульс пробежал мурашками по спине и замкнулся в точке контакта. А может быть, это на улице похолодало.

Миг растянулся на секунды, и его не хотелось останавливать. Мы лениво разжали пальцы, постояли еще минуту… Но другого повода взять друг друга за руки не нашлось. Мы попрощались, и я пошла домой. Вот так просто, повернулась и пошла. Иначе — не получилось бы.

Войдя в квартиру, я погладила Терезу, скинула туфли и тихонько подошла к окну. Питер стоял внизу и смотрел вверх. Он ждал, когда я дойду, и искал мое окно. Я включила свет и махнула ему рукой. Питер заметил меня, помахал двумя руками и только после этого ушел.

Я переоделась, покормила Терезу и приготовилась спать. Душа была свободна, как ветер, и плескалась в океане радостных чувств, смутно предчувствуя приближающееся счастье. А может быть, счастье лилось на меня прямо сейчас, только я этого не понимала.

Сердце не чувствовало подвоха.

Вдруг телефонная трубка подала сигнал — Питер прислал сообщение. Я ответила. И мы еще долго не могли уснуть, отправляя друг другу забавные смайлы-рожицы.

Наконец, окончательно и твердо пожелали друг другу спокойной ночи и легли спать.

Но разве мы могли уснуть!..

Утро было особенным. Во-первых, потому что ужасно хотелось спать. Во-вторых, потому что Питер обещал меня разбудить на работу и сдержал обещание, прислав милую открытку с пожеланием доброго утра. И, в-третьих, — потому что светило солнце, а сердце было распахнуто для света и тепла, как окна моей спальни. Второе и третье обстоятельства полностью компенсировали первое.

Я словно знала наперед какой-то секрет, будто предчувствовала наступление нового времени, которое другим людям невидимо и неподвластно. Это мой секрет и мое время!

Примчавшись в университет, я сделала всю работу до обеда и сказала Мелиссе, чтобы она меня сегодня не ждала. Подруга расценила мои слова по-своему.

— Так вы встретились? — обрадовалась она. В этот момент мне пришло сообщение от Питера, на которое я сразу

же ответила, не замечая никого вокруг и улыбаясь. — Да у вас общение полным ходом! И ты расцвела, как цветочек! А ну, давай, рассказывай!

Я не удержалась и всё разболтала! На самом деле мне хотелось с кем-нибудь поделиться, и Мели оказалась поблизости.

— Вау! У вас лавстори! — восторгалась подруга. — А ты не забыла про мой день рождения? Жду вас вместе с Питером — надо же посмотреть на твоего бойфренда!

— Не знаю! — засмущалась я. — Только он не мой, а просто…

— Просто, — хмыкнула она. — Просто только знаешь, где бывает!

Я знала. Потому что слышала это от Мелиссы не раз. Я чмокнула ее в щеку и убежала. Ведь я могла опоздать на встречу с Питером.

Мы гуляли и вместе делали репортаж о фестивале. Оказалось, что это так увлекательно! Мы искали неожиданные ракурсы, находили новые сюжеты.

— Какое впечатление от города?

— Первое, что я заметила, сойдя с самолета, — в Эдинбурге сильно пахнет солодом. Такое впечатление, что весь город — это большой пивоваренный завод! А еще меня удивили каминные трубы! Множество труб! В несколько рядов на каждом доме! Просто нереально! Много серого цвета и копоти на камнях!

— Это дань истории, печному отоплению и лучшему в мире виски! — ответила я.

Мы подошли к центру города, где мне пришлось стать экскурсоводом.

— Эдинбургский замок и дворец Холирудхаус соединяет Королевская миля, — рассказывала я. — По легенде, под мостовыми Королевской мили живет дух отважного волынщика, который спустился в подземелье и начал играть, чтобы люди наверху слышали его и могли найти. Но волынщик так и не вернулся. Говорят, что звуки его волынки слышны из-под земли до сих пор.

— Зачем он туда спустился? — вдруг поинтересовался Питер.

Я растерялась. В самом деле — чего он туда полез? Кто просил?

— Не знаю! — честно ответила я, и мы дружно засмеялись. Я вспомнила еще кое-что. — Призрак волынщика у нас не один. Кроме него по Эдинбургу бродят обезглавленные

барабанщики, разбойники с жертвами, кровавый судья Маккензи и другие забавные личности.

— Теперь я буду бояться темноты! — сказал Питер. — У вас тут сплошная мистика, приведения и Средневековье! Хотя из самолета город выглядит романтично: бескрайние изумрудные холмы, темные воды загадочного залива, и светлячки огоньков жилых домов.

— Город старый, но замечательный! Я бы никогда не переехала жить, скажем, в Лондон! Но мистики у нас хватает. Кстати, работа, которую я делаю в университете, тоже отчасти мистическая!

— Статистические исследования? — хихикнул Питер.

— Представь — да! — чуть не обиделась я. — Я исследую удивительный феномен, который сопровождает все, без исключения, катастрофы: всегда находятся те, кто должен был стать жертвой трагедии, но по каким-то причинам не попал в гущу событий и избежал смерти. Причем, эта закономерность имеет место в катастрофах любого типа! Представляешь?

— Как-то не очень...

— С точки зрения религии и веры — всё понятно: ангел-хранитель не подпустил человека к беде и тем самым отвел от него гибель. Но я хочу приблизиться к разгадке с другой стороны — с помощью математики и статистики! Я воспользовалась подсказкой Стивена Кинга, который первым обратил внимание на авиацию. И хочу доказать математически существование ангелов-хранителей, спасающих людей.

— Никогда не слышал об этом! — воскликнул Питер. — Теорема Синтии! Красиво! Как ты это сделаешь?

— Ну, сам процесс исследования — чистая статистика, математика, социология, а вот результат может получиться интересный!

— Ты сказала — статистическая аномалия, но причем тут ангелы? — недоумевал Питер.

— Понимаешь, когда-то давно социолог Стаунтон исследовал статистику двух сотен железнодорожных крушений за тридцать лет и выяснил, что поезда, попавшие в аварию, были заполнены всего на шестьдесят один процент от максимального количества пассажиров. А в благополучных поездках, заполнение составляло семьдесят шесть процентов! Результаты шокировали исследователя, и он списал пятнадцать процентов на вмешательство ангелов-хранителей. Иного объяснения аномалии найти не удалось.

Позже ученые обратились к авиации, и тоже выявили вмешательство ангелов-хранителей: от рейсов, закончившихся катастрофой, отказались на двадцать процентов больше пассажиров, чем от благополучных!

— Но причем тут Кинг?

— Он случайно наткнулся на статью Стаунтона. А как раз в это время в США, на маршруте Денвер—Бостон, разбился самолет компании Majestic Airlines, в котором погибли все пассажиры и экипаж. Кинг позвонил в штаб-квартиру компании и под видом журналиста поинтересовался, сколько из купивших билеты людей не полетели. Оказалось, что шестнадцать человек! Кто-то отказался от брони, кто-то просто опоздал! Но, как сообщили в авиакомпании, обычно таких бывает не более трех, а опоздавшие и вовсе редкость! Видишь, какая аномалия?!

— Впечатляет! Но это было так давно! Сейчас другие технологии, другие скорости. Что-то могло измениться, — предположил Питер.

— Технологии и скорости влияют только на безопасность и скорость перевозок. Аномалия сохраняется! За последние двадцать лет от рейсов, окончившихся катастрофами, отказывалось на восемнадцать процентов больше людей, чем от обычных рейсов. Это четкая закономерность, которая не может быть совпадением или случайным всплеском.

— А что сегодня? — заинтересовался Питер.

— Сегодня такие исследования веду я! Когда их закончу, то создам компьютерную программу для автоматического выявления рискованных рейсов и передачи сообщения в службу авиационной безопасности или полицию. И это будет еще одним сигнализирующим инструментом для спецслужб. Так сказать, система раннего предупреждения!

— Любопытно! Любопытно! — удивлялся Питер. — Об этом можно написать статью! И взять у тебя интервью!

— Когда-нибудь напишем, а пока идет техническая работа. У каждого исследователя должны быть собственные результаты. Ситуацию не прояснить, если рассматривать случаи необъяснимого спасения разрозненно. Поэтому я оцениваю большой массив информации о событиях с точки зрения математической статистики и моделирования.

— Значит, ангел-хранитель есть у всех людей? — уточнил Питер.

— Конечно! Он «положен» каждому человеку при рождении. Но есть множество людей, которые не обращаются к его помощи. А есть и другой тип людей, которые

молят о помощи, но у них черная душа и темная аура. К таким ангелы не приближаются!

— С темной аурой — это зомби и вампиры? — дурачился Пит.

— Отстань!

— Ну ладно, всё! А почему не приближаются?

— Не знаю… Может, там действуют законы разделения разнополярных энергий, — предположила я. — И светлое отталкивается от темного. Хотя на Земле почему-то отталкиваются одноименные полюса.

— Но если хранитель положен каждому, тогда почему люди гибнут в ужасающих количествах? Несчастные случаи, дорожные происшествия, наконец — войны и локальные конфликты! Получается, что ангелы не выполняют свои служебные обязанности? — воскликнул Питер.

— Ангел-хранитель — не бронежилет. Это существо высшего порядка, которое желает помочь человеку при его стремлении к доброте и любви к ближнему. Ангел не станет помогать людям, сознательно деградирующим во всех смыслах. В его задачу не входит и исправление кармы человека. Совсем наоборот. Хранитель не препятствует получению необходимых жизненных уроков. Но если ангел должен спасти человека, то он сделает это даже в смертельной ситуации. Например, уведет из самолета, который должен разбиться, заставит пересесть на другое место в автомобиле, потому что через минуту в то место врежется автобус, вынудит человека наклониться в тот момент, когда над головой пролетает пуля… Ангел может придумать массу уловок, чтобы его подопечный не попал на «несчастливый» поезд или самолет, и тем самым спасти его.

— Так что ж не спасает?! — не успокаивался Питер. — Люди же гибнут!

— Неужели ты не понимаешь?! — воскликнула я. — В задачу ангела-хранителя не входит сделать человека бессмертным! Он помогает ему стать лучше, чище, совершенней. Но если сам человек к этому не стремится, то и не может рассчитывать на помощь свыше. Да, много людей погибло в горячих точках. А сколько спаслось? Иногда — чудом! У тебя есть статистические данные, которыми можно оперировать? — Питер промолчал. — И кто стоял за сотворением многочисленных чудес, если не ангелы-хранители?

— Наверное, — согласился Питер. — Но мне кажется, что везет и подлецам.

— Я не согласна. И дело не в везении. Подлецы быстрее продвигаются по карьерной лестнице или хапают сокровища, но это не делает их счастливыми. В душе и на душе у них черно и пусто. И простой дворник-эмигрант может быть счастливее нашего миллионера!

— Ты права, но многие бы не отказались от миллиона в кармане, даже с пустотой в душе, — заключил Питер. Он помолчал и вдруг с теплотой произнес: — Синди, ты очень хорошая девушка.

— Я знаю! — отшутилась я, потупив глазки.

— И скромная к тому же! — развеселился Питер.

— Отстань! — рассмеялась я и отодвинула его от себя. Мистическая тема закончилась сама собой. Так же внезапно, как и возникла. Наверное, это тоже мистика!

Мы проголодались и завернули в кафе. Ожидая заказ, стали просматривать снимки. Некоторые я хотела удалить как не удачные, но Питер сказал, что нужно посмотреть их на экране компьютера, потому что на маленьком экране камеры можно что-то упустить. Я согласилась. Ведь он профессиональный фотограф, а я всего лишь любитель.

Перекусив, мы двинулись дальше. В какой-то момент, мы вдруг обнаружили, что ходим по городу, взявшись за руки.

— Ничего себе! — удивилась я. — Когда мы успели?!

— И я не заметил! — вяло оправдывался Питер. Мы оба лукавили, ведь держаться за руки было приятно нам обоим!

День пролетел как одна минута! Мы подошли к моему дому и остановились. Было уже темно, и свет фонарей давал резкие тени. Я понимала, что меня тянет к Питеру, как и его ко мне, но давать волю фантазии боялась. Ведь если посчитать, то мы знакомы всего несколько дней, из которых вместе провели еще меньше времени. Для эволюции отношений этого явно недостаточно.

— Пойду? — прервала я затянувшееся прощание. Но Питер не отпускал мою руку. Он приблизился и погладил мои волосы. В моей душе громче запели птицы и ярче зацвели сады. — Пойду, — тверже повторила я, потому что голова кружилась в хороводе чувств, а нежные прикосновения являлись тяжким испытанием. Питер потянулся к моим губам. Я улыбнулась, ловко подставив для поцелуя щеку. — Пока-пока, прошептала я и… впорхнула с улицы в открытую дверь.

Тереза встретила меня довольным урчанием. Пожалуй, я тоже была готова мурлыкать! Только, не умела этого делать!

— Как прошла вчерашняя встреча? — горячо интересовалась Мелисса.

— Отлично! — откликнулась я, и по моему сияющему виду было бы трудно заподозрить обратное.

— Всё-всё? — хитро уточнила подруга. Её интересовали пикантные подробности.

— Отлично, это не значит всё-всё! — заверила я, сохраняя интригу личной жизни.

— Чего ты теряешься?! — недоумевала сексуально-раскрепощенная Мелисса. — Живем один раз!

— Мели, я не теряюсь. У меня всё нормально, не заморачивайся по поводу меня, — попросила я, ведь пошловатый подтекст начинал доставать.

Отработав положенные часы в «универе», я, сломя голову, побежала на свидание. Странно, но на каждом углу мне встречались волынки. День, что ли, такой! Я посчитала это хорошим знаком. Предмет национальной гордости собирал вокруг себя толпу любознательных слушателей, напоминая о воинственном характере горцев. Однако и в заунывных, казалось бы, звуках я слышала свою оптимистическую мелодию.

Встретившись с Питером, мы по-дружески чмокнулись в щеку и отправились штурмовать фестивальные мероприятия, чтобы сделать репортаж. Строго говоря, профессии Питера я уже завидовала, хотя когда-то тоже мечтала стать репортером. Ему нужно быть сразу везде и при этом вовремя отправлять материалы в лондонскую штаб-квартиру. Как это успевать — мне непонятно, но творческий процесс в этой профессии, на мой взгляд, уступает место технологии. Достаточно запомнить десяток приемов, чтобы твои фотки выглядели на уровне, а тексты читались без запинок.

Поскольку свободного времени у меня вдруг высвободилось достаточно, мы с Питером с удовольствием носились по городу, пытаясь ухватить дух фестиваля, потому что охватить весь фестиваль физически невозможно. Даже если мы превратимся в «репортеров-Рэмбо» и начнем снимать с двух рук одновременно, а еще двумя писать тексты.

…К вечеру, изрядно уставшие, мы приземлились в летнем кафе, чтобы элементарно поесть и отдохнуть.

Мы выпили немного вина. Голова закружилась от градусов, легкой усталости и приятного общения в романтической атмосфере. Пока мы обсуждали, какие снимки и тексты отправим в Лондон, я неожиданно открыла

для себя: помогая Питеру, я тоже работала репортером! А еще училась и стажировалась одновременно! Но что еще более важно — у нас появилось общее занятие. Только для Питера оно было работой, а для меня — приятным хобби.

Домой мы отправились дальней дорогой, через утопающий в зелени сквер. Питер был безумно обаятелен. Я видела, что нравлюсь ему, и сама теряла голову. Я забралась на высокий каменный бордюр и, расставив руки, балансировала, стараясь не свалиться. Питер шел рядом, придерживая меня. Я представила нас на носу корабля, летящего к горизонту, как герои из «Титаника».

Камень оказался слишком узким для меня. Я взмахнула руками и… потеряла равновесие!

— Осторожно! — воскликнул Питер, едва успев меня поймать. Он держал меня двумя руками, словно угодившую в сети золотую рыбку, и не торопился отпускать. Тусклый свет и уединение стирали грани реальности. Голова кружилась от вина. Питер обнял меня, приблизившись к моему лицу.

— Кажется, я упала, — почему-то шепотом произнесла я.

— Но я же тебя поймал, — так же тихо ответил Питер. — Значит, не упала.

Мы смотрели друг другу в глаза и говорили всякий вздор, не замечая, как сокращается расстояние. В какой-то момент я закрыла глаза, чтобы позволить нашим губам нечаянно соприкоснуться. Но губы оказались непослушными, и, встретившись однажды, уже не могли утолить накопившуюся жажду, снова и снова соприкасаясь в сладких поцелуях.

— Что это было? — вдруг очнулась я.

— Где? — не понял Питер.

— Тут, сейчас.

— Не знаю! — улыбнулся он, не выпуская меня из рук и целуя мое лицо. Я обнимала его или укладывала свою голову ему на грудь вместе с ладошками, а он зарывал свое лицо в моих волосах и просто молчал.

Наверное, это был всего лишь сон…

— Сколько времени? — спохватилась я и взглянула на часы. — Мы тут уже два часа!

Я не могла поверить! Мы стояли в общественном месте, беспрестанно целуясь, и не замечали ничего вокруг! Даже время для нас остановилось. Не думала, что такое может случиться со мной.

Всю дорогу до дома Питер нежно обнимал меня, а наше движение периодически прерывалось остановками для

поцелуев. Кажется, я была на седьмом небе от счастья. А долгое отсутствие любви делало стремительно наступавшее чувство насыщенно-ярким, но очень опасным.

Почти приблизившись к дому, я остановилась.

— При соседях нужно вести себя прилично, чтобы они про меня не сплетничали, — прошептала я, не противясь возникшему из ничего поцелую.

Попрощавшись со мной, Питер ушел. Но по дороге к отелю посылал в мой мессенджер приятные сообщения. Что он мне писал?

Это — секрет!

Следующий день ознаменовался днем рождения моей подруги Мелиссы. На работу она, естественно, не пришла, занимаясь прической и подготовкой к празднику. Я принимала сводки о продажах билетов, забивала цифры в электронные таблицы, делала расчеты, не забывала о текущей работе и думала над подарком.

Собственно, сам подарок я купила заранее, осторожно выведав у Мели ее предпочтения. Требовалось лишь его упаковать.

Я сбегала в лавку и купила рулон упаковочной бумаги. Не думая долго, отрезала большой кусок блестящего полотна, положила подарок на середину, подняла края бумаги вверх, придав пышную форму, и перевязала ленточкой. Получилось что-то вроде большой конфеты. Не знаю, как бы оценили мою работу дизайнеры, но мне она понравилась.

Тем временем Питер сидел в номере и верстал срочное задание от шефа.

— Представляешь! — сказал он мне по телефону. — Звонил шеф. Сказал, что мои репортажи пахнут плесенью и скукой!

— Сам он плесенью пахнет! — возмутилась я. — А что ему нужно?

— Он хочет «взбодрить» читателя» историями об обратной стороне фестиваля! Вот кретин!

— Что значит обратная сторона? — не поняла я. — Криминал? Мигранты?

— Нужно найти какой-нибудь негатив, завернуть его в упаковку из душещипательной истории и раздуть до размеров скандала! Ну не кретин?! Теперь сижу в интернете, читаю городские происшествия за сутки, пишу текст, чтобы подогнать его под фото.

— Не патриотично как-то плохо писать про фестиваль, — заключила я. — Ты нашел что-нибудь?

— Ерунда — мелочевка! Карманные кражи, потасовки в пивной и мелкие автомобильные происшествия. Придется придумывать историю из того, что есть.

— Ага, как карманник стащил кошелек, потом на радостях напился, подрался с туристами и, убегая, спровоцировал автоаварию! — пошутила я. — Сочувствую тебе! Но выход один — придумать свою красивую, в смысле, страшную, историю и, как ты сказал, подогнать под нее имеющиеся фотографии. Или сделать постановочную съемку! Хотя бы про приведение волынщика! В-общем, надо подумать! Не боги новости пишут! Не расстраивайся!

— Если из-за каждого дурака расстраиваться, то придется пить антидепрессанты! — ответил Питер. — А историй я ему… мы с тобой придумаем сколько угодно! Помнишь вчерашний снимок перевернутого мусорного контейнера?

— Который неровно поставили, и его уронило ветром? — уточнила я.

— Да! Но не ветром, а разгоряченной толпой фестивальных фанатов, устроивших локальные беспорядки в знак протеста против ограниченного числа билетов в концертный зал! — рассмеялся Питер.

— Ну ты даешь! — засмеялась я. — Может, не надо сразу про беспорядки, а то на самом деле спровоцируешь! Кстати, ты не забыл про день рождения моей подруги?

— Конечно, забыл. Зачем нам подруга? Для меня на свете никого не существует, кроме тебя! — дурачился Питер.

— И твоего босса! — напомнила я. Мне, конечно, такие слова приятны, да и самой не хотелось идти к Мелиссе и ее друзьям. Но делать нечего, приглашение получено, тем более что ты пойдешь со мной.

Во второй половине дня я заскочила домой переодеться. Питер подошел позже и ждал меня внизу. Я вышла. Чмокнула его в щеку, и мы отправились на вечеринку.

— Ты так шикарно выглядишь! — сказал мне Питер. — Я скучал по тебе!

— Я тоже скучала, Пит! — вспыхнула я.

Едва мы отошли от дома, как Питеру срочно понадобилось позвонить. Мы зашли в телефонную будку. Питер приложил трубку к голове, сделал вид, будто звонит, а сам обнял меня и начал целовать.

Как порядочная, законопослушная девушка я была в шоке от его художеств. И даже считала это немыслимым.

— Что ты делаешь! — вяло сопротивлялась я, не пряча свои губы. — Сейчас нас отведут в полицейский участок за…

Увещевания не помогли, Пит не отпускал меня из объятий.

Вдруг в будке раздался резкий стук по стеклу. Я вздрогнула и испуганно отпрянула. Стук повторился. Я оглянулась и увидела пожилую женщину, которая колотила по стеклу ручкой зонтика и беззвучно ругалась. Звук в кабину не проникал, поэтому я догадалась об этом по ее выразительной мимике. Ну и еще — по ситуации.

— Мои извинения, мэм! — ответил Питер, приоткрыв дверь. — Вам позвонить? Мы немедленно уходим…

В этот момент словно в телевизоре включили звук. Раздался поток ругательств, суть которых сводилась к нашему распутству в общественном месте. Но больше всего досталось мне. Это я такая плохая! В ее молодости подобного не было. Видимо, тетушка имела в виду времена Королевы Виктории.

— Извините нас, мэм, — вежливо и серьезно сказала я, состроив весьма печальное лицо. — Видите ли, мы сегодня поженились, а дома родители, сестра и брат… Я понимаю ваши чувства, но нам некуда идти! И это был наш первый невинный поцелуй.

— Поженились? Так я и поверила, что первый! Шли бы в отель, где вас никто не видит. Вы в этой будке и первую брачную ночь собрались проводить? — уже без злости, но в большом недоумении, пробурчала женщина. И удалилась так же внезапно, как появилась. Видимо, вспомнила, как сама была молодая, и вошла в наше положение. Спасибо, что полицию не вызвала!

— По-моему, это было приведение кровавой кухарки! — предположила я, и мы дружно засмеялись!

— Значит, мы сегодня поженились? — игриво повторил Питер. Я не поняла, на что он намекал. — Такое событие нужно, по меньшей мере, отметить! Не говоря уже обо остальном!

— Сейчас и отметим! — согласилась я, подставляя губы для поцелуя… — Но пока — это фиктивный брак! И никакого остального! Даже не мечтай!

— По любви? — не отставал Питер. — Или по расчету?

— Давай тебя об этом спросим! — уклонилась от ответа я. — Что ты ответишь?

— Вот хитрая! — веселился Питер. — Тогда, конечно же, по расчету!

— Уууу! — загудела я, опустив большой палец вниз, как зрители на гладиаторских боях.

— По расчету на любовь! — пояснил Пит.

— А-а! — обрадовалась я и перевернула палец вверх. Мы снова целовались, становясь ближе друг другу с каждой секундой. Собственно, ближе уже и некуда! Чувства били в голову и через край, и я со страхом думала о том, что вечером нам придется расставаться на целую ночь. В голове еще не было мысли о том, что Питер приехал в Эдинбург всего на три недели, и его командировка непременно закончится. Я не думала об этом, потому что не хотела смотреть так далеко и ничего не загадывала наперед. Я видела не дальше собственного носа. Я потом это поняла…

В клубе била громкая музыка, а прожекторы заливали зал цветными огнями. Мы чмокнулись с Мелиссой вместо приветствия, сказали пару дежурных фраз. Я познакомила ее с Питером.

— Это и есть твой парень? — спросила Мели, оценивая Пита. — Ничего, мне нравится! — бесцеремонно заявила подруга, как будто кто-то спрашивал ее мнение. Она была уже подшофе, потому что начала отмечать свой праздник задолго до нашего прихода.

Мне стало неуютно, и чтобы смягчить ситуацию, я вручила ей свою подарочную «конфету».

— Спасибо! Спасибо! — последовали поцелуи. — А что там? Можно посмотреть?

— Конечно! Это же тебе!

Мелисса небрежно развернула бумагу и вытащила коробку с колонками для ее нового сотового.

— Ура! Ура! Я именно их хотела! — радовалась подруга. — Как ты узнала?

— Это секрет! Хотя ты же сама сказала!

Мелисса утащила нас за столик и представила друзьям. Вечеринка шла по обычному сценарию. Друзья поднимали тосты, пили и танцевали. Потом все забыли про именинницу и просто веселились. Я танцевала с Питером все медленные танцы, которых было катастрофически мало. Мели танцевала все подряд, а на медленные к ней стояла очередь из ее друзей. Я уже запуталась, кто из них сегодня считается ее парнем. Она такая странная. Но мне не было до этого дела. Я танцевала с Питом, и нам было хорошо, потому что не было дела до других людей.

Закончив танец, мы вернулись за столик. Болтали. Слушали смешные истории. Смеялись. В это время Мелисса куда-то пропала. Я подумала, что она отлучилась в туалет.

Заиграла медленная музыка... Мы не собирались танцевать. Но вдруг, откуда ни возьмись, появилась растрепанная

Мелисса. Она бесцеремонно взяла Питера за руку и почти насильно вытащила на танцпол. Он, извиняясь, посмотрел на меня, но было понятно, что от ее цепких лап Питеру не уйти.

Я была в шоке и убила бы ее, но виду не показала. Ведь у Мелиссы день рождения.

Не знаю, что на нее нашло. Наверное, поссорилась со своим парнем. Она обняла Питера и так близко прижалась к нему, что у меня от злости перехватило дыхание. Я видела, как расплющилась ее прижатая грудь! Захотелось встать и убить ее прямо там!

Питер продолжал танцевать, бросая взгляды на меня, и это было настоящей пыткой! Я ужасно нервничала и бесилась, глядя на этот ужасный танец. Ругала подругу и Питера за то, что он позволил себя увести. Я была вне себя от ревности, которая вспыхнула пожаром и разгоралась всё сильнее. И когда Мелисса положила голову на Питера, вскочила с места, готовая наброситься на них с кулаками и подручными предметами.

Питер попытался дистанцироваться от подруги, но она липла к нему, как муха на мед, обнажая декольте! Неужели чтобы мне насолить?! Но за что?!

Я смотрела на них волком, и Питер это заметил. Он остановился и повел Мелиссу к столу. Она сопротивлялась, тащила его танцевать… Но Пит проявил настойчивость. В этот момент через зал быстро прошел какой-то нетрезвый парень. Он вышел на танцпол, резко оттолкнул Питера и влепил Мелиссе звонкую пощечину. Потом схватил Питера за одежду и попытался ударить его. Питер оказался спортивным. Он ловко увернулся от удара и крепко схватил парня за руку. Пит не хотел скандала, но парень не успокаивался, что-то кричал, делал рэперские движения руками и пальцами.

Назревала драка.

Врубившаяся громкая музыка заглушила звуки разборки, но посетители уже обращали на нас внимание. Питер что-то говорил парню, но это не помогало. Зато подбежали его дружки…

— Ты откуда взялся?! — осмелел бойфренд

Я побежала под лучи прожекторов разнимать парней. Мелисса обиженно взглянула на меня, как будто я была в чем-то виновата, и бросила на ходу:

— Вот видишь! Все мужики одинаковые!

— Дура ты! Забирай своих друзей и идите за стол! — посоветовала я, едва сдержавшись, чтобы не вцепиться ей в волосы. Но, разумеется, я не опустилась до этого.

Взяла Питера под руку, схватила сумочку и быстро направилась к выходу. Уже второй раз в день мы могли запросто угодить в полицию. Хороша же эта «медовая пчела», как переводится имя Мелиссы!

— Извини, я не мог от нее отделаться! — оправдывался Пит, поправляя рваную футболку. Но я молчала. Мне было ужасно больно и обидно. Вечер казался безвозвратно испорченным. Хорошо, что я вовремя пришла в себя и поняла, что Питер тут не причем. Скорее виновата я сама, затащив его на вечеринку к этой дуре.

Будем считать, что этот неприятный эпизод был первым нашим испытанием.

Мы крепко взяли друг друга за руки и пошли подальше от клуба.

— У тебя же кровь! — вдруг спохватилась я.

— Где? Правда? Я не заметил!

— Не стирай! — вдруг сказала я.— Давай фотокамеру.

— Зачем? — удивился Пит.

— Давай! Это отличный сюжет! Сфотографирую тебя, и напишем заметку про нападение неизвестных на лондонского репортера.

— Ты молодец! Может, меня кетчупом облить для антуража? — обрадовался Питер. Вероятно, больше оттого, что я быстро оттаяла и всё забыла.

На улице стемнело. Питеру надо было переодеться. Мы дошли до отеля.

— Поднимешься со мной? — спросил он. Я колебалась. Чувства прыгнули на новую ступеньку эволюции, и я боялась, что дальнейшее развитие отношений может оказаться слишком быстрым.

— Ты же недолго? — уточнила я, соглашаясь.

Мы поднялись в номер. Я увидела, как живут столичные репортеры. Небольшая комната, узкая кровать, компьютер на столике, провода, повербанки и зарядки для батарей.

Питер сбросил порванную майку. Порывшись в шкафу, нашел, во что переодеться.

— Спине тоже досталось! — заметила я. — У тебя есть что-нибудь спиртовое?

— Туалетная вода сойдет?

Я стерла с кожи остатки крови и побрызгала больное место. Питер зашипел.

— Терпи! — велела я, вытирая излишки парфюма. Прикосновения к обнаженному телу вызывали волнующие чувства, хотя я и старалась отстраниться. Видимо, Пит их

тоже испытывал. Он повернулся, обхватил меня руками и нежно одними губами принялся прокладывать дорожку от моего уха к губам, транзитом через щеку.

Голова кружилась от любви. Да, я, наконец, смогла себе в этом признаться! Но как признаться Питеру? И нужно ли? Что он скажет? Что подумает обо мне?

Любознательные мужские руки двигались по моей спине, вызывая тахикардию. Ласковые пальцы не спешили, но тщательно изучали мое тело, спускаясь все ниже. Я понимала, что еще чуть-чуть, и я сдамся. Долго находиться на краю обрыва, не двигаясь ни вперед, ни назад — изощренный вид садомазохизма! Даже Терезу я уберегала от такого садизма. Когда рука Питера скрылась под ремешком моих брюк и, отвлекая мою бдительность, начала опасный разворот, я сказала себе: «Стоп!» — и, с усилием освобождаясь от Питера, тихо прошептала:

— Я хочу кофе!

— Мы не отметили нашу помолвку! — так же тихо ответил Питер. Голос его был глухим и хрипловатым, как будто у него болело горло.

Он надел новую майку, мы вышли на улицу и отправились в полюбившееся кафе на Джордж-стрит.

Вечер исправился. Хотя по небу плыли тучи, они не могли повлиять на мое настроение. Только что наши отношения преодолели следующую ступень эволюции и, чуть было, не улетели в космос. Элемент дружбы остался, но появилось новое, особенное доверие между мужчиной и женщиной. Это пропуск и дорога к более близким отношениям, наступление которых было лишь вопросом времени. Только нужно ли мне это?

Мы пили вино, кофе, говорили нежности и глупости, а я медленно тонула в омуте его глаз, не представляя, как жила без него — наверное, это была и не жизнь, а только подготовка к ней. А еще я не представляла, как смогу остаться одна, когда Питер вернется в отель.

…Мы подошли к моему дому. Фасад смотрел на нас погасшими окнами. Мы держались за руки и не хотели друг друга отпускать. Мы, как альпинисты, находились в одной связке, и если один из нас разожмет пальцы, другой — погибнет.

— Я пошла? — произнесла я, словно спрашивая разрешения.

— Сегодня такой день, — прошептал Пит. — Совсем не хочется тебя отпускать.

Он смотрел на меня прямо и открыто, словно во взгляде был какой-то подтекст.

— А что же делать? — спросила я, зная единственный ответ. — Не могу же я тут стоять до утра.

Я еще сомневалась, но погода расставила всё по местам: небо прохудилось, и хлынул настоящий ливень! Мы не пытались спрятаться. Холодные водяные струйки стекали с волос на лицо, залезая под одежду. Мы мгновенно промокли, но не сдвинулись с места и не разомкнули объятий. Я поняла, что этот дождь был послан нам свыше, возможно, моим ангелом-хранителем. Для чего? Не знаю. Вероятно, он спасал меня от одиночества!

— Если ты не выпьешь горячего чаю или виски, то точно простудишься, — заботливо произнес Питер.

У меня не осталось выбора. И, честно говоря, он совпадал с моим желанием!

— Ты тоже весь промок и можешь простудиться! — я погладила его мокрое лицо. — Кажется, у меня есть немного виски и чай. Давай тихонько поднимемся, чтобы не разбудить соседей!

Чтобы не заболеть, мы выпили по наперстку чистого виски и закусили шоколадом. Вытерли волосы. Я нашла Питеру майку, которая была велика мне на несколько размеров, чтобы переодеться в сухое... Но всё это стало второстепенным, когда мы прижались друг к другу и дали волю губам.

Я уже не могла затормозить, и не хотела этого. И вновь оказавшись на краю, я отпустила свои чувства и желания, отстегнула страховочные блоки и без оглядки прыгнула в пропасть. Я была захвачена потоком нежности, который вырвал меня из этого мира и стремительно уносил в новое измерение параллельного пространства. Туда, где были только Питер и я.

В мечтах я представляла себе этот момент красивым и романтичным, но настигшее нас любовное торнадо закрутило в таком сумасшедшем вихре взаимных прикосновений и каскада поцелуев, что время и реальность перестали существовать. Земля ушла из-под ног, будто оставив меня в открытом космосе, и я вся растворилась в электрическом поле неизвестной реальности. Не было ни прошлого, ни настоящего. Только короткие мгновения, сотканные сознанием из мерцающих дальних звезд и вспыхивающих огоньков.

Я нырнула в глубину лазурного океана и была поглощена им без остатка. Блуждала в неведомых мирах, пока не

пришло время возвращаться… И начался медленный подъем.

Я открыла глаза, будто после долгого беспамятства. Питер лежал рядом с закрытыми глазами, потерявшись в моих волосах.

Когда ко мне вернулось сознание, я поняла, что первый раз в жизни по-настоящему счастлива!

Если бы не работа, я бы не ходила в университет до начала учебы. Но к концу лета транспортные перевозки испытывают настоящий пик, что дает много материала для статистики. Плюс к этому — наплыв миллионов туристов на фестиваль. Так что ко мне в руки попадали большие массивы информации, которую требовалось систематизировать и обработать. И лучшего времени, чем август, мне не найти.

Мелиссу после её дня рождения я не видела около двух недель, пока однажды она не появилась на работе, нарушив мой душевный комфорт. В преддверии нового учебного года она решила закончить на работе то, что возможно, а то, что не успеет, отложить на неопределенный срок или передать другим.

— Привет! — сказала Мели, как ни в чем не бывало, и приблизилась ко мне, чтобы чмокнуть в щеку.

Я поздоровалась, но от поцелуя увернулась.

— Ты что — обиделась? Из-за того случая? — спросила она с наигранным удивлением и невинным взглядом.

— Мне всё равно, — спокойно ответила я, хотя лицезреть подругу было неприятно. Но я сказала правду — мне действительно всё равно.

— Ну ладно, прости меня! — примирительно произнесла Мели. — Я выпила, а мой парень пошел в туалет и по пути встретил бывшую подружку. Ну, короче, я застукала их, когда они целовались под лестницей! Вот и взбесилась! Ты же должна меня понять как женщина!

— Я не обиделась, я разочарована, — ответила я, начиная входить в положение подруги. Была бы возможность расстаться с ней навсегда — я бы ею воспользовалась. Но с Мелиссой мы вместе учимся и вместе работаем. Какой смысл дуться друг на друга целую вечность, если всё в прошлом?!

— Ну-у-у, — притворно заныла Мели. — Прости!

— Ладно! Не парься! Всё в порядке! — улыбнулась я, и подала ей руку.

Мелисса обрадованно потрясла мою ладошку, подобралась ко мне и все-таки чмокнула в щеку! Прямо как моя Тереза!

Мы обнялись и помирились. На душе стало на одну звездочку светлее, а в жизни — на одну подругу больше!

С Питером мы встречались каждый день и проводили вместе всё свободное время. Любовь нас накрыла с головой, изменив жизнь до неузнаваемости. Кажется, мы делали всё то же самое, что и до дня рождения Мели: гуляли, делали репортажи, целовались, держались за руки, веселились вместе с туристами, пили пиво, наконец... Но каждый наш день был наполнен каким-то новым смыслом.

И только ночью, когда оставалась одна, я не могла уснуть от предчувствия надвигающейся беды, которая, как мне наивно казалось, заключалась в окончании командировки Пита и его возвращении в Лондон. Я поняла, что Питер — это мое, и не представляла, что будет со мной, с нами, когда он уедет. Я не могла и не хотела верить в то, что в один прекрасный момент Пита не будет в моем городе, а возможно, и в моей жизни.

Конечно, наши города находятся не на разных континентах. Эдинбург всего в часе лёта от Лондона. А на поезде из Лондона до Эдинбурга можно добраться за четыре часа двадцать минут. Но на самолете мы каждый день не налетаемся, а чудовищно большое время в пути на поезде подразумевает лишь редкие встречи на уик-энд.

Насколько тогда нас хватит? И насколько хватит нашей любви?

Я предчувствовала беду, но не могла понять ни ее природу, ни источник, потому что настоящая угроза зрела совсем в другом месте. За пределами человеческого понимания и влияния.

Мы посчитали с Питером, что на уик-энд заслужили выходной, и сделали вылазку в развлекательный аквариумный центр Deep Sea World, что в двенадцати милях к западу от Эдинбурга. Пожалуй, это единственный аквариум, в котором можно поплавать вместе с акулами и совершить замечательное путешествие по самому большому в мире подводному тоннелю. А это — сто двенадцать метров лазурной красоты!

Впечатления и краски — незабываемые. Питер забил снимками не одну флешку! Жаль только, что, скорее всего, он не сможет использовать их для своих репортажей. Редактор опять недоволен и требует «более жизненные» материалы, которые приходилось выдумывать. Вероятно, в каждой профессии есть свои издержки. Издержка профессии

репортера в выдумывании связки между фактами. Однако я уверена, что красота не может быть не востребована, и наши снимки с красотами морских глубин и подводного животного мира Питеру когда-нибудь пригодятся.

…Мы обошли почти весь аквариум. Разве что с акулами не поплавали. Устали, проголодались, зашли в кафе и ожидали заказ.

— Синди, ведь твое имя Синдерелла? Значит, Золушка? — вдруг догадался Питер.

— Верно, Золушка, как у Шарля Перро, — улыбнулась я. — Тебе не нравится?

— Мне очень нравится и эта сказка, и это имя! Я буду называть тебя — моя милая Золушка!

— Только милая? — хитро прищурилась я. — Или испачканная в золе? А где моя хрустальная туфелька?

— Еще любимая и самая хорошая Золушка! — проникновенно произнес Питер.

Мне стало так хорошо, что я чуть не заплакала. Видимо, Бог послал мне испытание в виде Пита, решила я про себя. Ведь я не знала, что будет по окончании его командировки.

— Я тебя тоже очень сильно-сильно люблю! — прошептала я, чтобы никто не услышал. — Я готова тебя съесть! Вот как люблю!

— Если меня съешь, кого будешь любить? — беспечно засмеялся Питер.

— Только тебя, мой дорогой! — прошептала я прямо ему в ухо. — Но я боюсь неопределенности, — я решилась первая заговорить на важную тему. Питер молчал, понимая, о чем речь. — Когда твоя командировка заканчивается?

— Планируется, что я буду находиться здесь до окончания фестиваля и еще день-два, чтобы рассказать, как разъезжаются гости и туристы. Всё на усмотрение моего редактора. Ты же знаешь.

— До закрытия фестиваля осталась неделя. И что тогда? Ты уедешь? А что будет с нами? Ты думал об этом? — спрашивала я. Пит сидел напротив и смотрел на меня пронзительными глазами. — Я не смогу быть без тебя ни дня! Это будет слишком больно…

Он молчал, а у меня в это время от страха сердце провалилось до пяток. Боже мой, чего я только не передумала за какие-то доли секунды! Даже то, что у него в Лондоне есть жена и ребенок, а со мной он только развлекся! А я загружаю его какими-то глупостями!

— Почему ты молчишь?! — заволновалась я. — Ответь что-нибудь.

Питер молча встал. Открыл сумку с фотокамерой. Достал сверток…

Мне стало не по себе — что он собирается сделать? Что он мне ответит?

Через секунду Питер вернулся за столик и, наконец, обрел дар речи.

— Я думал об этом много раз, моя Золушка... Я тоже не смогу без тебя, поверь! В общем, я приготовил тебе подарок в стиле викторианской эпохи, — сказал он, сбросив серьезность, и протянул мне маленькую шкатулку. С приятным волнением я взяла подарок в руки и спросила.

— Это хрустальный башмачок?

Я осторожно открыла крышку и… обомлела! В шкатулке лежало красивое кольцо с камнем!

— Что это? — удивилась я, извлекая красоту на свет.

— Это кольцо помолвки для моей Золушки! Загляни внутрь.

Я посмотрела. Внутри кольца гравировка с сегодняшней датой и нашими инициалами! Я находилась в шоке.

— Кольцо носится на безымянном пальце левой руки до венчания. Жених снимет его с невесты в алтаре, перед началом церемонии. После венчания кольцо можно надеть обратно, поверх обручального, и тогда оно будет предотвращать потерю обручального кольца, — зачитал «инструкцию» Пит.

— Подожди, я ничего не поняла! Какой жених, какое венчание?! Ты о чем? — растерялась я. — Ты делаешь мне предложение?!

— Извини, я волнуюсь и, наверное, что-то сделал не так… — смутился Питер. Он встал, приблизился ко мне, опустился на колено и торжественно произнес: — Синди, милая, я тебя люблю! Ты самая лучшая девушка! Будь моей женой! И в печали, и в радости!.. И… что там еще говорят дальше?

Я провалилась в рай и заплакала. Люди за соседними столиками с интересом наблюдали за нашей импровизированной помолвкой, но я их не замечала!

— Ты согласна, моя Золушка? — переспросил Питер.

Я не могла говорить, потому что была счастлива! Такого состояния благодатной радости я не испытывала никогда. Значит, все мои опасения и тревоги были напрасны. Боже мой, если Пит послан мне Богом для испытания, то я согласна на любое из возможных! Лишь бы он всегда был рядом!

— Милый, я тебя люблю! Я… конечно согласна! — тихо прошептала я, потому что горло сдавил спазм. Всё было

так мило и неожиданно, что я не сдержала эмоции и заплакала.

— Теперь мы помолвлены! — радостно сказал Пит и извлек из фото-сумки маленький букетик цветов. — Это тебе!

У меня закружилась голова. Мне хотелось разбежаться и прыгнуть в аквариум с самой высокой токи, даже если там плавают акулы! Мне хотелось расправить крылья и взлететь в небо! Меня разрывало на части от радости, и каждая часть хотела бежать, лететь, прыгать… и кричать о любви!..

…По дороге в Эдинбург Питер сделал неожиданное предложение.

— Давай, ты сегодня останешься у меня.

Я молча посмотрела на него, будто не понимая.

— Навсегда, — пояснил он.

— В отеле? — засмеялась я. — За кого меня там примут? И что подумают!

— Пусть думают, что хотят! — воскликнул Питер.

— Нет, так нельзя, — ответила я. — У меня другое предложение.

— Какое? — насторожился Пит.

— Переезжай ко мне ты!

Питер засветился от радости! Он схватил меня, оторвал от земли и закружил, словно в танце! Я поняла, что счастье не имеет границ и зависит только от нас!

Но я смотрела на мир через розовые очки.

Питер выписался из гостиницы и переехал ко мне. Мы начали совместную жизнь, опыта которой у нас еще не было. Зато у нас было главное — мы любили друг друга! И это чувство было совсем не фиктивным.

Окрыленная любовью, я вернулась к теории ангелов. Друзья прислали мне файлы с наполняемостью европейских и атлантических рейсов, потерпевших катастрофу. Это были бесценные материалы для завершения моей работы. Несложная обработка показала, что разбившиеся поезда и самолеты были заполнены только на шестьдесят процентов, тогда как на благополучных рейсах этот показатель не превышал восьмидесяти. Причем при менее фатальной угрозе жизни пассажиров усредненные показатели были менее заметы. Это стало настоящим открытием! Я нашла доказательство существования ангелов-хранителей, зафиксированное в строгих математических выкладках. Осталось собрать еще немного материала, оформить работу и написать статью в наш научный журнал.

Фестиваль заканчивался вместе с летом и теплой погодой. Туристы начинали разъезжаться. Транспортные компании города распродали билеты на месяц вперед и пребывали в состоянии нирваны. Я получила базы данных состоявшихся продаж и старательно конвертировала их для своей работы. Это был заключительный этап сбора статистики. Питер делал репортажи с последних дней фестиваля. Вечером мы смотрели снимки, выбирали удачные и отправляли в лондонскую штаб-квартиру.

Вдруг зазвонил телефон Питера. По громкой речи, звучавшей из трубки, я поняла, что у Питера неприятности. Редактор узнал, что Питер выписался из отеля, и метал громы и молнии.

— Теперь понятно, почему ты медленно работаешь! Завис у подружки и положил на работу! Всё! Мне надоело! Завтра же вылетай в Лондон, а послезавтра утром я жду тебя у себя в кабинете!

— На завтрашний рейс билеты давно проданы, — пытался сопротивляться Питер.

— Ничего, у нас есть бронь! — орал шеф. — Свяжись с офисом, и тебе скажут, как взять билет! Всё! Не обсуждается! — И в трубке раздались гудки.

— Что случилось? — забеспокоилась я.

— Редактор велел вылетать завтра вечером, — расстроено произнес Питер.

— Но почему завтра?! — не понимала я, вновь почувствовав тревогу. — У тебя же еще несколько дней!

Питер развел руки.

Я чуть не плакала. У меня отнимали кусочек меня. Отнимали бесцеремонно и без анестезии! Вдруг оказалось, что никаких трех дней у нас нет! Разница, вроде бы, небольшая, но при этом — огромная.

Питер приблизился ко мне, нежно обнял, вытер выступившую слезу, поцеловал в лицо...

— У нас еще целые сутки! Ты только представь! И мы будем вместе! — оптимистично обнадежил он. Но это была неправда. Потому что утром мне нужно появиться в университете, а Питер должен доделать городской репортаж.

— Зато у нас есть целая ночь! — ответила я, крепче прижавшись к Питеру.

Утром Питеру позвонили из офиса и сказали номер его рейса. Мы быстро позавтракали и разбежались по своим делам, чтобы высвободить время до отлета.

Я обрабатывала свежие данные от авиакомпании, чтобы как можно быстрее закончить с систематизацией. Ровные колонки цифр ползли по экрану, будто сами по себе, а мои мысли вылетели в открытое окно и находились где-то в городе, рядом с моим Питером. Пожалуй, впервые эта работа наскучила мне. Потому что хотелось поскорее уйти домой.

Сначала появилось странное чувство, будто что-то не так. Мне показалось, что я допустила ошибку. Так бывает: делаешь что-то на автомате, думаешь о своем, а потом вдруг вспоминаешь о пропущенном шаге.

Пропустить шаги я не могла, но чувство, что я видела какую-то ошибку и не отреагировала на нее — осталось.

Но я люблю точность! Для проверки я запустила визуализацию результатов. У выстроенной компьютером диаграммы был явный дефект: усредненная линия на графике продаж одной авиакомпании имела заметный прогиб на сегодняшней дате.

Я задумалась. Вероятно, допущена ошибка при вводе данных, вот дефект и выплыл. Я торопилась домой, и не хотелось тратить время на копание в цифрах именно сегодня. Но научное любопытство взяло верх и заставило меня перепроверить данные.

Я взяла базу только одной авиакомпании за один сегодняшний «ошибочный» день и запустила обработку…

При высоком разрешении выявилось выраженное проседание продаж билетов на один-единственный рейс — сегодняшний вечерний рейс Эдинбург—Лондон до аэропорта Гатвик. Получалось, что в пик нагрузки на авиакомпании из-за отлета туристов с фестиваля, когда все билеты распродаются задолго до вылета, а купить билет в кассе невозможно, часть билетов значилась не проданными. Но если есть спрос, почему эти билеты не продали?

Появилось ощущение, что я нашла то, за чем гонялась долгое время.

Я позвонила в аэропорт, чтобы проверить, нет ли ошибки в данных. Оказалось, все верно: на этом рейсе есть свободные места. На мой вопрос, почему эти билеты не продались в кассе, когда есть дефицит, мне ответили, что пассажиры не ожидают найти билеты в кассе, поэтому не спрашивают!

Не слишком убедительно. Логика авиакомпании меня не удовлетворила. Для «чистоты эксперимента» я не поленилась просчитать средние показатели продаж билетов и заполнения лайнера этого же вечернего рейса Эдинбург—Лондон в

течение года, чтобы сравнить их с сегодняшними. В результате компьютер выдал мне график, представлявший собой линию, колеблющуюся около среднего значения с циклически повторяющимися сезонными отклонениями. Но на сегодняшней дате кривая снова имела дефект.

Пересчитав отклонение в проценты, я получила…

Я была в шоке! Цифры почти сравнялись с процентами Стаунтона! Чтобы выяснить всё до конца, я опять позвонила в авиакомпанию и спросила, каким образом появились свободные билеты. Наверное, если бы не мои хорошие отношения с сотрудницей авиакомпании, она послала бы меня куда подальше. А так — я получила ответ. Оказалось, что двое сдали билеты накануне вылета, несколько человек отказались от брони. И только что еще один пассажир сдал билет по причине пищевого отравления.

Можно было копаться в этих цифрáх и дальше, но я спешила к Питеру, и убежала с работы пораньше.

Когда я приехала домой, Питер собирал вещи. Увидев эту картину, мне стало так тоскливо, хоть плачь. Моя сказка закончится сегодня. Пробьет двенадцать, и карета превратится в тыкву.

На фоне личных переживаний вдруг вспомнилось мое исследование.

— Пит, а каким рейсом ты летишь? — уточнила я.

— Эдинбург—Лондон, с посадкой в аэропорту Гатвик, — ответил он, не оборачиваясь в мою сторону.

Я запаниковала и рассказала Питеру про свое открытие, попросив перенести вылет на утро. Но Питер был далек от мистики и нашел простое объяснение аномалии.

— Сегодня вечером на стадионе «Тайнкасл» состоится футбольный матч «Харт оф Мидлотиан». Будет телетрансляция, поэтому, нет ничего удивительного в том, что многие болельщики захотели посмотреть игру своей команды не на стадионе, а дома, в уютной обстановке, перенеся вылет на другое время. Я уверен, что завтрашний рейс будет переполнен!

Я успокоилась, согласившись с «футбольной версией» аномалии. Даже забавно, что у серьезной научной темы нашлось такое банальное объяснение. Да и процент отказавшихся не дотягивал до критического. Жаль, что невозможно выяснить футбольные пристрастия сдавших билеты пассажиров.

Я переключилась на Питера. Ведь через несколько часов он улетит, и я останусь одна. Мне трудно такое принять,

поэтому только эта мысль доминировала в моей голове над всеми другими.

Питер обнял меня. Он запустил руки в мои волосы, а я уткнулась ему в плечо и едва слышно прошептала:

— Не представляю, как я буду без тебя. Я учусь, и не могу бросить университет. Перевестись в Лондон — тоже нереально. А у тебя работа…

— Не волнуйся, Золушка! Всё будет хорошо! Вот увидишь! Мы что-то придумаем! — пообещал Пит.

Я тяжело вздохнула. Я верила ему, но расставание, словно огнем, плавило мои мозги, а вместе с ними и мысли.

Нежные поцелуи привели к взаимным ласкам, а вспыхнувшая страсть увлекла нас в царство блаженства и торжества любви. Сознание уступило дорогу бессознательному. Там мы и заблудились…

Мы сидели на кухне, пили кофе. Однако вместо расслабления и приятной неги ко мне вернулось забытое чувство тревоги.

— Пит, пожалуйста, пообещай, что сделаешь для меня одно дело, — зашла я издалека.

— Конечно, всё что хочешь! — пообещал он.

— Обещаешь? — не отставала я.

— Обещаю, — кивнул Пит.

— Позвони в Лондон и попроси перенести отлет на утро.

— Ну, Золушка! — заупрямился Питер. — Что я скажу редактору? Да он меня съест!

— Скажи правду, — серьезно посоветовала я.

— В смысле? — не понял Пит. — Сказать шефу, что моя девушка меня не отпускает до утра? Это, конечно, забавно, но редактор не будет смеяться!

— Попробуй заинтересовать шефа статьей про мои исследования! Он же любит сенсации! Скажи, что есть материал для хорошей статьи. Расскажи о безумном математике, который вычислил катастрофу вечернего рейса! Но чтобы получить эксклюзивный материал, ты должен улететь утром!

— Написать статью о твоих исследованиях? Мысль интересная! Но редактор не верит в приведения!

— Причем тут приведения! Ты обещал! — надавила я, не оставив Питу выбора.

— Хорошо, я позвоню, — вздохнув, согласился Питер. — Но чтобы тебе было лучше слышно, включу громкую связь…

Разговор с редактором сразу же не задался. Видимо, зря я лишний раз подставила Питера своей просьбой, ведь он лучше меня знает своего шефа.

— Не валяй дурака, парень! — разнервничался редактор. — Я догадываюсь, чем ты там занимался всё это время, и для чего понадобилась еще одна ночь! К тому же, если твой математик так уверен в катастрофе, то как гражданин он обязан сообщить об этом в полицию, чтобы спасти больше сотни пассажиров! И не нужно мне пудрить мозги! А ты завтра в девять часов пополудни должен сидеть напротив меня в моем кабинете с отчетом о командировке!

— Хорошо, вылетаю, как запланировано, — сдался Питер, признав свое поражение.

— Вот и правильно! — горячился редактор. — Насмотрятся голливудских сказок! Эдинбургские провидцы там нашлись! Может, им Нобелевскую премию выписать?! А то я могу!!!

Громкие гудки отбоя прозвучали, как гонг после неудачного поединка. Связь прервалась. Я проиграла. Но не собиралась сдаваться. Вероятно, я просто идеалистка!

— Пит, — по-кошачьи мягко, подкралась я к нему. — У меня в железнодорожной компании работает подруга. Она достанет билет, даже если в кассе билетов нет. …Позвони шефу, пусть они откажутся от билета.

— Да ты что! — потерял терпение Питер. — Ты не слышала его реакцию?

— Пусть только откажутся от билета, и всё! Расходы за мой счет!

Но я умею уговаривать! И Питер набрал редактора.

— Это опять я… Можно, я поеду поездом компании East Coast? Он идет четыре с половиной часа — по времени получается практически одно и то же!

Но с юмором у редактора было плохо.

— Когда это поезд стал ездить со скоростью самолета!? Ты что там, совсем с ума сошел?! — злился он.

— Если учесть дорогу до аэропорта и из него, время на регистрацию и получение багажа… И по цене даже дешевле. Из поезда можно поснимать побережье Северного моря.

— На кой хрен мне твое побережье!!! Да еще ночью!!! — всё больше зверел шеф. — А дешевле насколько — на пару фунтов?! Все!!! Ты меня достал!!! До завтра!!!

Снова поражение.

Мы вышли из дома за два с половиной часа до отлета. Питер втащил чемодан в автобус и втиснул в багажный отсек. Ехали минут сорок, с тремя остановками в городе. Потом остановка и выгрузка.

У стойки регистрации нас встретила очередь из туристов. Оказалось, что желающих улететь этим рейсом не так уж и мало. По крайней мере, визуально.

Пока стояли, мы наслаждались тем, что всё еще вместе, что моя ладонь чувствует тепло руки Пита… Но время утекало, как песок. Я чувствовала это, словно часы работали внутри меня, отбивая сигналы в моем сознании.

Питер прошел регистрацию и встал в очередь на досмотр службы безопасности. Он находился по ту сторону от меня, а я — по эту. Нас разделял стальной забор и небольшое расстояние, которое скоро вырастет до гигантских размеров.

Я видела Пита, но подойти и прижаться к нему не могла. Тоска подступила к горлу резиновым комком. Непослушные слезы смазали тушь на глазах, но это было уже неважно.

У рамки металлодетектора Питер выложил ключи, отложил «жидкое» в отдельный пакетик, показал сотовый и фототехнику, собрал вещи… Он оглянулся и, увидев меня, махнул рукой. После чего скрылся из виду.

К стойке регистрации подошел солидный господин с сопровождающими. Лицо показалось мне знакомым, но я не вспомнила, кто это. Вероятно, какой-то актер. Мне запомнился его портфель. Добротный, дорогой, с разбухшими боками и золотыми замками. Чемодана у этого господина не было, и я подумала, что хорошо путешествовать вот так — налегке, с портфелем и кредиткой в кармане.

Регистрация закончилась. Тревога меня не отпускала. Я уже собиралась уходить, как вдруг заметила плотного мужчину, пробивавшегося через кордон службы безопасности. Я заинтересовалась и остановилась.

Мужчина полез через ограждение, его пытались схватить за рукав, но он вырвался и продолжил штурмовать укрепления. Странный, подумала я. Почему он не мог пройти обычным путем? Вероятно, мужчину не пропускали назад из зоны безопасности. Приблизившись к стойке регистрации, он положил билет и сказал, что не летит, потому что только что у него родила жена.

Вот повезло!

И тут я будто проснулась! Ничего не значащее происшествие натолкнуло меня на важную мысль: еще один человек отказался лететь этим рейсом! А сколько пассажиров отказались от регистрации? Ведь в своих расчетах я учитывала лишь непроданные билеты, упустив людей, вернувших билеты в последний момент или не явившихся на регистрацию! Я позвонила в билетную службу и уточнила наличие свободных мест…

Еще пять человек отказались от брони! Я подошла к администратору регистрации и поинтересовалась:

— Все ли пассажиры зарегистрировались?

— Есть опоздавшие, — сообщила женщина. — Видимо, застряли в пробке! Вы же знаете, какие в это время пробки. Один человек сдал билет уже после регистрации — у него жена родила! Что за день сегодня! Полнолуние, что ли!

По словам администратора, количество «внезапных отказников» и опоздавших сегодня больше обычного. Обновленные данные словно придавили меня к полу. И без точных расчетов стало ясно, что суммарный показатель отказавшихся от полета превышал не только мои расчетные показатели, но и критические проценты Джеймса Стаунтона!

— С этим рейсом что-то не так. Его нужно задержать!

— Для этого нет оснований, — ответил администратор.

— По расчетам, с ним может случиться катастрофа, — безуспешно пыталась объяснить я. Администратор принял мои слова серьезно, но совсем не так, как думалось.

Я была в панике. Потому что объяснение Питера про футбол уже не казалось мне убедительным. Математика дала явное указание на потенциальную опасность этого рейса.

В голове всё перемешалось. Я позвонила Питеру и уговаривала его сойти с самолета. Черт с ним, с билетом, с деньгами и редактором! Даже если это будет всего лишь мой бзик!

Но Пит только успокаивал меня, обещая, что всё с ним будет в порядке, и советовал обратить внимание на завтрашний рейс.

Сердце учащенно билось, не находя выхода. Я не обладала даром ясновидения и не могла объяснить свои ощущения, как и источник опасности для самолета. Я помнила недавнее заявление правительства о террористической угрозе и могла связать свои выводы только с этим.

Вдруг я вспомнила, слова шефа Питера: «…если твой математик так уверен в катастрофе, то как гражданин он обязан сообщить в полицию…»

Наверное, это выглядит высокопарно, но я почувствовала себя тем самым гражданином. Я представила, как двести пассажиров сели в самолет, выслушали инструктаж, пристегнули ремни… Кто-то скучно пялится в иллюминатор и не подозревает, что сегодня его ангел-хранитель взял выходной.

Но среди среднестатистических пассажиров — мой Пит!

Каждая клеточка моего организма почувствовала опасность, угрожавшую ему и мне. Я ощутила себя крохотной песчинкой в этом мире и от бессилия пошла на отчаянный шаг. Ангелы спасают людей разными способами. И, видимо, этот был одним из них.

Я вышла из аэропорта, но воздух казался мне душным. Я поняла — цифры статистики — сигнал, переданный ангелами-хранителями пассажиров самолета лично для меня. Суть не в теории Стаунтона, и не в моих открытиях. Не они, а голос изнутри был настоящим ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ существования ангелов-хранителей! Этот голос толкал меня на безумие. Но только я одна могла его совершить. Никого другого не было.

Я зашла в телефонную будку и набрала номер полиции. Изменив голос до неузнаваемости, произнесла что-то вроде:

— Рейс… Эдинбург—Лондон потерпит катастрофу! Задержите его!

— Почему вы так считаете, мэм? — вдруг спросили на том конце линии. Но я находилась в полушоковом состоянии и выпалила, не думая:

— Это бомба!

Я бросила трубку и покинула будку, чувствуя облегчение. Я не слышала, как двигатели лайнера прибавили обороты. Не видела, как самолет тронулся и покатился по взлетной полосе к точке старта. Но почему-то представляла себе Питера, который сидит у иллюминатора и думает обо мне.

На душе стало легче. Ведь я помогала ангелам и была с ними заодно!

Я вернулась в здание аэропорта и, совершенно опустошенная, опустилась в кресло. Мыслей не было. Они словно пчелы покинули улей, оставив меня в состоянии усталой заторможенности. Мне даже показалось, что у меня поднялась температура.

В здании прибавилось полиции. По громкоговорящей связи объявили о временном закрытии аэропорта по техническими причинами. Вылет и прилет ряда рейсов задерживается…

Вдруг зазвонил телефон.

— Привет, Синди! — раздался радостный голос Питера.

— Привет! — обрадовалась я. — Ты где?!

— Представляешь, мы уже должны были взлетать, как нас отбуксировали на запасную полосу и попросили покинуть самолет! Подъехали пожарные, «скорая помощь»! Оказалось, что сотрудники транспортной безопасности приняли решение эвакуировать всех людей, находившихся на борту, в связи с

угрозой теракта! Значит, ты была права и правильно всё рассчитала! Я передал новость о задержании рейса в редакцию и теперь должен следить за развитием событий! Представляешь, как мне повезло! Сейчас я единственный корреспондент, оказавшийся в аэропорту!

У меня не было сил. Пит радовался, как ребенок, а я находилась в состоянии подавленности.

— Я так рада, что всё закончилось хорошо! — ответила я. — Когда мы поедем домой? Ты уже выходишь?

— Боюсь, я застрял надолго! Все пассажиры собраны в отстойнике, и пока нас никуда не выпускают… Работает полиция, багаж нюхают собаки. Короче — целый боевик!

— Я буду ждать тебя в зале! Позвони мне, пожалуйста, когда вас отпустят. Я так устала…

На большом телевизионном мониторе шли новости. Внизу бежала строка:

«…Три человека погибли в результате взрыва в столице Шотландии Эдинбурге, сообщила Шотландская служба «скорой помощи». Взрыв прогремел в одном из домов на улице Слейтфорд-роуд на юго-западной окраине. На место происшествия вызваны спасатели и пожарные… Представитель полиции шотландского округа Лотиан-энд-Бордерс заявил, что началось расследование причин трагедии…»

Прошло несколько новостных сюжетов, прежде чем под экраном побежало тревожное сообщение CNN:

«…В аэропорту Эдинбурга проводится экстренная эвакуация пассажиров рейса Эдинбург—Лондон после сообщения о заложенной в нём бомбе. Аэропорт временно закрыт в целях безопасности. Несколько рейсов задержаны, однако серьезных сбоев в расписании не ожидается. Является ли сообщивший о бомбе опоздавшим пассажиром самолета — не сообщается. Есть данные, что этим рейсом в Лондон должен был вылететь не названный член кабинета министров на утреннее заседание Специальной Комиссии Великобритании по терроризму. Кроме того, полиция связывает взрыв в жилом доме с сообщением о минировании самолета…»

Я сидела в оцепенении, потому что знала истинную причину задержки рейса, и уж точно не имела отношения к взрыву жилого дома. Меня удивило, что в новостях говорилось о «*сообщившем*» о бомбе. Значит, полиция поверила в то, что им звонил мужчина?! Это замечательно! И даже — забавно! Серьезные дяди из Скотланд-Ярда купились на

вынужденную шалость влюбленной девушки. Надо рассказать Питеру — вот посмеемся!

Меня охватило немотивированное веселье. Видимо, стресс искал выхода. Но ведь «сообщившим» может быть человек «вообще», без учета пола! Веселье тут же улетучилось.

Ожидая Пита, я смотрела сообщения CNN и наблюдала, как пассажиры отходили от стойки регистрации и рассаживались в зале. Кто-то продолжал стоять с чемоданом у ног, ожидая возобновления регистрации.

Какие-то люди подошли к администратору, поговорили и прошли в зону безопасности. Я видела человека со служебной собакой, прошедшего туда же. Полицейские тщательно проверяли документы у подозрительных пассажиров. К моей радости, таковыми оказывались, в основном, выходцы из арабских и африканских стран. Хотя не менее тщательно проверяли и граждан Северной Ирландии или парней с длинными или слишком короткими волосами. По какому принципу полицейские их отбирали — я не понимала. Пока я наблюдала за жизнью аэропорта, двое полицейских медленно двигались между рядами кресел. Их рация что-то шипела, они откликались. Мне показалось, что один из них посмотрел в мою сторону. Видимо, у меня началась паранойя. Я же не похожа на террористку, да и вычислить меня они никак не могли. Полиция проверяет мужчин!

Чтобы отвлечься, я запустила игру на сотовом телефоне и уставилась в экран…

— Добрый вечер, мисс! — раздался жесткий, уверенный голос.

Я и не поняла, что обращаются ко мне. Но, подняв глаза, увидела перед собой рослого полисмена — одного из тех двоих. И он обращался ко мне.

Я занервничала, и, возможно, не смогла этого скрыть. Опытному глазу это было заметно.

— Здравствуйте!.. — тихо ответила я.

— Разрешите ваши документы, — произнес полицейский.

Я полезла в сумочку, и, немного порывшись в ней, нашла.

— Пожалуйста.

Полисмен взглянул на фото, потом на меня и спросил:

— Простите, что вы делаете в аэропорту? У вас билет?

— Провожала своего парня…

— На какой рейс?

— Эдинбург—Лондон, — легко ответила я.

— Но ведь посадка давно закончилась. Почему вы не уехали? — заинтересовался полицейский.

— Устала и просто отдыхала. Уже ухожу…

Я протянула руку, чтобы получить документ обратно, наивно предполагая, что проверка — случайность. Но я ошибалась.

— Вы слышали о задержке рейсов? — наступал полисмен.

— Что-то слышала, по трансляции говорили… Но это же ненадолго? Какое это имеет отношение ко мне? — Мое волнение усиливалось.

— Значит, вы знаете, что ваш парень не улетел, потому что его рейс задержан, — спокойно продолжал раскладывать полицейский.

— Да, он звонил мне… А в чем дело?

Я чувствовала, как с каждым вопросом полицейского и каждым моим ответом на него меня затягивает в липкую и прочную паутину. Похоже, я неправильно отвечала с самого начала и не слишком уверенно. Я не предполагала, что ко мне прицепятся, и была слишком беспечна.

— Это вы говорили администратору о катастрофе, мисс? — ошарашил меня полисмен. Я растеряно хлопала глазами, собираясь с мыслями. Стоп! Откуда он это знает? Значит, они шли ко мне не случайно? Пришлось согласиться.

— Откуда у вас такие сведения? — холодно поинтересовался полицейский.

— Видите ли, я математик… — начала я издалека, но была немедленно прервана.

— Ясно. Мисс Синтия, нам потребуется ваша помощь. Не могли бы вы пройти с нами? — ненавязчиво предложил полисмен. При этом мой документ он положил себе в карман.

Я не могла отказаться. Наивная! Я всё еще думала, что сейчас всё разрешится, и мы с Питером поедем домой. Я не предполагала, что полиция уже всё знает!

Меня привели в небольшое помещение службы безопасности. Мужчина за столом задавал мне обычные вопросы: имя, фамилия, проживание, чем занимаюсь… Я отвечала. Он записывал. Потом меня завели в другую комнату. Туда же зашла худощавая, но крепкая женщина в форме. Лицо злое как у армейского сержанта. Та еще мегера! Она спросила, нет ли при мне запрещенных предметов, наркотиков, оружия. Я ответила, что нет.

— Высыпайте всё из сумочки, — приказала женщина.

Я высыпала вещи на стол. Она посмотрела, прощупала сумочку и вдруг сказала.

— Раздевайтесь!

— Зачем? — не поняла я.

— Для личного досмотра!

— Как раздеваться? — глупо спросила я, не веря в происходящее.

— Не умничай! — прикрикнула мегера.

Я скинула верхнюю одежду, с ужасом наблюдая, как та надевает резиновые перчатки.

— Тебе сказано — снимай всё! — рыкнула мегера. — И трусики тоже!

— Вы не имеете права! — возмутилась я. — Я напишу жалобу!

— Молчать!

Сгорая от стыда, я выполнила приказ и с отвращением перенесла унизительную процедуру.

— Одевайся! — велела мегера.

Меня вернули обратно, а сотрудник полиции снова спрашивал меня о моем разговоре с администратором. Я объяснила ему, как могла, суть статистических расчетов и рассказала про полученный результат…

Но, кажется, он не поверил.

— Это вы сообщили в полицию о бомбе в самолете? — вдруг жестко спросил полицейский. Вид у него был такой, как будто он уже всё знал.

— Я вынуждена была так поступить, потому что мои обращения к администрации аэропорта результата не дали! — защищалась я.

— Отвечайте на вопрос! Вы или не вы? — настаивал полицейский.

— Да, я.

После этого последовали совсем дурацкие вопросы.

— У вас есть сообщники?

— Вы о чем?! — не поняла я.

— Какой тип взрывного устройства находится на борту?

— Откуда мне знать!

— Куда вы его заложили?

— Вы издеваетесь! Я не террористка! — возмущенно заявила я.

— Но вы заявили о бомбе на борту! От кого вы об этом узнали? От вашего парня? Это он пронес бомбу?

— Я же сказала, что не знаю ни о какой бомбе! Я проводила статистические исследования, и они показали вероятность аварии в этом рейсе!

— Я вас понял, — не дослушал полицейский. — Вы знали, что этим рейсом летит министр правительства Великобритании?

— Откуда мне знать! — нервничала я. — Я даже не знаю, кто у нас министр!

— Что вам известно о взрыве дома на улице Слейтфорд-роуд?

— Видела в новостях, больше ничего…

— Кем вам приходится Питер Блейк? — наконец спросил полицейский.

— Жених! — с вызовом бросила я. — Какое это имеет значение!

— Где он сейчас?

— Он должен был вылететь этим рейсом, но рейс задержан!

Мне показалось, что все вокруг сошли с ума и того же ждут от меня. Я не знала, что Питеру задают те же вопросы, что и мне. Только он не знает, что виновница задержки рейса — я.

— Мисс Синтия. С какой целью вы сообщили о бомбе? Вы хотели задержать вылет рейса? Вы не хотели, чтобы ваш жених улетал?

Я ничего не могла добавить. Мне сообщили, что я арестована и могу позвонить своему адвокату.

— У меня нет адвоката. Могу я позвонить кому-то еще?

— Это ваше право, — сказал полисмен.

Я позвонила соседке по квартире, чтобы та покормила Терезу и навещала ее каждый день. Я подумала, что больше всех в этой истории будет страдать моя кошка, но почему-то, забыла о себе.

На мне защелкнули наручники, посадили в машину и повезли. Я смотрела сквозь окно полицейской машины, словно впитывая увиденные картинки. Первый раз в жизни я оказалась «по ту сторону» и смотрела на родной город глазами человека, у которого его отнимают. Я смотрела глазами невольника, потерявшего свободу и приготовившегося к испытаниям. Я ощущала себя плененным заложником, жизнь которого висит на волоске. Почему судьба сделала внезапный крутой поворот — я не представляла. Ведь если за грехи, то особых грехов я еще не успела наделать. (Если не считать канцелярской кнопки, подложенной на стул школьной подруге. Или взрослых отношений с Питером до свадьбы.) Я лишь просила своего ангела-хранителя не оставлять меня в беде и помочь выбраться. И малого времени заточения достаточно, чтобы почувствовать ценность и значение свободы.

Как оказалось, меня везли в Скотланд-Ярд.

Я никогда не бывала в Скотланд-Ярде, даже на экскурсии, и, основываясь на фильмах, представляла себе это место довольно пафосным. Но там, куда меня привезли, оказалось не так светло и просторно, как в фильмах. Машина въехала в открывшиеся на мгновение ворота, и, оказавшись во дворе, припарковалась у специального входа, где нас встречали. Меня вели лестницами и коридорами, и я слышала, как дробные звуки шагов отскакивают от стен, затихая у потолка.

Куда-то пришли. Фотография на память у стены, расчерченной ростовыми отметинами. Отпечатки пальцев. Серая комната. Обшарпанный стул. Такой же старый стол. Я вспомнила, что где-то должно быть полупрозрачное зеркало, через которое на меня будут смотреть, но никакого зеркала не было. И совершенно чужеродный элемент в интерьере — это я, домашняя девочка в джинсах и футболке, занимавшаяся математикой, статистикой, социологией и рукоделием. Как я сюда попала, почему, зачем — никто не ответит.

В Скотланд-Ярде меня уже ждал адвокат. Не знаю, откуда он взялся. Мы с ним переговорили. Он мне показался человеком безэмоциональным, но вменяемым. По крайней мере, выслушал меня внимательно. Поверил или нет, не знаю. Наверное, верить клиенту входит в его обязанности.

Потом — допрос. Это было не так, как в аэропорту, где со мной просто говорили. Допрос — это совсем другое. Я несколько раз рассказала про свои исследования. Объясняла, как пыталась добиться понимания у сотрудника авиакомпании, а, отчаявшись, решилась на крайний шаг. Доказывала, что я не сумасшедшая! И уверяла, что не преступница! Мой поступок объясняется только тревогой за жизни людей и ничем иным!..

Но, похоже, меня подозревали в чем-то более серьезном, чем задержка рейса, и мою «математическую версию» не принимали в серьез. Все мои слова отскакивали от хмурых людей, словно горох от пола.

Вопросы полиции кружили вокруг моего мнимого участия в террористической деятельности. И даже заговоре против члена правительства! Это было похоже на театр абсурда. Но поскольку на все вопросы из списка полиции я ответить не могла, меня допрашивали снова и снова, словно закоренелую преступницу или идиотку. А я снова и снова объясняла, что я студент-математик. Я не знаю, как делают бомбы или взрывают дома. Я не знаю этого министра ни лично, ни по фамилии, ну, может быть, видела когда-то по

телевизору. Я не знала, что у него билет на этот самолет. Я не знаю, признание в чем от меня хотят получить.

Тяжело выносить то, что происходило, но я думала о Питере и о нашей любви. Только эти мысли придавали мне силы, терпение и веру в справедливость, которая должна была восторжествовать.

Инспектор сказал мне, что для полной проверки самолет могут задержать до утра. Но если бомбу не найдут — мне грозит серьезное уголовное наказание и иск от авиакомпании на круглую сумму. А если бомбу найдут, то придется вспомнить, кто мне сказал о ней, или считаться соучастником и укрывателем террористов. Много чего еще мне говорили. И я жалела, что заварила такую кашу, не представляя последствий. Я жила в уютном мире, как моя кошка Тереза, которая ни разу в жизни не выходила на улицу и не знала, что происходит за дверью. Каждый день ей приносили вкусный корм, а по TV мне показывали успехи правительства в обеспечении безопасности граждан. Мы кушали то, что получали, радовались и особо не задумывались. Жизнь казалась приятной и безоблачной. Вся я находилась погруженной в учебу и в интересные исследования. Откуда мне знать про то, что знают эти грубые люди. И вдруг я — в тюрьме!

Полицейский включил ночные новости. Показывали, как меня в наручниках запихивают в машину полиции.

«…Арестована подозреваемая в «минировании» самолета в Шотландии! Ею оказалась студентка Эдинбургского университета… Проверяется её причастность к взрыву на Слейтфорд-роуд, а также принадлежность к религиозным, политическим и экстремистским группировкам…»

Господи, какой стыд, какой позор! Ведь это видят все!

Телевизионщики разыскали мою подругу Мелиссу!

«…Синтия никогда не говорила, что состоит в террористической организации, хотя мы были подруги… Я не замечала ничего подозрительного в ее поведении и не ожидала от нее такого! Возможно, она поступила так, потому что этим рейсом улетал домой ее парень…» — сказала она в интервью. А уже на следующий день ее слова подхватят и извратят газетчики.

Допрос длился почти до утра. Я вымоталась и хотела спать. Меня поселили на ночлег в комнату с решетками, где я и коротала ночь. Вернее, не ночь, а утро. Там было холодно и влажно, но теплых вещей у меня не было. Я не могла заснуть, хотя очень хотела спать. Всё время думала о Питере,

о себе… Ну и еще — о Терезе. Как она там без меня. Наверное, скучает. Что будет с ней, если меня посадят за решетку на 10 лет.

Мне вспомнился замок, который мы посещали с Питером. Среди экспозиций — бывшая тюрьма. Интерьеры воссозданы очень тщательно и правдоподобно, а из десятков спрятанных за камнями колонок доносятся голоса, разговоры, туберкулезный кашель, крики и стоны. Находясь там, я на минутку представила себя узником, и у меня пробежал мороз по коже. Я не могла представить и в кошмарном сне, что когда-нибудь сама окажусь за решеткой!

И сейчас я не на экскурсии.

Душа стонала и противилась. Она протестовала против заточения и несвободы. Я еще на что-то надеялась, не успев осознать всю тяжесть и бесперспективность своего положения. А душа уже все знала...

…Перед рассветом я провалилась в темноту.

Проснулась я от громких звуков. Слышались голоса, лязг железных дверей. Голова болела, а сознание мутилось, словно после шумной вечеринки. Хотелось пить, есть и залезть под горячий душ.

Я умылась холодной водой, но пробуждение не наступило. Принесли тюремный завтрак, но, несмотря на голод, в горло он лезть отказывался. Потом мне сказали, что пришел адвокат, и отвели на встречу с ним.

— Чем вы меня обрадуете? — спросила я.

— Ничем. Бомбу на борту лайнера не обнаружили, — с каким-то скучным выражением лица сообщил мужчина. Скорее всего, он был в этом уверен с самого начала. — Кроме того, оказался сорван вылет члена правительства. Застрявшие в аэропорту туристы опоздали на стыковочные рейсы. Авиакомпания собирается выставить вам счет на пятьдесят миллионов фунтов. Если вы добровольно не погасите их убытки, они подадут в суд…

Услышав сумму, я чуть не умерла. Я уже не слышала, что еще говорил адвокат. Я будто оглохла! Для студента-математика сумма с таким количеством нулей означает то же, что уложенная горизонтально восьмерка. То есть — бесконечность! И если бы выставленная мне сумма была в тысячу раз меньше — это не изменило бы мое восприятие численного значения. Сумма в пятьсот тысяч фунтов для меня такая же неподъемная, как и пятьдесят миллионов!

— Я думаю, ваше дело пойдет обычным порядком, — без энтузиазма заключил адвокат. — Будет приговор.

— И что можно сделать? — спросила я с надеждой.

— Давайте представим дело как действие в состоянии аффекта, — предложил стратегию адвокат.

— То есть стать дурой, которая позвонила в полицию, чтобы задержать отлет своего жениха?! — возмутилась я.

— Ну, во-первых, никто не знает, что он ваш жених, — заметил адвокат. — Он просто ваш парень, который на волне ваших чувств решил вас бросить. А во-вторых, почему обязательно дура? Уверяю вас, что нашлось бы немало женщин и старше вас, которые в подобном случае поступили бы именно так, как вы, — в той же скучной манере ответил мужчина. — И потом…У нас не так много вариантов защиты. Я бы даже сказал, что их совсем нет. Всё слишком очевидно.

— Подождите! — не сдавалась я. — Есть же истинная причина моего поступка! Вы ее знаете! Есть мои расчеты! В университете могут подтвердить, что я занималась исследованием статистики катастроф! Разве этого недостаточно?!

— Да, разумеется, я запрошу в учебном заведении ваши характеристики, — вяло откликнулся адвокат. Он напомнил мне священника, приглашенного к приговоренному к смертной казни. Еще бы справку о здоровье запросил! — Мы попытаемся снизить наказание… Но на значительное снисхождение судей я бы не рассчитывал.

— Да подождите вы! — взорвалась я. — Я могу доказать, что процент «отказников» на рейсах, закончившихся катастрофой, выше обычного! А на этом рейсе было аномальное количество отказавшихся лететь! Этого не могло случиться просто так, поймите! Для этого должна быть причина! И одну из возможных причин я нашла! Можно сослаться на исследования социолога Джеймса Стаунтона или писателя Стивена Кинга! Они тоже выявили эту статистическую аномалию!..

— Видите ли, мисс Синтия. Если бы вы делали научный доклад, то возможно, могли бы сослаться на этих уважаемых господ. Но в суде они вряд ли смогут выступить свидетелями вашей невиновности хотя бы в силу того, что затруднятся туда приехать. К тому же, насколько мне известно, Стивен Кинг не верил в ангелов.

Я поняла, что из тюрьмы мне не выбраться. Так глупо испортила себе жизнь. Какая же я дура!

Адвокат вытащил из портфеля утренние газеты и положил их на стол.

— Вот посмотрите прессу, чтобы понимать фон, — бесцветным голосом сказал он.

Газеты пестрили моими фотографиями, и я заплакала. Какую гадость они пишут! Газетчики выдумали чудовищную историю про мой любовный роман с лондонским репортером! Будто бы я забеременела и заставляла Питера жениться на себе. А он не захотел и поехал домой в Лондон. И чтобы его остановить, я позвонила и сказала о бомбе. Но это же неправда!

Какая чушь и мерзость! И это будут читать мои преподаватели и знакомые. Видимо, все репортеры придумывают немыслимые истории. Это делал и Питер... Но он же не писал гадостей про людей.

Другая газета сообщала о том, что сорванным рейсом в Лондон должен был лететь министр внутренних дел Великобритании. А «телефонная диверсия» была предпринята с целью срыва заседания чрезвычайного правительственного комитета «Кобра»!

Третьи издания писали о предотвращенном спецслужбами покушении на членов Кабинета министров! А взрыв жилого дома должен был отвлечь силы полиции.

Ну не бред?! Хоть бы кто-нибудь подумал головой, ну зачем мне звонить в полицию и говорить о бомбе, если бы я действительно хотела взорвать самолет! Наверное, лучше было бы, если бы я ее туда сама заложила!

Но самое большое потрясение ждало меня в сюжете о студенческом пикете возле университета. С плакатом «Террористам не место в университете!» стояла… моя подруга Мелисса!

Похоже, она свихнулась от общественной деятельности, любовных романов и шумных попоек! Мелисса решила прославиться за мой счет и начать политическую карьеру! Вот она уже раздает интервью, а завтра окажется среди каких-нибудь активистов.

Дура! Вот дура! Не она, а я! Потому что с ней дружила!

В утренних новостях уточнили информацию о взрыве дома. Оказалось, что причиной была не я, а бытовой газ! На одно обвинение меньше! Не тысячу ударов палкой по голове, а только девятьсот девяносто девять. Для математика — это важно. Для человека… вряд ли.

Показали интервью моего адвоката.

«…Моя подзащитная не имела преступного умысла, совершая звонок в полицию, а, наоборот, хотела

предотвратить трагедию, которая, как ей казалось, должна была произойти…Назначена психиатрическая экспертиза…»

А я думала, что хоть он не считает меня сумасшедшей. Ну да ладно. Мне уже всё равно!

— Задержанный из-за меня самолет уже улетел? Или деньги за его простой продолжают капать на меня? — спросила я, не догадываясь, что мой ангел-хранитель уже спешит ко мне на помощь.

— Трудно сказать, — пожал плечами адвокат. — У меня нет информации. Но если хотите, я могу узнать.

Наше время вышло, и меня куда-то повели. Думала — на новый допрос. Но лестницы и коридоры привели меня обратно в камеру. Я никак не могла запомнить этот маршрут. Непонятно, как людям удается бежать из заточения?..

До самого вечера меня никуда не вызывали и, видимо, забыли о моем существовании. Я тихо умирала, хороня и себя, и свою жизнь. Казалось, что прошла целая вечность… Но это были всего лишь первые сутки моей несвободы. А сколько их впереди — я не знала, потому что боялась представить это кошмар.

Прошло время. Я осваивалась в новом месте и в новой роли, запоминала нехитрые правила, действующие в моей темнице. Ко мне подселили женщину, обвиняемую в убийстве. Раньше я думала, что такие люди выглядят как полусумасшедшие маньяки с горящими глазами и ножами за пазухой. Но хрупкая женщина по имени Долли оказалась на редкость умной, тихой и спокойной. У меня даже возникла неуместная и шутливая ассоциация со знаменитой одноименной овечкой.

Долли была подавлена и очень переживала. Женщина рассказала мне, что никого не убивала, а стала жертвой стечения обстоятельств. Долли встречалась с женатым мужчиной, и во время одной из таких встреч ее другу стало плохо. Мужчина ждал назначения на хороший пост в банке и не хотел огласки внебрачной связи, поэтому не позволил вызвать «скорую помощь». Он попросил помочь ему одеться, вывести его на улицу и сымитировать, что «скорую» вызвал случайный прохожий…

На это ушло слишком много времени. Когда «скорая» приехала, мужчина был мертв. Соседи сказали полиции, что видели этого мужчину неоднократно, а может быть, кто-то видел, как Долли тащила его к выходу. Женщину обвинили в убийстве и подселили ко мне.

Встреча с Долли стала для меня неожиданным уроком, принесшим небольшое облегчение. Я поняла, что кому-то может быть гораздо труднее, чем мне. Ведь кроме несвободы и обвинения в несовершенном преступлении Долли потеряла любимого человека. И это — ничем невосполнимая утрата.

Я поддерживала Долли, как могла, хотя сама была на грани отчаяния. У меня еще теплилась надежда на благополучный исход моего дела, хотя логика твердила, что влипла я прочно и по самые уши.

Долли уводили и приводили. Это были допросы, встречи с адвокатом, выезды… Мы с ней подружились и стали настоящими подругами. Не только по несчастью, но и по жизни.

А мой адвокат так и не появлялся. Я понимала, что моя вина не подлежит сомнению даже у него, и, фактически, это так и было.

Во мне что-то менялось. Я заметила, что научилась ощущать течение времени. И, самое главное, поняла его ценность. Я осознала, как много времени тратила впустую, на бессмысленные, бесполезные вещи, тогда как к нему нужно было относиться бережно, как к бесценному дару. Я никогда не задумывалась о свободе, считая подобные размышления уделом революционеров. Но, потеряв свободу, поняла, как много она значит для человека, и запоздало научилась ее ценить. Я будто стала взрослее, взглянув на мир под каким-то новым углом. Но сокровенные знания бытия давались мне непросто. Я поняла, что за всё в жизни приходится платить, но моя плата оказалась слишком неподъемной.

Новое утро началось по обычному распорядку. Я не знала, что происходит с Питером, и постоянно думала о нем. Хотела прижаться к его плечу, уткнуться в него носом и спрятаться от мира, вдруг ставшего таким холодным и злым. Я боялась, что Питера тоже арестуют. Но, к счастью, он был на свободе, и всё это время искал способы моего спасения. Питер написал статью обо мне, давал интервью телеканалам, рассказывал нашу историю в соцсетях и на YouTube, сумев вызвать интерес и сочувствие сотен тысяч людей.

Лондонский редактор Питера стал лапочкой и чуть ли не молился на него, ведь благодаря нашей громкой истории рейтинг издания взлетел до небес! Как и частота упоминания темы в Интернете. А это — дорогого стоит!

Что касается Мелиссы, то на нее я не обиделась. Что толку обижаться на ежа, уколовшись об его иголки! Это его

сущность, его природа, не зависящая от него. Он так и останется с иголками, но я уже не буду приближаться к нему. Мелисса хотела получить немного известности с нашего стола. И она этого добилась. Я ее простила, отпустив обиду в небо как воздушный шарик. Нет ничего тяжелее, чем носить в себе груз обиды. По сравнению с моим нынешним положением, поступок Мели — такая мелочь.

Весь день меня никуда не вызывали, и я подумала, что моя судьба уже решена. Но, ближе к вечеру меня вызвали на допрос. Долли пожелала мне удачи, а я махнула ей рукой.

Меня удивило, что кроме знакомого мне следователя в комнате присутствовали и другие люди. Целая делегация. Похоже, дело плохо. Но среди них не было моего адвоката! Он что, бросил меня, когда понял, что дело проигрышное? Вот подлец!

— Здравствуйте, мисс Синтия! — обратился ко мне незнакомый мужчина в хорошем костюме и с располагающей улыбкой на губах. — Ваш адвокат скоро будет, а пока могу я задать вам несколько вопросов в частной беседе?

Чем-то неуловимым мужчина выделялся из группы полицейских, и мне показалось, что он не полицейский. Мужчина излучал уверенность и оптимизм.

Мой интерес подогревался полным молчанием полицейских и фразой, «в частной беседе»... Значит, это не допрос. Ну что ж, в частной беседе — валяй, спрашивай! Только я уже не помню, куда заложила бомбу! Не помню, как ее изготовила и доставила на борт! Я ничего не помню!

— Попробуйте, — согласилась я, сгорая от любопытства. Я видела в фильмах, как сокамерников заставляют давать показания друг на друга и почему-то была уверена, что появление этого важного господина связано с делом Долли. Ничего плохого я о ней говорить не стану. Даже не надейтесь.

— Не могли бы вы вкратце рассказать о ваших исследованиях, — вдруг спросил мужчина.

Я даже растерялась — уже столько раз рассказывала! Напряглась еще раз, объяснив всё несколькими фразами.

— И как давно вы занимаетесь этой работой?

Я ответила, пытаясь угадать причину возникновения этих странных вопросов.

— Что будет результатом ваших исследований?

Вопрос расстроил меня. Что толку говорить о том, чего никогда не будет! Насколько я представляю, в тюрьме не ведут научную работу. Из университета меня вышибут как пробку, на этом и закончится моя научная деятельность.

— Я планировала создать компьютерную программу раннего предупреждения об угрозах на транспорте. Но это было давно. В прошлой жизни.

Однако, несмотря на мою язвительную реплику, мужчина не унимался и продолжал сыпать вопросами из серии: «Если бы…»

— Скажите, мисс Синтия, вы пробовали получить гранд на ваши исследования в университете и включить их в список приоритетных? Сколько потребуется денег на завершение работы?

Я уже злилась на этого господина. Он что — издевается?! Он приехал в тюрьму, чтобы поинтересоваться, как шла моя учеба? А чего другие молчат, как воды в рот набрали! Что за спектакль они устроили! А-а! Я поняла! Полиция иногда устраивает спектакли. Но надо понять их цель.

— Так! — решительно сказала я. — Давайте на этом остановимся! Ваши вопросы в этом помещении кажутся мне, по меньшей мере, странными! Вы, собственно, кто?

— Извините, я забыл представиться! Я представитель Министерства внутренних дел Великобритании по транспортной безопасности, — с достоинством произнес мужчина. — Видите ли, в чем дело. Ваш адвокат обратил внимание на тот факт, что задержанный вами самолет не улетел по окончании проверки даже на следующий день, а был отбуксирован в технический ангар. Ему это показалось странным, ведь каждый час простоя несет огромные убытки, счет по которым предъявят вам. Ваш адвокат связался со своим старым другом — со мной, и мы провели проверку, опросив руководство компании и технический персонал.

— И что же вы выяснили? — заинтересовалась я, не понимая направления беседы.

— О-о! Это интересный вопрос! Оказалось, что авиакомпания скрывала от общественности и государственных органов результаты проверки технического состояния самолета.

— Как же скрывала, если во всех газетах и теленовостях говорят, что бомба на борту не обнаружена? — запуталась я. — Вот, спросите хоть у этих полицейских! Они вам точно скажут.

— То, что бомбу не обнаружила полиция, еще не означает, что ее там не было! — вдруг ошарашил представитель МВД. — Но это я так, к слову.

— Подождите, так что — бомбу нашли? — запуталась я, пытаясь найти поддержку у следователя. Но тот молчал, как рыба.

— Нет, нет! Бомбы там действительно нет! — воскликнул мужчина, окончательно сбив меня с толку. — Дело в другом! Пилоты сообщили технической службе, что был короткий провал тяги, хотя приборы показывали норму. И только при повторной проверке самолета обнаружилась серьезная, фатальная неисправность топливной системы. В случае продолжения полета эта неисправность со стопроцентной вероятностью привела бы к отказу двигателей при завершении набора высоты и неизбежной катастрофе.

Я была шокирована услышанным и не могла поверить! Потому что объяснить это можно было только чудом! Значит, я была права?

— Руководство авиакомпании пыталось скрыть эту информацию, чтобы не портить свой имидж, и не предприняло ничего для снятия обвинений с вас, — чеканил представитель МВД. — Впрочем, это уже параллельная история, и, возможный повод для вашего иска к ним. Это вы с вашим адвокатом обговорите. Кстати, вот и он.

В комнату вошел мой адвокат. Как всегда подтянутый, опрятный и немногословный.

— Здравствуйте, мисс Синтия! Сейчас мы уладим некоторые формальности, и ваши приключения закончатся! — с теплотой сказал он. Спасибо, что подсказали мне про самолет! Я бы никогда не догадался!

Я заплакала, а он по-отечески обнял меня и протянул свой носовой платок. Это было трогательно, потому что совсем недавно адвокат казался мне сухим и черствым человеком, не способным к эмпатии. А сегодня я увидела его совсем не таким. Я рада, что ошиблась.

Процедура обретения свободы не заняла много времени. Я попрощалась с Долли и обещала заняться ее делом. Мы обнялись. Мне вернули сумочку, я расписалась в описи, и мы пошли на выход. Я испытывала особенное, не знакомое ранее чувство.

У ворот тюрьмы нас ждали десятки телекамер и огромное количество людей, пришедших поддержать меня. Но первым, кого я увидела, был Питер. Я не выдержала, заплакала и бросилась к нему. Я рыдала и не могла говорить, а Питер гладил меня по голове, как маленькую девочку, и приговаривал, что всё плохое — позади.

Мне так хотелось в это верить!

Я заметила группу молодых людей. Они подняли над головами плакат: «СИНДИ! МЫ — С ТОБОЙ!». Это было незабываемо! Я заметила скромно стоявшую девушку…

Мелисса! Даже забавно. Она любит оказываться в центре событий.

Вышел мой адвокат и весело подмигнул Питеру:

— Я оттяну внимание репортеров на себя, чтобы вы скрылись от любопытных глаз. Давай, парень, теперь всё в твоих руках!

Мы воспользовались возможностью.

— Тебя там встречают! — заговорщически сообщил Пит, указав на стоявший неподалеку автомобиль.

— Кто? — удивилась я, руками вытирая непослушные слёзы.

— Иди и посмотри, — прошептал Пит и легонечко подтолкнул меня вперед.

Я приблизилась к машине. Из приоткрытого окна на меня смотрели желтые глаза моей Терезы! Кошка сидела на руках соседки и, едва я открыла дверь, как Тереза прыгнула ко мне на руки, едва не вырвав поводок!

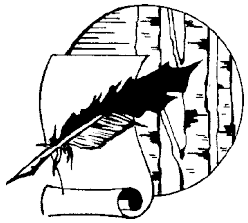
Это было очень мило. Я не могла сдержать слёзы радости!

Мы ехали по городу, наполненному красками. Я всё еще не могла поверить в свое спасение, находясь во власти эмоций.

Я совсем по-другому смотрела на окружающий мир и мысленно благодарила своего ангела-хранителя за мое чудесное спасение.

Жаль, я не знаю его имени...

г. Москва

Елизавета ХАПЛАНОВА

МЕТРОНОМ СЕРДЦА

НЕСОВЕРШЕНСТВО

Иду по лабиринту бытия,
Ступаю вдаль неровными шагами...
Моя несовершенна лития,
Но преломляю хлеб целебный в храме...

Моя непостижимая любовь,
Наполненная скорбью и слезами,
На раны бесконечно сыплет соль,
Чужими окликает голосами...

В сентябрьской бронзе замедляя шаг,
Свою неидеальность обнаружив, —
Прощу её... Развею в сердце мрак.
И отпущу навек того, кто нужен.

Кому идти дорогою иной,
Искать ветров изменчивую фугу.
Моей виной укрывшись, как стеной,
Не быть мне ни любовником, ни другом.

Несовершенства прятать не с руки,
В любви — и тьма меняет очертанья...
Летят к рукам ночные мотыльки,
Болят в душе иллюзии свиданий.

И хочется по лезвию судьбы
Пройти, не видя алости отметин.
Презрев усердье чьей-то ворожбы,
Несовершенство мира не заметив...

НЕДОСКАЗАНО...

Эта Горловка — нож у горла мне...
*Алексей Полубота**

Недосказано, недолюблено,
не проверено на себе…
Не в Рассказовке и не в Люблино —
лента-ленточка** по судьбе:

«Эта Горловка — нож у горла мне», —
прохрипел Алексей строкой.
И над Истрою, над Коломною
слышен был тот последний бой.

Над Изварино и над Моспино,
и на каждом конце земли,
Парни — родинкой, мины — оспиной
в землю вместе навек легли.

Недосказано, недопройдено…
хоть и шли каждый раз вперёд,
Помня истину: слово Родина
от исконного слова «род».

«Эта Горловка — нож у горла мне» —
так болела твоя душа,
И выстреливала глаголами,
душу каждую вороша.

Недосказано будет многое.
Это, друг мой, всего лишь жизнь.
Свету — светлое, Богу — Богово…
Ну а ты, Алексей… вернись!

БЫТЬ ГОТОВЫМ

Всё меняется в одночасье…
Застилается тьмою свет.
Отторгает былое счастье
Тот, кто счастью давал обет.

---

* Поэт, пропал без вести в зоне СВО.
** Ленточка — линия, за которой идут боевые действия.

Вместо звёзд распыляет небо
«птичек» вражьих вороний глаз.
Где бы ты в это время не был,
Вновь оно выбирает нас.

И не важно, что тот, кто рядом,
Вдруг забудет, что рядом он.
…Равнодушных не будет взглядов
Там, где жизнь, словно снега ком —
Он растает в одно мгновенье,
Оглянёшься… тебя уж нет.
Превращается день весенний
В позабытого давний след.

Всё меняется... Будь готовым
К поворотам и виражам.
Всё свершённое — вечно ново,
Жизнь, как радость, всегда свежа!
Не жалей о своих утратах,
Хоть и горше они с каждым днём.
Есть душа. А на ней — заплаты.
Что отпущено, то пройдём…

* * *

Идут обстрелы опять и снова,
Мы наступаем — бегут враги.
…Лежит в больнице дончанин Вова,
Лишился мальчик одной ноги.

И смысл напрасно мы снова ищем —
За что ребенку такой удел?
Вокруг — родимое пепелище.
Опять и снова идёт обстрел…

Теперь ему не нужны обновы:
Один ботинок, себе не лги.
Ноги лишился мальчишка Вова,
Уже не скажешь ему: «беги!»

А ночь на фронте равна столетью,
равна — рассыпанному драже…
Теряют ноги в Донецке дети, —
И нет покоя моей душе.

НЕ СКАЗАННОЕ

Не хочу торжественных речей,
Чьих-то строк, журчащих, как ручей,
Громогласных, словно детский горн.
Коль вести, так честный разговор.

Чем слышней за окнами беда,
Чем сильней гуляют провода
(И стекло вдоль рамы ходуном),
Чем тревожней сердца метроном,

Тем я тише... Затаив строку,
Что рождалась и была в соку,
Сдерживаю пульс, скрываю ритм.
Не поёт душа — она хрипит...

Потому молчу, спасая суть...
Уходящих — словом не вернуть.
За молчаньем — горечь всех потерь.
Память сердца в сердце бьёт сильней!

Обо всём возможно вслух сказать:
Поддержать солдат, утешить мать…
Только то, что лично пережил, —
Описать в словах не хватит сил.

Потому молчу. Хотя порой
Вижу я во сне тот ближний бой —
И кричу, с души сорвав замок.
Не до строк красивых, видит Бог…

СЫН

В его венах — горячие реки Эллады,
Его памятью связаны сотни имён.
Не хочу отпускать… Только знаю — так надо.
Отпускать сыновей — материнский закон.

Отпускать, чтобы ждать… Коченеть на пороге,
Не заметив ни дождь, ни осеннюю стынь.
Бесконечно крестом осеняя дорогу,
Бесконечному небу шептать: не покинь…

Но в наследство у сына могучие корни —
Память дедовых ран, крепость мужеских рук.
Пусть ещё не боец. Дай-то Бог, чтоб не воин…
Но всё шире в плечах пограничника внук.

ЖИЗНЬ

Донецк — не сводки фронтовые,
Хоть в двух шагах не стихший бой…
Но нам, кто значится живыми,
Важна и вера, и любовь.

Погода, будь она не лётной,
Рейс не задержит в небеса.
Донецк — не звуки миномётов,
а в жизнь влюблённые глаза…

Жить под огнём — такая проза,
Судьба — сплошное решето.
Но в ноябре на клумбах розы,
А рядом — свитое гнездо.

Такое встретишь лишь в Донецке,
Где для цветов почёт и блажь.
Здесь дух моей страны советской,
Что и за блага не отдашь.

Донецк велик своей любовью,
Храним божественным крестом.
Цветут сады под звуки боя,
И крепко держится гнездо.

МОЯ ЗЕМЛЯ

Абрикосы в цвету,
словно в платьях — невесты,
И степной аромат, и дорога в пыли...
Я умру в тот же миг, за мгновение, — если
Отлучить меня смогут от этой земли.

Жаркий солнечный стяг — ореол террикона,
Он впечатался в сердце на годы вперёд.

Я с рождения с ним незабвенно знакома,
Из одних состоим мы надёжных пород.

Потому не предам этот край, не покину —
Где бы я ни была, с ним навеки мой путь.
То ли степь в ковылях,
то ли в зелени — мины...
Своего не отринуть, души не задуть.

Всё приму, пуповинную связь не нарушу.
И с поклоном к земле, и с повинной приду.
Жизнь моя — терриконов кристальные души...
Пыль дорог... абрикосы в весеннем цвету...

Д О М

Вишнёвый чай — под тень листвы,
В саду беседка.
Ступеньки старенькой избы
Ворчат, не крепки.
Мечта из детства — добрый дом
В деревне русской.
Семья за рубленым столом, —
Тепло да вкусно!
И разговоры до утра
О чём-то вечном.
К заутрене колокола
Зовут сердечно…
Здесь мир иной, твой низкий дом
Подобен раю.
Заголубеет за окном —
И сердце тает.

Во сне рисую я мосты —
К мечте дорогу.
Где далеко от суеты
И близко к Богу…

СУДЬБА ВЕКОВАЯ

По разбитой дороге, сожжённым лесам,
По твердыне, мне данной с рожденья,

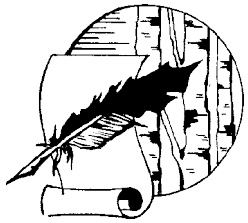
Я иду... И внимаю твоим голосам,
Предыдущее поколенье.

Снова крест неподъёмный на плечи земли
Опустила судьба вековая.
И осенние листья устало легли
В седину уходящего мая...

Не коснуться былого. Но в нервах моих
Всё идёт эта вечная битва
Между веком ушедшим и веком живых,
Меж проклятьем врага и молитвой.

И покуда твердыня моя велика
И не сбиты дорогой подковы,
Продолжается время, храня берега
И моим, и отеческим словом.

г. Макеевка (ДНР) — Москва

Ирина УШАКОВА

РУССКИЙ ПУТЬ

* * *

Бабушке

Только-только война на земле отпылала.
Почерневшие печи стоят вдоль села.
Но откуда-то девушка холст доставала
И отбеливала этот лён добела.

И под грубой рукой землянистого цвета
Расцветали сады, пели птицы весной.
И казалось, что рай — пепелище вот это,
Где пробился по ткани ленок голубой.

А родные родимых своих хоронили.
Вести с фронта ещё почтальоны несли.
Только русскую душу враги не убили,
Если птиц на холстине убить не смогли.

РУССКИЕ СЕГОДНЯ

I

Волгари, уральцы, сахалинцы,
Мы идём и не отступим впредь,
Русские, мы ныне палестинцы:
Родина за нами! Или смерть.
Валентин Сорокин

Опять, как на Пасху, приснилось —
В весёлом дворе хоровод.
И русская жизнь воротилась.
И русский вернулся народ.

Увы, от кубанской станицы
До тихих провинций Твери
Всё реже те русские лица —
Смоляне, донцы, волгари…

То пламя войны пронесётся,
То урбанизации план.
— Ну, как вам, родные, живётся? —
Спросите, спросите селян.

Пройдёт на заросшее поле
Хозяин тех щедрых полей.
Доколе он будет, доколе
Не нужен Отчизне своей?..

Он всю эту землю освоил,
Собрал, защитил и сберёг.
Идёт он — оратай и воин.
И видит таким его Бог.

II

Казакам Игорю Срибному,
Валерию Тимощенко, Тамаре Лобовой

Столетье прошло. И не странно,
Что судьбы все предрешены.
Последние шли атаманы
В огонь не последней войны.

Вернёшься ты в хату не вскоре,
Не свидишься с лю́бой своей…
Там дикие скачут в предгорье
Потомки казачьих коней.

Да только опять пригодились
Мужская и воля, и стать.
Станичники перекрестились
И молча ушли воевать.

Взметнули над воинским станом
Знамёна казачьи сыны.
Последние шли атаманы
В огонь не последней войны.

Сказать своё слово явилась
Россия, и впредь не уйдёт,
Чтоб русская жизнь воротилась
И русский вернулся народ.

ГОСПИТАЛЬ

Моим ровесникам, участникам
Второй чеченской войны

I
Эта строгая белизна
Высветляет жизнь, если вглядеться.
И врачует тревогу сердца
Госпитальная тишина.

II
Учит, учит смиряться
Миг тишины.
Ничего не бояться
После войны.

СНИТСЯ СЫНУ

Снится сыну звёздный воин,
Гарри Потер, супермен.
Только сон-то беспокоен
В это время перемен.

Вздрогнул он, как от шрапнели, —
Это ранило в ночи
Лейтенанта, что в апреле
КМБ его учил.

Не включить перезагрузки,
Новой жизни не купить.
Воевать ему по-русски,
И опять ему по-русски
До Берлина доходить.

Снится сыну: он, как стебель,
Пробивается сквозь грязь.

И девчонка, что под дембель
Двух недель не дождалась…

А пока — кровавой струйкой
Убегает чья-то жизнь.
Белгородские Валуйки,
Русский мальчик, удержи!..

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Воину Александру

И нет войны, и всё, как встарь,
Во времени бывалом.
Под медный бой часов «Янтарь»
С печальным интервалом.

Побывки той короток срок,
Война кольцо сжимает,
Но только сердце между строк
Победное читает.

Сынишку на руки солдат
Берёт, ещё не веря,
Что победил он адский ад,
В него захлопнул двери.

Глядит, как будто бы прозрел
Все тайны во Вселенной.
Жаль, лет на десять постарел
За этот год военный.

И мы должны не подвести,
И встать к станку и плугу.
Своей молитвою спасти
Собрата, мужа, друга.

Тогда вернётся всё, как встарь
После войны бывало.
И — вечный бой часов «Янтарь»
С победным интервалом.

* * *

Золотой, золотой, золотой
Листопад над твоей головой.
И кружит листопад заревой
Надо всею любимой землёй.

Не покинь, не покинь, не покинь
И заботой своей, и тоской
Эту даль, эту ширь, эту синь,
Эту рань над родною рекой.

Вековой, вековой, вековой
В наших песнях мотив зазвучит.
О народной судьбе горевой
Не молчи, не молчи, не молчи.

Русский путь никогда, никогда
Лёгким не был на русской земле.
Но высокая светит звезда,
Не давая пропасть в этой мгле.

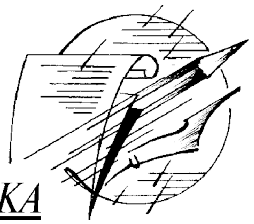
г. Москва

Валентин КАТАСОНОВ

ВСКОРМИВШИЕ ВТОРУЮ МИРОВУЮ

Сегодня во многих российских учебниках по истории (отечественной, зарубежной, всемирной) «План Дауэса» (ПД) упоминается лишь одной фразой без расшифровки и детализации. Между тем, роль этого плана в новейшей всемирной истории трудно переоценить. В этом году исполняется 100 лет со времени вступления в силу ПД. Хороший повод для того, чтобы освежить в памяти историю подготовки, принятия и реализации ПД.

Если говорить коротко, то ПД — план англо-саксонской элиты, который стал первой фазой подготовки Германии ко Второй мировой войне. Германия как страна, проигравшая Первую мировую войну, на Парижской мирной конференции (1919 г.) была приговорена странами-победительницами (прежде всего «Большой четверкой» — Соединенными Штатами, Великобританией, Францией и Италией) к выплате победителям репараций. Сумма назначенных Германии репараций была умопомрачительной — 269 млрд. золотых марок. Чтобы читателю была понятна эта цифра, переведу ее в физические единицы: при довоенном содер-

жании золота в немецкой марке объем репарационных требований к Германии составлял около 100 тыс. тонн драгоценного металла.

Для справки: накануне Первой мировой войны официальные золотые резервы Германии находились на уровне около одной тысячи тонн. Согласно экспертным оценкам некоторых историков, годовой валовой внутренний продукт Германии накануне Первой мировой войны составлял около 50 млрд. золотых марок.

Немецкая экономика в первые годы после войны находилась в плачевном состоянии. Германия была не в состоянии выплачивать сколь-нибудь значимые объемы репараций. Ей самой требовались деньги для восстановления. Кроме того, возникали острые противоречия и конфликты в группе стран-победительниц по вопросу приоритетности их репарационных претензий к Германии. (Образно выражаясь, шла борьба за место в очереди.) Особенно горячими были споры по этому вопросу между Великобританией и Францией. США в этой склоке не участвовали, великодушно отказавшись от репараций. В то же время Франция готова была ради того, чтобы «доить германскую корову», установить в Веймарской Республике жесткий оккупационный режим. Репарационный прессинг на Германию со стороны победителей не давал восстанавливаться немецкой экономике и обострял социально-политическую ситуацию в этой стране.

Нереальность своих репарационных требований к Германии через некоторое время вынуждены были признать и победители.

Осенью 1923 года обсуждение проблем репараций вышло на новый уровень. Лондон усмотрел в усиливавшемся хаосе в Германии угрозу всей Европе, в том числе Великобритании. 12 октября Лондон сделал официальное обращение к своему заокеанскому партнеру — США — с предложением провести международную встречу по репарациям при обязательном участии Вашингтона. Примечательно, что в обращении Лондона также акцентировалось внимание на том, что решение репарационной проблемы окажет самое непосредственное влияние на способность европейских союзников погашать перед США свои обязательства по военным займам и кредитам. (От немецких репараций Вашингтон отказался, а вот по займам и кредитам своим союзникам никаких послаблений давать не собирался.)

Опуская многие детали, отмечу, что Вашингтон принял приглашение Лондона подключиться к урегулированию

вопросов по немецким репарациям. Был учрежден Международный комитет экспертов по репарациям (в рамках которого было создано несколько подкомитетов).

Решения комитета были оформлены в виде документа «Доклад экспертов», которые в дальнейшем стали называться «Планом Дауэса». Одним из основных положений указанного плана был вывод о необходимости восстановления финансового и экономического единства Германии как условия стабилизации марки. Было рекомендовано организовать международный заем Германии на сумму 800 млн. марок в целях укрепления марки. Были также намечены некоторые виды обеспечений займа: таможенные пошлины, акцизы, наиболее доходные статьи государственного бюджета. Было рекомендовано Репарационной комиссии учредить акционерное общество, к которому должны на 40 лет перейти все железные дороги Германии. Все функции денежной эмиссии в Германии должны были перейти к банку, контролируемому союзниками. Впрочем, под контроль союзников ставилась вся экономика Германии.

Итак, ПД предполагал восстановление экономики Германии в той мере, которая необходима для того, чтобы она могла выполнять свои репарационные обязательства. Видимо, союзники (прежде всего, США и Великобритания) пришли к осознанию того факта, что без внешней финансовой помощи Германия не будет способна на уплату репараций. Иначе говоря, истощенную корову надо было сначала немного подкормить, а уже потом начинать ее доить. По существу, ПД был победой англо-американского блока над Францией. Он заставил Париж отказаться от методов «прямого действия», едва не убивших германскую «корову» и не приведших Европу к новой войне.

Окончательное согласование и утверждение ПД происходило на Лондонской конференции в июле—августе 1924 года. На этой встрече было много новых лиц. Великобританию представлял новый премьер Джемс Макдональд (первый в истории страны премьер от партии лейбористов), который пришел к власти в январе 1924 года, сменив Болдуина. Во Франции в мае 1924 года на смену Пуанкаре пришел премьер Эдуард Эррио, который возглавил правительство так называемого «левого блока».

Итоги Лондонской конференции сводились к тому, что ПД был после некоторых уточнений принят. Конференция отвергла метод самостоятельных (односторонних) решений

репарационных вопросов Францией. Было принято решение о том, что Франция выводит оккупационные силы с территории Германии в течение года. Примечательно, что со времени Лондонской конференции 1924 года США стали выступать в качестве активного арбитра в англо-французских отношениях. В частности, была создана арбитражная комиссия, в которую могла обращаться Германия по вопросам репарационных платежей и поставок. Решающий голос в этой комиссии имел представитель США. Французская доктрина «экономических репрессий против Германии» была заменена англо-саксонской концепцией «восстановления германской экономики».

Европейских союзников Вашингтона смущал такой момент, как возможное усиление конкуренции со стороны германских товаров на мировых рынках. Никто из них не желал потесниться. И тут союзники оказались достаточно единодушны в том, что внешнеэкономической «отдушиной» Германии должен стать советский рынок. Хитроумность ПД заключалась в том, что он не только снимал «давление» Германии на традиционные рынки, где обосновались союзные государства, но также был направлен на выгодное союзникам решение «русского вопроса». Поток немецких товаров на рынок советского государства, по замыслу авторов плана, был бы надежной гарантией того, что СССР останется экономически слабой страной. Немецкая конкуренция, по замыслу авторов ПД, должна была нейтрализовать любые попытки Москвы создать сильную и независимую экономику.

И. Сталин сразу же раскусил антисоветскую сущность ПД. В своем докладе на XIV съезде ВКП(б) 18 декабря 1925 года он отмечал: «“План Дауэса”, составленный в Америке, таков: Европа выплачивает государственные долги Америке за счет Германии, которая обязана Европе выплатить репарации, но так как всю эту сумму Германия не может выкачать из пустого места, то Германия должна получить ряд свободных рынков, не занятых еще другими капиталистическими странами, откуда она могла бы черпать новые силы и новую кровь для выплаты репарационных платежей. Кроме ряда незначительных рынков, тут Америка имеет в виду наши российские рынки. Они должны быть по “плану Дауэса” предоставлены Германии для того, чтобы она могла кое-что выжать и иметь из чего платить репарационные платежи Европе, которая, в свою очередь, должна выплачивать Америке по линии государственной задолженности».

Характеризуя ПД в той части, которая касалась нашей страны, Сталин назвал его «решением без хозяина»: «Почему? Потому что мы вовсе не хотим превратиться в аграрную страну для какой бы то ни было другой страны, хотя бы для Германии. Мы сами будем производить машины и прочие средства производства. Поэтому рассчитывать на то, что мы согласимся превратить нашу страну в аграрную в отношении Германии, рассчитывать на это, значит, рассчитывать без хозяина. В этой части "План Дауэса" стоит на глиняных ногах».

Расчеты авторов ПД на использование Советского Союза в интересах Запада провалились. ПД стал дополнительным импульсом для подготовки СССР к индустриализации.

Благодаря ПД, Веймарская Республика стала способна выплачивать хоть какие-то репарации. За период действия ПД с 1924 по 1929 год Германия выплатила в счет репараций свыше 10 млрд. марок. Державы-победительницы смогли вернуть полученные от США военные кредиты. Одновременно происходила активная накачка германской экономики кредитами. За первый год реализации ПД Германии пришлось самостоятельно выплатить лишь 200 млн. золотых марок, остальное было покрыто кредитами. До 1929 года преимущественно из США в Германию поступило кредитов на сумму в 21 млрд. марок. Это были почти исключительно американские и английские деньги. В Соединенных Штатах 10 октября 1924 года в течение 12 минут была проведена подписка на германский заем для стабилизации марки, которая дала сумму, гораздо большую, чем 800 млн. марок, предусмотренные по плану. По подсчетам германского автора В. Линка, только за пять лет (1924—1929 гг.) Германия получила из США 135 краткосрочных займов на сумму 15 млрд. долл. Один из исполнителей ПД германский банкир Шахт в 1929 году отмечал: «Германия за пять лет получила столько иностранных займов, сколько их получила Америка за 40 лет, предшествовавших Первой мировой войне». Некоторые историки говорят, что ПД фактически ликвидировал репарации. Действительно, сумма поступивших кредитов была в два с лишним раза больше репарационных платежей за тот же период времени. Фактически репарации оплачивались не из внутренних, а из внешних источников.

ПД рассматривался достаточной гарантией ввоза капиталов в Германию. США начали активно инвестировать свои капиталы. К середине 1930 года в германскую

промышленность только в форме займов было вложено 27 млрд. марок, 70% этого капитала были американскими.

Это дало возможность германской промышленности полностью переоснастить свою материальную базу и создать базу для будущего восстановления военного производства. При этом в Германию были проданы технологии, обеспечивающие военное производство, а американские промышленники были владельцами большинства предприятий. В 1929 году значительная часть германской промышленности принадлежала различным американским компаниям. «Стандарт Ойл» (Рокфеллеры) контролировала германскую нефтеперерабатывающую промышленность и производство синтетического бензина из угля. Моргану принадлежала химическая промышленность, концерн «И. Г. Фарбенидустри». Через американскую компанию связи «ИТТ» контролировалось 40% телефонной сети Германии и 30% акций авиастроительной фирмы «Фокке-Вульф». Через «Дженерал электрик» Морган контролировал германскую радио- и электротехническую промышленность концернов «АЭГ», «Сименс», «Осрам». Через «Дженерал моторс» контролировался концерн «Оппель». В 1929 году в Кельне начато строительство завода «Форд». К моменту прихода Гитлера к власти под полным контролем американского финансового капитала находились такие ключевые отрасли германской промышленности, как нефтепереработка и производство синтетического горючего, химическая, автомобилестроительная, авиационная, электротехника и радиоприборостроение, значительная часть машиностроения. Всего 278 фирм и концернов, а также ключевые банки, такие, как «Дойче банк», «Дрезднер банк», «Донат банк» и ряд других. Оценивая итоги ПД, американский исследователь Ральф Эпперсон сказал: «Без капиталов, предоставленных Уолл-Стритом, не существовало бы Гитлера и Второй мировой войны».

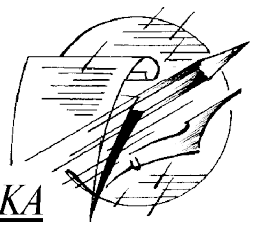
Ростислав ИЩЕНКО

ГЛОБАЛИЗМ ПО-АМЕРИКАНСКИ

Когда-нибудь (надеюсь, что уже скоро) адепты украинства, находясь в эмиграции где-нибудь в Европе или США, пытаясь (скорее всего безуспешно) зарабатывать на хлеб насущный, эксплуатируя привычную им «украинскую идею», напишут, что имперская Россия в очередной раз раздавила «молодую украинскую демократию».

Они будут приводить в пример события 2014 года и 2022 года и утверждать, что «Украина только защищалась». Кто-то им поверит. Таких будет немного, так как мало кому будут интересны исторические реминисценции осколков разбитого режима, и мало кто в принципе будет их читать, тем более что они не умеют писать так, чтобы читать хотелось.

Однако их «труды» осядут в библиотеках, будут постепенно вводиться в научный оборот (как же — «мемуары участников событий!») и станут оказывать влияние на массы не непосредственно, а опосредованно, через создателей смыслов — учёных, исследователей, публицистов. Они не только будут дополнять новыми красками давно усвоенный Западом образ «страшной агрессивной России»,

но постепенно, как писания того же Резуна, зайдут в Россию и как откровение будут восприняты новыми поколениями, незнакомыми с реальными событиями конца XX — начала XXI века, ибо в это время не родились ни они, ни их родители, а бабушки и дедушки в лучшем случае ходили в школу.

Человечество прошло огромный путь, от кремнёвого рубила, до космических станций и ядерной бомбы. За это время оно изменилось до неузнаваемости внутренне и внешне. Но уверенность в том, что «от нас скрывают правду» и желание эту (отличную от официальной истории, которую они, впрочем, не знают) «правду» прочитать (или, до изобретения письменности, услышать) сопутствовала человечеству на всём его пути и останется с ним в дальнейшем. Люди верят любой чуши, лишь бы она была неофициальной. Однообразие официоза надоедает человеку, и он инстинктивно, не отдавая себе в этом отчёта, начинает стремиться к альтернативе. Именно поэтому никогда нельзя останавливать исследования собственного прошлого. Правоту собственных концепций истории необходимо подтверждать ежедневно и ежечасно, находя новые подходы к уже известным проблемам, рассматривая их с новой стороны, в том числе и в новом масштабе.

Любое заметное историческое событие имеет как частное, так и региональное и глобальное значение. Частное (постсоветско-бандеровское) значение украинского кризиса многократно проанализировано и описано. Его историческая и политическая оценка не представляют сложности даже для исследователя, не страдающего излишним таланом — оно вполне укладывается в чёрно-белую схему: хорошие/плохие, наши/враги. Но в его кажущейся простоте и понятности кроется его политическая слабость. Поскольку всегда будут существовать человеческие общности (государства), причисляющие себя к нашим врагам (конкуренция вечна). В рамках этой схемы бандеровцы априори окажутся для них хорошими (как враги их врагов). Ориентироваться в своих научных изысканиях и искать доказательства своей правоты они будут не в наших текстах, а в «мемуарах» той самой бандеровской эмиграции, тем более что написаны они будут в том же чёрно-белом стиле.

Эта часть работы (описание кризиса на низшем, частном уровне) крайне важна с точки зрения предоставления аргументации тем, кто сделал свой политический выбор, но делать выбор люди будут не на основе бандеровских и антибандеровских воспоминаний, авторы которых будут

обвинять друг друга в одних и тех же грехах и зверствах (бандеровцы уже сейчас активно приписывают нам свои собственные действия и намерения), людям же, находящимся на большом временном расстоянии от событий и не имеющим возможности даже побеседовать с их участниками или хотя бы с теми, кто знал участников, останется только верить или не верить.

Как правило, политический выбор делается человеком, на базе трёх основных факторов: уровня собственного интеллекта; уже сформированного мировоззрения; осознания совпадения или несовпадения своих жизненных интересов с той или иной политической концепцией.

Эти факторы пересекаются между собой и работают в нераздельном и неслиянном взаимодействии. Чем ниже интеллект человека, тем хуже он осознаёт истинные причины своего выбора, тем больше в его действиях инстинкта и эмоций. Соответственно, человек, обладающий более высоким интеллектом, способен не только сам делать сознательный выбор, но и управлять процессом выбора части окружающего общества, становясь локальным, региональным или даже национальным лидером общественного мнения. Именно этим людям для собственного осознанного выбора и для последующей работы с массой и предназначены более масштабные исследования кризисных явлений: рассмотрение кризиса в региональном и глобальном контекстах.

Впрочем, конкретно для украинского кризиса региональный (европейский контекст) сливается с глобальным. Эта проблема освещалась не намного реже проблемы украинской бандеровщины. В результате массовой идеологизации европейской политической жизни, местные элиты прошли путь негативного отбора, утратили политическую адекватность в угоду идеологической девственности и, как результат, пытаясь использовать Украину как фактор давления на Россию с целью получения дополнительных торгово-экономических преимуществ, очень быстро скатились в украинизацию своих собственных стран, выразившуюся в практически мгновенной (по историческим меркам) утрате военно-политической и финансово-экономической субъектности (как в каждом государстве отдельно, так и в рамках проекта единой Европы — ЕС).

Из одного из создателей глобальных политических смыслов Европа к 2024 году окончательно превратилась в такой же инструмент (таран против России), каким была

Украина. С этого времени мы вправе говорить о евро-украинском кризисе, что подтверждается одинаково истеричной реакцией Киева и европейских столиц на намерение США временно подморозить данную кризисную площадку, перенеся свои основные усилия на другое направление.

В другое время ЕС радовался бы самостоятельным возможностям, пока США заняты в другом месте, получить максимальную выгоду от урегулирования кризиса. Нынче Европа в панике. Она, как и Украина, больше не располагает самостоятельными военно-политическими и финансово-экономическими возможностями управления кризисом, а значит, неспособна не только отстаивать собственные интересы, но и иметь их. Ей, как и Украине, необходим вождь-хозяин, который поставит задачу, предоставит ресурсы для её решения и оплатит предпринятые усилия. Если использовать сельскохозяйственную терминологию, то ЕС вслед за Украиной превратился из самостоятельного производителя в батрака на чужой латифундии.

Таким образом, у нас для рассмотрения остался только глобальный уровень кризиса, непосредственно связанный с интересами США и их планами вначале сохранить, а затем вернуть глобальную гегемонию.

Сама постановка вопроса о сохранении глобальной гегемонии свидетельствует о том, что она оказалась под угрозой, а это означает, что ресурсов глобальной американской империи стало не хватать для её удержания. Из этого неизбежно следует вывод о сложившейся у США необходимости в привлечении дополнительного внешнего ресурса для решения возникшей проблемы. Это было понятно всем, в том числе Киеву и Брюсселю. Но некоторые вещи деградировавшим евро-украинским элитам оказались непонятны, что и привело их к катастрофе.

США откровенно сказали ещё в конце 90-х, что ресурсы, необходимые для сохранения (тогда ещё сохранения) гегемонии, намеренны брать у России и Китая как своих наиболее опасных конкурентов. Казалось бы, ЕС и Украине, которые собирались поддерживать США в их борьбе, ничего не угрожало (во всемогущество США они верили). И Киев, и Брюссель заранее заявляли претензию на свою долю трофеев от новой американской победы.

Но они по причине своей прогрессирующей деинтеллектуализации пропустили одну простую мысль: если у США уже недостаточно ресурса для удержания гегемонии,

а Россия и Китай не собираются сдаваться на милость победителя, то где взять ресурс, необходимый для победы над ними? А брать этот ресурс США как раз и собирались у младших партнёров, которые сами испытывали ресурсный дефицит и рассчитывали, что во имя противостояния с Россией США его покроют. Но рассчитывали зря.

Поначалу планы США Европу не задевали. До начала нулевых Вашингтон исходил из того, что вначале спокойно и не спеша удушит Россию в «дружественном» кольце постсоветских «братских» стран, в которых для этого приводились к власти «цветные» режимы, готовые ради американской победы над Россией уничтожить свою собственную страну. Подумайте, зачем США свергали вполне проамериканских Кучму (до сих пор выступающего против России) и покойного Шеварднадзе, заменяя их явно менее способными управленцами, но более управляемыми извне деятелями Ющенко и Саакашвили?

Дело в том, что задействованный в 2022 году против России санкционный механизм, готовился и должен был включиться гораздо раньше. Для этого США провоцировали военный конфликт России с какой-нибудь из постсоветских республик, пребывая в абсолютной уверенности, что Москва моментально разгромит политическое новообразование и присоединит к себе его территорию (что было логично). Это даст повод обвинить Россию в неспровоцированной агрессии, нарушении всех международных норм, стремлении возродить СССР в границах 1991 года или Российскую империю в границах 1914 года, добиться международной изоляции России, задавить её и… И, посадив в Москве проамериканское правительство из местных либералов, использовать Россию против Китая так же, как только что были использованы бывшие республики против самой России. Фактически сейчас работает та же схема, только теперь Трамп считает более перспективным вначале удушить Китай, а затем использовать его против России.

Никакие сильные и самостоятельные правительства в странах-таранах после того, как они выполнили свою работу, сохранять не планировалось. Они должны были превратиться в нечто вроде нынешних Ирака или Сирии, разорванных на враждующие между собой регионы, с условной центральной властью, при том что и центр и «автономные» (а де факто полностью сепарировавшиеся, как курды в Сирии и Ираке) окраины полностью зависели бы от США, а территории фактически управлялись бы эксплуатирующими их

природные богатства американскими кампаниями, с опорой на американские ЧВК и местных коллаборационистов.

Россия, благодаря политическому маневрированию, смогла частично избежать американских сетей и в 2008 году, и в 2014 году. Когда же в 2022 году, схема сработала полностью, выяснилось, что быстро и эффективно уничтожить Россию США уже не могут ни самостоятельно, ни при поддержке всего коллективного Запада и даже «братских» государств — бывших республик СССР. Да и глобальная расстановка сил изменилась не в пользу США. Наконец, внутренний кризис Запада за это время принял системный характер и серьёзно его (Запад) ослабил.

Схему потребовалось модернизировать, что и сделал Трамп. В базе она осталась той же: восстановить гегемонию за счёт установления американского контроля над чужими ресурсами, достигаемого при помощи разрушения соответствующих государственных образований. Но против усилившихся и обзаведшихся собственными группами поддержки России и Китая понадобился дополнительный внешний ресурс. Того, что можно было выдавить из постсоветских стран и традиционной периферии «свободного мира», было катастрофически мало, а страны эти, по мере своего разрушения, давали всё меньше и меньше.

Пришла очередь ближайших американских союзников стать кормовой базой. Европу на эту роль определили ещё при Байдене, когда заставили отказаться от взаимовыгодного экономического сотрудничества с Россией, не только не предоставив ничего взамен, но даже наживаясь на ней: втридорога продавая американские энергоносители и оружие. Обратите внимание, что США не пошли по пути, предложенному Орбаном: «Если хотите, чтобы Венгрия участвовала в блокаде России, организуйте поставку энергоносителей по тем же ценам», а предпочли позволить Будапешту сепаратно торговать с Москвой. Потому что прими они предложение Орбана, того же потребовали бы для себя и другие европейцы. Американцы же, как сказано выше, не собирались платить за союзников — союзники должны были платить за них, за США.

При Трампе в Стратегии национальной безопасности США аналогичная Европе роль (разоряться и гибнуть в интересах США) прописана и для индо-тихоокеанских союзников Вашингтона. То есть мы имеем дело с системой.

Я называю это «новой глобализацией», которая отличается от старой глобализации тем, что глобализаторы 90-х обещали

всему человечеству общий глобалистский рай, а нынешние не обещают ничего, да у них ничего и нет, кроме желания остаться последим живым органом агонизирующей системы.

В рамках «новой глобализации» шансов выжить нет ни у кого, даже у США. В её рамках борьба может вестись только за то, кому умереть последним. Именно поэтому, выступая против «новой глобализации», Россия и Китай ведут войну за жизнь, за право жить и развиваться, а США и их союзники (хоть при Трампе, хоть до Трампа) сражаются за право последним стоять в очереди к могиле. Поэтому все, кто выбрал США, включая Украину и Европу, выбрали смерть. Американская концепция реставрации гегемонии США в рамках «новой глобализации» в условиях нарастающей ресурсной недостаточности системы не предполагала для них иного исхода. Они умерли в тот момент, когда сделали выбор в пользу США. США их убили, так как испытывали потребность в ресурсах, необходимых Украине и ЕС для поддержания жизни. Вашингтон, в лучших каннибальских традициях, просто сожрал своих союзников.

Россия и Китай предлагали и предлагают всем, кто с ними, и всем, кто ещё колеблется, трудную, полную борьбы с «новой глобализаций» и связанными с ней опасностями, но жизнь и сотрудничество во имя жизни.

Поэтому, что бы ни писали потом бандеровские мемуаристы, уже на концептуальном уровне именно мы выступали как защитники, а наши враги как убийцы. Ну а то, что, защищаясь от убийцы, иногда тоже приходится убивать, известно всем, и не делает защитника преступником.

Юрий ВИСЬКИН

ВОЛЬТОВА ДУГА

РАССКАЗ

1

Письмо упало на пол адресом вниз, когда Лосин доставал газету из почтового ящика. Нагибаясь, он подумал, что оно от матери, которая живет за сотни километров в небольшом сибирском селе и часто пишет ему. Но письмо было не от матери, более того, предназначалось какому-то Постнову Александру. Однако адрес был именно его, Лосева, и он некоторое время удивленно разглядывал конверт и даже два раза поднял взгляд на ящик, подумав: уж не забыл ли он номер своей комнаты?

— Письмецо пришло? — спросил проходивший мимо сосед.

— Да нет вроде… — пробормотал Лосин. — Адрес мой... Но фамилия... Постнов... Не знаете его?

— Ну-ка, ну-ка, — с любопытством сказал сосед, останавливаясь и принимая письмо. — Та-ак... Что-то... Нет, по-моему, у нас такой не живет. Наверное, адресом ошиблись... Может, это в соседнем доме? Или в малосемейке... Сходи туда, Тимофей, узнай, а то вдруг там важное чё...

Лосин сходил к стоявшему рядом пятиэтажному дому, поспрашивал сидевших на скамейке старушек, затем сходил в общежитие для малосемейных, но человека по фамилии Постнов не нашел. «Завтра после работы занесу на почту», — подумал он, возвращаясь в свой двухэтажный, коммунальный и не полностью благоустроенный дом.

Отнести можно было и сейчас, поскольку почта еще работала, но Лосину надо было сделать два последних чертежа курсовой работы незнакомого ленивого студента, и поэтому сейчас он не мог терять ни минуты. Это был его попутный заработок. Подобные заказы он часто получал от немолодой хохотливой Лидии Павловны из бюро технического контроля, у которой была дочь-студентка, вероятно, тоже ленивая, во всяком случае, в первую очередь ему приходилось делать курсовые для нее.

Он открыл дверь своей комнаты, вошел и некоторое время стоял, испытывая уже приевшееся ощущение, будто его плечи стиснуты очень узким пиджаком. Действительно, комната была продолговата и узка, площадью всего десять квадратных метров. Темно-бардовые шторы были плотно сдвинуты, и от этого в комнате царил полумрак. Львиную долю пространства занимала стоявшая в углу возле окна обширная и плохо заправленная кровать, которую Лосин купил в комиссионке, польстившись на ее старинный вид, на блестящие шарики и вензеля из тонких трубок и на мягкость панцирной сетки. Напротив кровати стоял заваленный книгами и рулонами чертежей письменный стол с настольной лампой в виде маленького абажура из материи ярко-желтого цвета. Ближе к двери стоял кульман, к чертежной доске которого был прикноплен большой ватманский лист двадцать четвертого формата.

Лосин подошел к окну, бросив письмо поверх лежавших на столе книг, мельком взглянул на ведро с водой у стола, еще позавчера приготовленное для уборки комнаты; и подумал, что убраться не успеет и сегодня, ведь работать придется до ночи.

Он раздвинул шторы и взглянул на обильную, начинавшую желтеть листву берез, сквозь которую просвечивала розовая стена пятиэтажного дома, освещенная неярким вечерним солнцем. Ему вспомнилось, как недавно он взглянул в окно техотдела, где работал уже одиннадцать лет, и увидел снующих по заводской территории людей, увидел машину с бетономешалкой вместо кузова, ползущую к недостроенному заводскому корпусу; и вдруг подумал, что на сегодняшний

день он словно бы плотно засел в какое-то обособленное от мира, замкнутое пространство, во что-то, похожее на капсулу такой же формы, как бетономешалка, и даже улыбнулся этому сравнению, потому что оно ему понравилось. Да, да, именно капсула, подумал он тогда, и в ней он создает все необходимое для себя, накапливая энергию, которая понадобится ему со временем; и та самая мысль, что он *создает* для того, чтобы *быть*, неожиданно усмирила и еще глубже заткнула в его душу то, из-за чего порой приходилось переживать, заткнула сомнения: не лучше ли вечером или в выходной, вместо того, чтобы выполнять «заказы» или делать чертежи на мелкие рацпредложения, сходить к друзьям, у которых бывает очень редко, но с которыми окончил политехнический институт; не лучше ли во время отпуска, вместо того, чтобы ломать старые автобусы или в ядовитых ацетоновых испарениях поливать из краскопульта стеллажи будущего склада, съездить к матери, у которой не был уже пять лет? Он подумал тогда, что наверстает всё это, когда взлетит на желанную высоту, выдаст то, что прославит его, какое-нибудь изобретение из рук вон, и даже не одно.

Лосин был уверен, что это непременно произойдет, и сама жизнь обнадеживала его и укрепляла в нем эту уверенность, ведь недавно ему повысили категорию, дали вторую. А чуть позже он, наконец, добился отдельной комнаты, и перебрался сюда из общежития. И сейчас может спокойно работать вечерами, воплощая в чертежи свои многочисленные замыслы, пусть пока и не очень крупные, но ведь он может плюнуть на «заказы» и перейти к замыслам покрупней, чтобы потом, накопив побольше энергии, рвануть на всю мощь — приступить к воплощению замыслов масштабных, дабы взлететь на ту самую, желанную высоту. Вот тогда-то и выдаст он изобретения из рук вон и, вырвавшись, наконец, из капсулы, всерьез задумается о женитьбе и преодолеет самому себе непонятный, растущий страх перед женщиной. «Да, да, — с улыбкой подумал Лосин. — Всё будет именно так!»

Он плотно сдвинул шторы, включил настольную лампу и подошел к кульману. Работая над «заказами», Лосин почему-то всегда, даже ясным днем, задвигал шторы и включал лампу. Причем, никогда не переодевался в домашнее, ему хотелось работать у себя дома в том же виде, что и в техотделе.

Со скукой на лице он бросил оценивающий взгляд на ватман, где в тонких линиях были начерчены две проекции

червячного редуктора, и подумал, что неплохо было бы попить чаю. Но идти на кухню не хотелось, к тому же сразу после работы перекусил и выпил кофе в столовой. И он снял пиджак, ослабил узел галстука, закатал рукава белой рубашки, взял со стола листы пояснительной записки и пробежал по ним взглядом. Затем бросил их обратно на стол, взял карандаш и принялся за работу.

Сначала скука тащилась за ним по пятам, как на привязи, и было убийственно неинтересно, поскольку все это он много раз проделывал раньше, а впервые столкнулся с таким проектом тринадцать лет назад, когда ему было двадцать, и он учился на третьем курсе… Но понемногу, понемногу втянулся, даже увлекся, и скука отстала. Он мог чертить целый день напролет, мог часами дотошно рыться в справочниках, учебниках и атласах, выясняя порой даже и незначительную деталь. И всякий раз, выяснив, радовался как ребенок. Точность и ясность он всегда и во всем ставил на первое место, и даже в этом чужом письме, что лежало на стопке книг, прежде всего видел предмет, который должен точно и своевременно дойти до адресата.

Покончив с редуктором, Лосин снял чертеж с доски, прикнопил к ней чистый лист ватмана и принялся за общий вид подъемно-поворотного стола…

Около часа ночи курсовая работа была выполнена полностью. Чувствуя усталость, как обычно, приятную, наверное, от того, что ей сопутствовало облегчение от груза, сброшенного с плеч, он в последний раз окинул взглядом чертеж и довольно прищелкнул языком. И представил, как завтра отдаст эту курсовую Лидии Павловне, и как она сунет деньги в нагрудный карман его пиджака и начнет рассказывать что-нибудь не смешное, при этом громко смеясь, а он, растягивая рот в вежливой улыбке, будет слушать с желанием поскорей уйти, но в то же время испытывая и легкое приятное самодовольство...

Уже плохо соображая, он разделся и нажал кнопку настольной лампы. А потом нечаянно задел в темноте стопу книг, и они упали со стола. Послышался стук, звон...

«К чертям, — подумал он. — Завтра...» И тут же забрался под одеяло и сразу уснул.

2

А утром, проснувшись, некоторое время сидел на кровати, подперев рукой подбородок и глядя вниз. Он хорошо выспался, чувствовал легкость и силу в теле и, отходя ото

сна, припоминал всё, что необходимо сделать за день. Узкая полоска света, проникавшая между шторами, тянулась по давно не крашеному полу и перечеркивала несколько книг, валявшихся возле ведра.

Лосин поднялся с кровати, сладко потянувшись, и начал собирать с пола упавшие ночью книги. И вдруг увидел, что одна из них лежит в ведре, в воде. Чертыхнувшись, он выхватил ее, отряхнул. И тут же увидел письмо, которое тоже всю ночь пролежало в воде.

Лосин положил книгу на стол, осторожно достал письмо и подержал его над ведром, глядя на тонкую струйку, с журчанием стекавшую в воду. Надпись на конверте расплылась чернильной синевой. «И как вот теперь нести его на почту?» — с досадой подумал Лосин и ругнул себя за безалаберность. Тут же стряхнул с письма остатки воды, подошел к окну, раздвинул шторы и осмотрел конверт. Адрес все-таки можно различить. Он перевернул письмо и увидел, что конверт расклеился. «А может, это мне? — подумал он. — Может, просто имя и фамилию перепутали?»

И вынул письмо, благодаря конверту не очень-то и намокшее. Он развернул его и начал читать: «Здравствуй, Саша! Как видишь, пишу... Хотя, наверное, не стоит... Сразу скажу, что пишу наугад. Бумажка с твоим адресом потерялась в тот же день три месяца назад... Мои мысли были совсем о другом... Но ты крикнул адрес, когда садился в автобус, и я его запомнила, правда, смутно. Улица то ли Красноармейская, то ли Красногвардейская. Пишу на Красногвардейскую. Надеюсь, дойдет...»

— Стоп! — осадил себя Лосин. — Так вот в чем дело!

Он не стал читать дальше, ибо не страдал чрезмерным любопытством. Положив письмо на стол рядом с конвертом, надел свои легкие спортивные брюки и футболку, взял полотенце и полиэтиленовый мешочек со всем необходимым для мытья-бритья и чистки зубов и пошел в ванную. И пока глядел в зеркало, аккуратно снимая безопасной бритвой щетину с намыленных щек и подбородка, забыл про письмо. Он мурлыкал под нос любимый романс о ямщике, с удовольствием предвкушая увлекательную насыщенность нового трудового дня и думая о самой острой проблеме на сегодня — о перовых сверлах. К окончательному ее решению Лосин пришел вчера, «заправляясь» после работы в столовой. Но он привык возвращаться к своим мыслям — для верности. И сейчас перепроверял себя. Он пребывал в обычной своей ладной и крепкой внутренней колее. Лосин

был из тех, кому судьба подарила любимое дело — единственное и навсегда. Этим делом он только и жил.

Приведя себя в порядок, он с наслаждением пил любимый «купеческий» чай на общей кухне, коротко отвечал на вопросы соседей, разговаривал с беленькой ухоженной старушкой, которая по сей день работала в школе учительницей английского языка. Она с первого дня их знакомства откровенно и искренне желала ему поскорее найти «хелпмейт» — спутницу жизни.

Безусловно, и по возвращении в комнату он оставался бы в таком же превосходном расположении духа, если б не увидел на столе письмо, уже немного подсохшее. Оно несколько омрачило ему настроение. Он стал всячески убеждать себя, что это пустяк, выбросить да забыть. Но что-то мешало ему сделать это. Он взял письмо, немного почитал его в середине и убедился, что оно очень личное, а значит, и важное: прав был сосед. И если выбросить, у кого-то что-то нарушится, может, и сильно. Не исключено, кто-то и пострадает из-за этого. Получится — по его вине. Внутри у Лосина зарождался дискомфорт, весьма и весьма неприятный, а он терпеть не мог, когда что-то не так. Идеальный покой, полная свобода от нарушающих душевное равновесие нюансов — вот единственное, что он безоговорочно принимал для себя в этой жизни. В его капсулу влетела соринка, и надо ее вымести. В общем, после не очень долгих раздумий он твердо решил отвезти письмо по адресу после работы. Пусть ему будет стыдно за его вид, но он отдаст его прямо в руки. И сразу же Лосину стало легко, вернулось превосходное расположение духа. Он сходил на кухню, где уже никого не было, подержал конверт и письмо над газом до полного высыхания, а потом вернулся к себе в комнату, быстро облачился в костюм, белую рубашку и галстук, сунул аккуратно сложенное и упрятанное в конверт письмо во внутренний карман пиджака, взял тубус с чертежами и пошел на работу.

3

День протекал и как обычно, и не совсем как обычно. Протекал он, пожалуй, лучше, чем обычно. Возможно, влияли на это какие-то атмосферные явления. Так или иначе, самочувствие у Лосина было исключительно хорошим, и работалось ему необыкновенно легко, с особенным удовольствием — без всякой спешки, но в таком темпе, что ведущий конструктор Вероника Артемьевна Копылова, уже

не в первый раз проходившая мимо него в архив, сказала: «Тимофей Иванович, ты сегодня, будто Карандаш из мультика! У тебя чертеж сам собой из воздуха возникает, как на фотобумаге в проявителе…» — и этим, конечно, смутила его, еще больше смутив выразительным взглядом через плечо. Из всех женщин, с которыми Лосин был знаком по работе, она вызывала у него наибольший страх. Ей недавно исполнилось тридцать семь, она была в разводе, жила вдвоем с сыном-семиклассником, изнывала без спутника жизни и благоволила к нему, Лосину. Так, во всяком случае, говорил ему пожилой конструктор Иван Сидорович Жолудев, кульман которого стоял позади Лосина. Место за ним сейчас пустовало. Значит, Жолудев, как обычно в первой половине дня, торчал в инструментальном цехе, решая неиссякаемые мелкие текущие вопросы. Жолудев говорил Лосину о неравнодушии к нему Копыловой именно после подобных ее высказываний в его адрес, говорил с хитроватой улыбкой, чаще не прямо, а намеками. Но Лосин абсолютно в это не верил, и сейчас был доволен, что Жолудеву не перепало свежего повода для шпилек.

На руку было ему и то, что нет Николая Петровича Стамесова, конструктора, кульман которого стоял впереди. Тот, наверняка, побрел в цеха в поисках опохмела, и воздух был чист: Стамесов единственный из всех курящих сотрудников техотдела не ходил в курилку, мотивируя это тем, что отлучки убивают в нем творческий задор, а курение у чертежной доски, напротив, усиливает его и даже вызывает вдохновение; и начальник, которого никак нельзя было назвать деспотом и который прежде всего уважал в людях конструкторский талант, разрешал ему курить здесь, перед распахнутой створкой окна. В нижнем углу чертежной доски Стамесова всегда был приклеен синей изолентой кулечек из ватмана, куда он стряхивал пепел и складывал окурки. Но в конце дня он выбрасывал его в мусорную корзину, забывая сделать это лишь в редких случаях, каковой был и сейчас: кулечек, полный окурков, белел внизу доски со вчерашнего дня. От него исходил неприятный для Лосина запах, и если бы это было в другой день, он непременно выбросил бы его, но сейчас это ничуть не раздражало его, тем более, что в приоткрытую створку окна, из которого он и увидел недавно машину с бетономешалкой, втекал другой запах, приятный, и это был запах наступающей осени вперемешку с заводскими запахами, давно уже ставшими для Лосина тоже приятными.

Он чертил общий вид авто-смазчика, и мысли приходили одна за другой, материализуясь на чертеже в виде новых оригинальных деталей, причем одна из них, неожиданно возникшая, двойная направляющая, настолько восхитила его самого, что он воскликнул про себя: «Ай да Лосин! Ай да… Хе-хе-хе!» Удачей было так же и то, что чертеж этот он успел доделать полностью. И теперь, чуть отдалившись, стоял и разглядывал его, как художник разглядывает законченную картину в раздумье, не добавить ли еще каких-нибудь мазков.

Тут к нему подошел начальник техотдела Владимир Петрович Островерхов и тихо спросил:

— Иваныч, тебе по перовым есть что сказать?

— Ну, конечно! — встрепенулся Лосин. — Через минуту сам бы к тебе подошел!

И высказал свои мысли, пришедшие вчера после работы.

— Отлично! — хлопнул в ладоши Островерхов. — Сегодня же мы это дело и провернем! Сейчас я поручу ведущему технологу внести дополнение в техпроцесс, а потом всех обзвоню… Значит, слушай меня внимательно…

Он говорил, глядя сквозь очки на Лосина сверху: хоть и Лосин был роста не маленького, но Островерхов был просто длинным. И тоже молодым, всего на два года старше Лосина, несколько чудаковатым на вид, с вечно растрепанными жесткими рыжеватыми волосами, с глазами, горящими за стеклами очков двумя живыми веселыми огоньками. Год назад его перевели сюда из другого отдела и через несколько дней назначили на эту должность (вместо прежнего начальника, отстраненного и отправленного для реабилитации в цех — на восстановление почти полностью развалившейся травилки). Островерхов сумел быстро и прочно наладить работу техотдела. Его главным принципом было — действовать в тесном контакте с коллективом, советоваться с ним во всем и постоянно прислушиваться к нему. Он-то сходу и повысил категорию Лосину, изучив его рацпредложения, и к нему в первую очередь обратился с давним, для многих просто мучительным вопросом износостойкости перовых сверл.

— В общем, сразу после обеда, когда они все придут, ты подключайся и, как только я скажу, вставай и всё выкладывай, — закончил Островерхов и пошел к своему столу.

А Лосин повернулся к чертежу и продолжил разглядывать его. Но тут на него пахнуло крепким запахом табака, и он услышал возле уха:

— Ничего себе находочка!

Это сказал Стамесов. Он, как всегда, подошел неслышно. И стоял, потрясенно глядя на чертеж.

Лосин спросил:

— Ты хочешь сказать, двойная направляющая?

— Да нет! Я про это! — показал Стамесов пальцем на чертеже. — Чистейшей воды рацуха! Да какая! Умняк!

И, с восхищением качая головой, шагнул к своему кульману. Тот факт, что от него так сильно несло куревом, говорил, во-первых, о том, что он все-таки нашел возможность опохмелиться и накурился с лихвой, чтобы забить запах спиртного, а во-вторых, о том, что курить здесь он сегодня не будет еще долго. И действительно, сразу выбросив вчерашний кулечек с окурками, он не стал сворачивать и прикреплять изолентой новый, а уткнулся в свой чертеж. Спиртуозный дух все-таки улавливался от него даже сквозь запах курева.

Лосин разглядывал ту часть чертежа, на которую указал ему Стамесов, и до него доходило, что это и в самом деле первоклассное рацпредложение, родившееся автоматически. Возможно, он так и не заметил бы его, если б не Стамесов. «Ну и глаз у него! — подивился Лосин. — И какое чутье! Да если б не выпивка, давно б уже был главным инженером завода!»

И он сразу сел на стул, достал из ящика стола бумагу и ручку и стал набрасывать эскиз новоявленной «рацухи» и просчитывать ее. И занимался этим до обеденного перерыва.

4

А после перерыва в техотдел стали один за другим входить: грузный и степенный начальник производства, тощий остроносый начальник механического цеха, технолог этого же цеха Галя, молодая и красивенькая, которая всегда в разговоре с Лосиным нагоняла на него не меньший страх, чем Копылова. Пришла и контрольный мастер, пышноволосая массивная женщина средних лет в черном атласном халате, пришел и пожилой наладчик в перепачканной солидолом робе цвета хаки, и две сверловщицы в косынках и синих халатах. Островерхов усадил всех на стулья, а потом сел за свой стол и сказал:

— Я пригласил вас, чтобы…

— Сообщить пренеприятное известие, — подал голос из-за стоявшего в углу стола начальник бюро инструментального хозяйства Миллиграммов.

— Нет, — засмеявшись, сказал Островерхов. — Известие в конечном итоге должно быть приятным, ибо сейчас нам предстоит окончательно решить навязшую в зубах проблему…

— Сверлышек! — так и подскочила на стуле одна из сверловщиц, в косынке апельсинового цвета.

— Для краников из латуни! — вторила ей другая, в зеленой косынке.

И обе в голос рассмеялись.

— Именно, лапоньки! — с широкой улыбкой кивнул Островерхов. — За мою бытность руководителем техотдела я столкнулся с этим впервые. До меня сей вопрос откатил, но, как оказалось, лишь временно. Мне, однако, известно, что прежний начальник занимался им долго и безуспешно…

— У меня эти сверлышки вот где! — перебил, загудев густым басом и схватив себя за горло, начальник производства. — По ночам снятся!

— Не вы один такой, товарищ Бреев! — махнула рукой в его сторону контрольный мастер. — Нас тоже это донимает!

— А уж нас-то как издевает! — вставила красотка-технолог.

— Вот именно, — поддержал ее тощий начальник мехцеха.

— Там уже ничего не сделаешь! — закричал из своего угла Миллиграммов. — Мы в свое время с этими перовками навыламывались будь-будь! И калили их, и анодировали, и чего только не придумывали! Всё, что можно, сделали, и пора остановиться! Какого черта было ее фрезеровать? Кому в голову пришла такая дурь?

— Мне, — сказал Островерхов.

— И что? Помогло?

— Не помогло, — со вздохом признался начальник техотдела. — Да. Это я поручил нашему конструктору Тимофею Ивановичу Лосину рассчитать и изменить угол заточки. И по моему же поручению он занимался этим непосредственно в цехе.

— Целый день стоял у станка, смотрел, — сказала, прыская, первая сверловщица.

— Да не день, а два! — смеясь, возразила вторая.

— Давайте послушаем Тимофея Ивановича, — сказал Островерхов.

Лосин, всё это время сидевший сбоку от своего кульмана, лицом к спинам собравшихся, встал, начиная краснеть от того, что все мгновенно повернулись к нему. Он смущенно прокашлялся и заговорил в полной тишине, сначала тихо и

робко, но постепенно голос его набирал силу и звучал уверенней, тверже. Лосин даже вдохновение начинал чувствовать, похожее на то, которое испытывал во время работы за кульманом.

Как ни крути, а всё же это большая сила — компетентность в своем деле!

Лосин подробно объяснил причины выхода из строя перовых сверл и даже привел данные своих экспериментов в цехе.

— Для устранения этой проблемы, — говорил Лосин, — необходимо внести дополнение в техпроцесс. Я понимаю, это вряд ли может понравиться кое-кому из работников цеха, поскольку накладывает на них обязанность менять «свёрлышки» в полтора раза чаще…

И тут мгновенно возмутился наладчик:

— Да вы знаете, что такое поменять эту перовку?!

Его осадил начальник цеха:

— Сколько надо, столько будешь менять!

Немного поскандалили, но закончили миром. И все собравшиеся, кроме сверловщиц, расписались тушью на кальках нового техпроцесса.

— Теперь так, — сказал Отстроверхов, поднимая его над головой. — Если это не будет выполняться, виновные мгновенно будут лишены ста процентов премии! Всем спасибо. Закончили.

Все приглашенные встали и пошли на выход.

— Сегодня я буду спать спокойно, — с довольной улыбкой говорил начальник производства.

Когда они ушли, Милиграммов встал из-за стола, подошел к Островерхову и пожал ему руку:

— Даже не верится, что эта канитель позади.

— Скажи спасибо Лосину!

А Лосин как раз проходил мимо них к двери, и Островерхов сказалему вслед:

— Премию выпишу обязательно!

«Это, конечно, кстати, — подумал Лосин. — Пора покупать зимнее пальто. Но главное — пора выдавать что-то куда более серьезное!» Он почувствовал хорошо знакомое недовольство собой и подумал, что прежде всего необходимо закончить «приспособу» для выемки нагретых штанг из кузнечных печей. Это будет уже не просто рацуха, а изобретение. Первое у него! И надо как можно скорей выдать его «на гора». А там и другие пойдут. «А то что-то расслабился ты, братец!» — упрекнул он себя. Ему вспомнилось, как

сегодня утром его благодарила Лидия Павловна, когда он зашел в бюро технического контроля и отдал ей «заказ», и как она, расплатившись, дала ему новый, и он попытался отказаться, да не смог, уж слишком настой-чиво и вежливо уговаривала она его. И сейчас подумал: «Сделаю последний раз, и всё! И сразу возьмусь за приспособу... Нет, сначала выдам ту штуку, на которую натолкнул сегодня Стамесов. Это будет неплохой разминкой перед большой работой. А с курсовыми и дипломами пора покончить навсегда!»

Он шагал по коридору, длинному, освещенному трубчатыми лампами дневного света. В середине коридора стояла технолог мехцеха Галя и, отсвечивая красивеньким личиком и белокурыми лакированными волосами, что-то весело рассказывала маленькому и седому заводскому юристу, почти старичку, глядевшему на нее с таким умильным обожанием, что, казалось, из его опутанных тонкими морщинками влажных глаз вот-вот потекут слезы. Лосин поздоровался с ним, не замедляя шага. А Галя тут же с ним попрощалась и пошла рядом с Лосиным, говоря томно-певуче, в растяжку:

— Уж и не знаю, как вас благодарствовать. Вы избавили нас от такой головной боли, что не могу и представить, какой отплаты это заслуживает. Может, не меньше, чем схождения в ресторан…

Она касалась его локтя, как бы норовя взять под руку и не решаясь, и его охватывал страх. Он краснел от смущения и робости, досадуя, что не в силах разорвать свою скованность и не может взять Галю под руку. В глубине сознания мелькнуло: «А вот если б еще взять да облапать ее по-ухарски!» Но это сразу было отринуто уже не столько страхом, сколько чем-то всегда предостерегавшим его для будущего, берегущим для той, которая, он верил, обязательно должна ему встретиться. Она даже виделась ему порой. Не такая красивенькая, как эта технологиня, но лицо приятное, а главное — в ней должно быть то, что способно спаять его с ней, а ее с ним напрочь и навсегда. И когда она виделась ему, он начинал чувствовать себя внутренне окрепшим, бесстрашным. Но сейчас его начинал разбирать смех, который, как всегда, вызывали те слова технологини, которые она произносила неправильно. И он, всё еще одолеваемый страхом, всё краснея от смущения и робости, силился сглотнуть бьющийся в горле разряд хохота. К его страху добавлялась еще и боязнь обидеть ее. И он, шагая рядом с ней вниз по лестнице, отворачивал от нее свое ярко заалевшее

лицо, а она, видя это, нарочно старалась заглянуть в него, начиная заливисто смеяться, и когда он свернул с лестницы в коридор второго этажа, бросила ему вслед:

— До чего же вы все-таки бестактовые, Тимофей Иванович!

И этим добила его. Шагая к туалету, он не выдержал и захохотал, стараясь хохотать потише, чтобы хохот не достиг ее ушей, и думая: «Почему же это бестактовые? Мы очень даже тактовые, можно даже сказать, двух-тактовые или даже четырех-тактовые!»

Из женского туалета вышли две сверловщицы. Увидев его, они в голос засмеялись, и нет бы пройти мимо, встали как вкопанные перед ним, загораживая вход в мужской туалет. И заговорили наперебой, разглядывая его с той же бесцеремонностью, с какой только что смеялась над ним технологиня.

— Не забывайте нас!— говорила сверловщица в косынке апельсинового цвета, молоденькая, лет двадцати двух. — Приходите! Мы уже к вам привыкли!

— Вы нам очень помогли! — говорила вторая, в зеленой косынке, не просто молоденькая, а юная, лет восемнадцати. — А то мы никак не могли допроситься нашего злого наладчика, чтобы он почаще менял нам перовочки!

— Он только раз в день их менял, а бывало, и раз в два дня! Они уже становились оранжевыми от латуни…

— Можно даже сказать — красными! Вот такими же, как ваше личико сейчас…

После этих слов Лосин, как-то еще умудрявшийся подавлять хохот, разразился им с новой силой, замахал руками, обошел сверловщиц, рванул за ручку дверь мужско туалета и ввалился в него, хохоча и думая: «И что они липнут ко мне? Чем я для них так привлекателен?» Прохохотавшись, он посмотрел в зеркало над умывальником. Ничего особенного, обыкновенное простое лицо, и алая краска его не красит. На голове — жидкие русые волосы; годам к сорока они наверняка повылазят от умственных напряжений, и появится лысина. Взгляд всё еще смеющийся и несколько смущенный, но в целом уже, как обычно, спокойный. Взгляд рационалиста, не склонного к чувственности. Вот и надо сохранять безэмоциональность. Этому женскому персоналу нравится его смущать. Им становится весело, когда они видят его страх перед ними. Что ни говори, а женщина часто бывает немилосердна.

Он вышел из туалета и скорым шагом пошел по пустому

коридору, взбежал на третий этаж, а там навстречу ему попался начальник техотдела Островерхов. Он приостановился и тихо сказал:

— Может, спрыснем сегодня наш успех?

Лосину даже отвечать не пришлось, хватило одного жеста непроизвольно поднятой руки, чтобы Островерхов быстро проговорил:

— Всё-всё, понял. Знаю, тебя никогда не удастся к этому склонить.

И заспешил дальше, так что Лосин не успел возразить, а возражение было: он хотел ответить, что склонить его спрыснуть успех вполне реально, хоть и отказывался он всё время. Вот только сегодня такой возможности у него нет из-за одного дела.

Он не забывал о письме, которое решил отвезти. Время от времени оно вспоминалось ему, и тогда он чувствовал его возле сердца — во внутреннем кармане пиджака.

5

До конца рабочего дня Лосин занимался новым рацпредложением, а после работы доехал на автобусе до железнодорожного вокзала и подошел к справочному киоску. Сидевшая в нем женщина-информатор полистала толстую книгу и сказала, что улицы Красноармейской в городе нет, но есть улица Красной Армии. Лосин немного подумал и решительно сказал:

— Давайте!

— Не пройдет, так не пройдет... — бормотал он, засовывая справку в карман.

Ехать пришлось долго, но для Лосина езда в автобусе никогда не была пустой тратой времени. Обычно он что-нибудь читал, если было где сесть, а если нет, то и стоя не терял времени, как, впрочем, не терял его никогда: например, шагая с работы или на работу, в магазин или из магазина, обдумывал свои замыслы. Вот и сейчас, пока стоял, покачиваясь в толпе, заполнявшей автобус, думал о том, с какого бока лучше приступить к воплощению в чертежи своего первого изобретения. Толпа редела, освобождались места. Лосин сел на одно из них, достал из-за пазухи свежий номер журнала «Изобретатель-рационализатор» и читал его до конечной остановки. А когда вышел из автобуса и, вдыхая воздух, ароматизированный выбросами нефтекомбината, огляделся по сторонам в этой застроенной крупнопанельными домами окраине, то заволновался, просто физически чувствуя

возле сердца испорченное письмо. Отыскав с помощью прохожих улицу Красной Армии и необходимый ему дом, он вошел в подъезд, мысленно составляя объяснительную тираду, которую придется, протягивая письмо, сказать незнакомому Александру Постнову. И когда нажимал на кнопку звонка, нисколько не сомневался, что дверь ему откроет мужчина.

Но ее открыла женщина.

Лосина сразу охватил его стандартный страх, к которому он никак не мог притерпеться и с которым совершенно не мог совладать. И он стоял в оцепенении, глядя на эту женщину, одетую в узорчато-зеленый домашний халат. Ее лицо не очень отчетливо было видно в тускловатом коридорном освещении, но он разглядел, что она примерно одного с ним возраста и на вид обыкновенная, каких много. Ему хотелось поскорей отдать письмо да ретироваться с миром. Но придуманные заранее слова застряли в горле! Эх, если б они рвались из него, как тот смех, что вызывала у него технологиня, но… Он онемел.

— Что вы хотели? — спросила женщина, с недоумением глядя на Лосина.

А он, наконец, с трудом сипло выдавил:

— Я… э-э… Письмо принес…

— Какое письмо?

— Постнову… Александру…

— Он здесь уже не живет.

— Но мне это… Не важно… — выдавливал из себя Лосин. — Мне надо… э-э… просто отдать…

Он полез за письмом во внутренний карман, да не в тот. И еще больше засмущался. А женщина быстро и мягко сказала:

— Ой, да что ж это мы через порог-то! Вы зайдите, пожалуйста…

— Понимаете… Это письмо… — бормотал Лосин, засовывая руку в другой карман. — Оно пришло… на мой адрес…

— Заходите, заходите!

Лосину всё никак не удавалось достать письмо, и он, так и держа руку за пазухой, вошел в квартиру на негнущихся ногах. Повинуясь жесту хозяйки, он прошел в комнату и там все-таки вынул письмо и протянул ей, говоря дрожащим голосом:

— Только оно, извините, несколько…

— Да, я вижу, — сказала женщина, взяв письмо. — Побывало в кораблекрушении. Видимо, бутылка, в которую его поместили, прежде чем бросить в море, протекала... Та-ак, — протянула она, разглядывая конверт. — И правда, ошиблись адресом. Но имя его. Этот Постнов Александр — доцент кафедры искусствоведения. Он жил у меня на квартире со своей молодой супругой. Чувствовала я, не надо их пускать, но моя знакомая по работе, ее подруга, уговорила. И что в итоге? Вот, полюбуйтесь...

Она вошла во вторую комнату, и Лосин послушно, как робот, всё на негнущихся ногах, вошел за ней и посмотрел на стены, разрисованные какими-то странными то ли цветами, то ли узорами, красочными, броскими.

— Оказалось, он еще и художник, — говорила женщина. — Видимо, абстракционист. А я ни разу сюда не заглянула за те полгода, что они здесь прожили. Не знаю уж, когда он всё это успел намалевать. Может, в самый последний день перед отъездом. На память! — засмеялась она. — Ну да ладно… Письмо до него, разумеется, не дойдет…

И вдруг ее голос отдалился от Лосина. Теперь он слышал его как сквозь вату, словно ему заткнули уши. Дело в том, что когда он отвернулся от мудрёной стенной росписи, которая была ему абсолютно неинтересна, его взгляд упал на то, что было ему чрезвычайно интересно, а именно — чертежная доска с незаконченным чертежом, лежавшая внаклон на письменном столе у занавешенного тюлем окна. Он так и впился взглядом в чертеж, непроизвольно шагнув вперед, в то время как хозяйка, глядя на стены, верней, вглядываясь и вглядываясь в эти странные узоры, словно что-то выискивая в них, говорила:

— Их уже и в городе-то нет, куда-то убыли. Ну и хорошо, а то ведь это письмо могло попасть в руки его молодой жене. Спасибо вам, конечно, вы поступили очень порядочно. Но я не знаю, что делать с этим письмом. Наверное, придется выбросить. Хотя… Пусть лежит… Постнов, может, еще заедет. — Она подошла к письменному столу и положила письмо в нижний ящик его тумбочки. — А к этому художеству, — скользнула она взглядом по стенам, — я уже как-то и привыкла. И не хочу забеливать. Мне это теперь даже нравится. Очень оригинально! Не правда ли?

Она посмотрела на Лосина и тут же спросила с некоторым испугом:

— Что с вами?

Он не расслышал ее. Расслышал, только когда она

повторила свой вопрос громче. И проговорил спокойным и твердым голосом, не сводя взгляда с чертежа:

— Коэффициент неправильный.

И, сделав еще шаг вперед, теперь уже на идеально гнущихся ногах, вплотную приблизился к столу и быстро попросил:

— Дайте мне, пожалуйста, резинку и карандаш.

Хозяйка малость помедлила, явно желая что-то сказать, но не сказала, а подошла в столу и, слегка посторонив Лосина, выдвинула верхний ящик, взяла из него остро отточенный простой карандаш и белый ластик, положила на чертеж и отступила в сторону, глядя, как Лосин стирает одну из цифр в табличке вверху чертежа и вписывает другую.

— Вот так будет правильно, — сказал он. — И тут надо поменять, — стёр он еще одну цифру. — Этот показатель должен быть вот таким, — вписал другую цифру.

Женщина смотрела на него изумленно и говорила чуть растерянно, словно оправдываясь:

— Это я с потолка взяла… Табличка-то у меня просто так, для проформы… Мне главное другое…

— На чертеже у вас штамп для вытяжки… — не слушая ее, задумчиво проговорил Лосин. И спросил, всё глядя на чертеж: — Чего именно?

— Горловины, — ответила она быстро и взволнованно. — Для стиральной машины. У нас с этой горловиной большие проблемы…

— Вы конструктор?

— Нет, я технолог. Работаю в прессовом цехе, на машиностроительном...

— В такую даль ездите?!

— А что поделать? Меня туда распределили после вуза. Да я уже и привыкла… Понимаете, у нас эта горловина идет и идет с отклонением, ее диаметр почему-то меньше требуемого, и никто не может понять, в чем причина и как это исправить. Дошло до того, что в сборочном цехе из-за нее пошли в брак двадцать пять баков… И я просто в тупике. Не знаю, как быть!

Она помолчала и спросила с надеждой в голосе:

— А вы, похоже, из нашей инженерной братии?

Лосин кивнул, глядя на чертеж, и сказал по-прежнему задумчиво:

— Пуансон у вас начерчен полностью, а матрица лишь в тонких линиях, но нет размеров, и они, как я понимаю, пока не просчитаны. Так?

— Да, да. Тут я в затруднении...

— У вас есть чертеж горловины?

— Есть.

Она достала из нижнего ящика стола сложенный вчетверо тонкий лист бумаги, развернула его и положила на чертеж. Это была «синька» — копия чертежа, цвета разбавленной марганцовки. Она полностью закрыла чертеж.

— Диаметр, говорите, занижен?

— Ну да.

— Листовая штамповка — штука сложная, — говорил Лосин, разглядывая синьку. — Тут нужен очень и очень точный расчет. А ваши конструктора, проектируя штамп, вероятно, схалтурили. У вас есть технические справочники?

— Конечно, есть. Пожалуйста!

Мгновенно сбоку от чертежной доски появилась стопа книг, а на синьке — чистые листы писчей бумаги, шариковая ручка и логарифмическая линейка. Тут же к столу были приставлены два стула. И Лосин, усевшись на один из них, рядом с Мариной (так представилась ему хозяйка, предварительно спросив его имя), взялся за расчеты, испытывая хорошо знакомый ему азарт, тот азарт, который охватывал его всякий раз, остро и радостно волнуя, когда он сталкивался в своем деле с чем-то неожиданным. Он и сам не понимал, куда ж это подевался его вечный страх перед женщиной. Ему было легко, очень легко, так же легко, как сегодня утром в техотделе за кульманом, и даже намного легче, ибо на него всё больше и больше накатывала незнакомая опьяняющая эйфория. Он чувствовал себя птицей в полете, когда всё-всё получается, и дело не просто ладится, а так и рвется из рук в цифрах и формулах, аккуратно и споро выписываемых ручкой на бумаге. Мало того, что он с удовольствием предвкушал, как вернется сегодня в свою очищенную от соринки капсулу, случай подарил ему великолепный тренинг, поставив перед ним задачу довольно трудную, решить которую предстояло в кратчайший срок. И ему очень хотелось доказать себе, что он в силах это сделать. Хотя почему только себе? Хотелось и ей доказать это, ей, сидевшей так близко, что он слышал ее чистое дыхание и ощущал свежий, слегка дурманящий запах ее волос. Работая, он то и дело искоса поглядывал на нее, опять же без страха, словно сидел не с незнакомой женщиной, а со своей старшей сестрой, которая жила с семьей в том же далеком сибирском селе, где жила мать. И постепенно, постепенно он понял, что эта Марина вовсе не такая уж обыкновенная, какой показалась ему сначала, что

необыкновенного-то в ней как раз больше, чем обыкновенного. Например, ее серые и крапчатые, как мрамор, умные глаза с длинными загнутыми ресницами. Или пышные завитки густых светло-каштановых волос, падавших на высокий, изящно закругленный лоб. Или слегка курносый нос с милыми редкими конопушками и красивые губы, очерченные четко, точно карандашом. Но главным для него была не внешность, а то, например, с какой легкостью и точностью улавливала она всё, что он говорил, отвечая на ее вопросы.

А разговор тёк и тёк непрерывно, иначе и быть не могло: молчанию не место в столь обоюдно-заинтересованном деле. Тем более что ему хотелось разузнать о ней как можно больше, и он, как бы ненароком вставляя наводящие вопросы, быстро выяснил, что она не замужем и не была замужем, что окончила тот же самый, что и он, политехнический институт, и возрастом на пять лет моложе его. Еще она сказала, что эта двухкомнатная квартира досталась ей от родителей. Они тоже инженеры, но давным-давно завербовались на три года в Норильск, да так и остались там, получили новую квартиру и возвращаться не собираются. Есть еще старший брат, он после школы уехал в Москву, поступил в академию иностранных языков, окончил ее, стал дипломатом, и сейчас живет в Швейцарии. И в этом так же чувствовалась необыкновенность, Лосину даже представились Альпы, по склонам которых, наверняка, спускался на лыжах ее брат, и почему-то сразу вспомнились ее слова о кораблекрушении и бутылке, в которой словно побывало доставленное им письмо. Он засмеялся было, но тут же умолк, увидев ее удивленный взгляд, но свой взгляд (кашлянув и этим как бы извиняясь за неуместный смешок) на секунду задержал на ее лице и как-то сразу почувствовал, что и внутренне она необыкновенна. Просто очень интересный человек. Да и делом заниматься с ней неимоверно интересно!

А дело продвигалось легко и быстро только вначале, а потом пошло временами не без труда. Благо, всё, что было необходимо, оказывалось под рукой. Понадобился учебник по высшей математике — пожалуйста. Нужен сопромат — вот он. Лосин удивлялся, как она сумела всё это сохранить (сам-то не сохранил, а если требовалось, брал в технической библиотеке). И когда шло с трудом, он умолкал и уходил в работу с головой, точь-в-точь как в журнал «Изобретатель-рационализатор» в автобусе. Он словно бы нырял в путину

формул и чисел, а когда выныривал, то обнаруживал, что Марины рядом нет, и смотрел на разрисованные стены, чтобы расслабиться и дать отдых мозгам. И к своему удивлению видел в пестрой абстракции оживающие картины, которых, наверное, и сам художник Постнов не видел, когда рисовал, вкладывая в свой труд какой-то ему одному понятный смысл, но так, чтобы каждый не лишенный воображения мог увидеть что-то свое. И Лосин видел в оранжевых с просинью разводах рвущиеся из пасти нагревательной печи лохмотья огня и гибкие захваты, исчезающие в огне, чтобы выхватить из него раскаленную добела стальную штангу. И вдруг мгновенной вспышкой перед глазами высветилась деталь для этого приспособления, которую он в мучительных усилиях искал долго и тщетно. Но сейчас она удивительным образом нашлась сама. И вот уже схвачена, зафиксирована памятью и занесена в блокнот несколькими эскизными штрихами, и тут же блокнот возвращен во внутренний карман пиджака, а работа продолжается, и на прозвучавшие над ухом слова:

— Давай-ка прервись, пойдем на кухню.

Он отвечает:

— Сейчас-сейчас, надо сначала добить…

И, прилагая последние усилия, заканчивает расчеты и тоном победителя говорит, кладя на исписанные листы ручку и логарифмическую линейку:

— Теперь остается только начертить. Верней, дочертить. Но для этого необходим чертежный прибор.

Она сразу достает из стола рейсшину с роликом, и он обрадованно восклицает:

— Отличная штука! Я такой пользовался, когда жил в общежитии. Итак, приступим к развлечению под названием черчение…

Но приступить к нему не дает ее решительный голос:

— Нет, нет! Сначала — ужин! Иди в ванную, вымой руки.

Он говорит послушно:

— Хорошо-хорошо, ты, конечно, права…

И только тут замечает, что они уже на «ты». Замечает так же, что в квартире горит свет, а за окнами тьма, но посмотреть, сколько времени, ему и в голову не приходит, до того славно протекает в эти минуты его жизнь. Никогда еще так не протекала! И хочется только, чтобы всё это продолжалось и продолжалось — в мягком комнатном свете и в этих запахах, что долетают из кухни, многократно усиливая, кажется, только что проклюнувшийся голод. И вот

тут-то его пробивает страх, новый для него, ничего общего не имеющий с тем, долгое время одолевавшим его страхом перед женщиной. А страшно ему становится от мысли, что вот еще немного, и останется позади ужин, и пройдет по ватману последняя карандашная линия, ляжет последняя цифра какого-нибудь размера, и эта сказка окончится, и надо будет возвращаться в свою капсулу, а возвращаться в нее не хочется, хоть и очищена она от соринки. Он не дает разрастись этому страху, отщелкивает его усилием воли уже в ванной, намыливая руки в шуме горячей воды и в слепящей белизне кафеля, думая «Будь как будет, хоть один раз в жизни полетать на полном размахе». И сидит на кухне с той полнотой внутренней свободы и раскованности, каковая обычно сопутствует ему в общении с немногими друзьями. Поглощая суп и жмурясь от удовольствия, он говорит:

— Отличный рассольничек!

Она отвечает со своей мягкой улыбкой, не сводя с него взгляда:

— Это калья.

— Что, что?

— Блюдо традиционной русской кухни.

— Бесподобно! Не знал бы, что ты инженер, подумал бы: повар-универсал высшей категории…

— А я не знаю, что бы делала без тебя. Не справилась бы, точно!

— Справилась бы! Видно ведь, что соображаешь отлично. Поэксплуатировала б голову, и всё у тебя получилось бы. Просто ты практик, и тебе следовало повспоминать кое-что из вузовских лекций. Мне-то тут проще…

Разговор идет сам собой — с предельной легкостью. Она ужинает вместе с ним, начав со второго блюда, с голубцов, не менее вкусных, чем калья, и он, конечно, об этом тоже говорит. А когда после бодрящего чая на травах снова садится перед чертежной доской, то ловит себя на том, что не очень-то торопится чертить, катая по ватману рейсшину. Правда, и дел остается немного: только закончить чертеж, внеся исправления в то, что начерчено прежде. Работа неудержимо катится к концу. Вот и скользнула по ватману последняя линия, лег последний размер. Лосин встает и с тщетно скрываемым сожалением говорит:

— Всё. Поехал я.

И еще раз осматривает чертеж, чувствуя усталость, но не такую, как обычно, а необыкновенно приятную. А потом поворачивается к ней и наталкивается на ее прямой взгляд —

и смеющийся, и нежный. Она стоит близко, смотрит на него неотрывно. А потом спрашивает со своей мягкой улыбкой:

— И куда же? Куда это ты поехал?

— Как куда? Домой.

— А ты знаешь, сколько времени?

— А сколько времени?

— Пятнадцать минут первого.

— О, так надо быстрей! — рванулся он в коридор, но она вскрикнула:

— Стой!

И преградила ему путь. А он закричал:

— Мне надо успеть на последний автобус!

— Автобусы уже не ходят!

— Тогда я вызову такси! По телефону!

— У меня нет телефона! И во всей округе нет домашних телефонов. У нас только начали строить телефонную станцию.

Это действительно было так, потому что на дворе стоял тысяча девятьсот восьмидесятый год.

— И всё же побегу! — крикнул он. — Уж как-нибудь доберусь на попутных легковушках!

Она ответила тихо, но непреклонно:

— Никуда я тебя не отпущу. Ложись в той комнате на диване, сейчас я постелю. А утром вместе поедем на работу, заводы наши рядом.

Он тихо произнес:

— Так ведь…

Но она перебила:

— Тебя все равно никто не ждет! Ты же сам сказал, что один…

Он сразу вспомнил, что и она задавала ему вопросы, и он на них тоже отвечал.

В общем, минут через десять он укрылся одеялом, и приятная усталость мгновенно и сладко погрузила его в сон. Ему показалось, что и пробуждение наступило мгновенно. Не было никаких сновидений. Но не было и удивления, которое обычно охватывает человека, проснувшегося в незнакомом месте. Открыв глаза, он сразу всё вспомнил. И беззвучно рассмеялся. В комнате было светло, а внутри у него всё так и пело.

Она сказала из кухни:

— Доброе утро, Тимофей. У нас не более получаса на сборы и на завтрак. Не забывай, что твой завод не в двух шагах ходьбы отсюда, а в сорока минутах езды на автобусе.

Чистое полотенце на стуле. Действуй по-солдатски!

Лосин скинул одеяло, встал в трусах и майке, быстро сделал несколько гимнастических упражнений, взял со стула полотенце, сходил в санузел, стремительно вернулся и, следуя ее указанию, с армейской скоростью стал облачаться в свою одежду, висевшую на спинке стула, разумеется, обратив внимание, что костюм тщательно поглажен, а рубашка постирана и высушена, видимо, над газом, и тоже поглажена. Нечто новое врывалось в его жизнь, если не сказать: вообще у него начиналась новая жизнь. Он не мог еще поверить в это и старался ничем себя не обольщать, просто подчинялся естественному ходу событий. Тот факт, что рубашка постирана, ошарашил его, и он, качая головой и механически застегивая пуговицы, а затем повязывая галстук, думал, надо ли за это благодарить, и понял: лучше сделать вид, что ничего не заметил. Потом слова благодарности как-нибудь вылетят сами собой. Если, конечно, у этой сказки будет продолжение.

Он вошел на кухню и сел за стол напротив нее. На ней был уже не домашний халат, а строгий темно-коричневый костюм. Пока они завтракали, он снова украдкой разглядывал ее. И разглядел гораздо лучше, чем вчера. И увидел в ней перемены, поразившие его. Во-первых, она помолодела настолько, что теперь он никак не подумал бы, что она младше, чем он, всего на пять лет, подумал бы: лет на десять, не меньше. Во-вторых, глаза ее блестели новым чистым блеском, улыбка же была теперь не только мягкой, но какой-то еще и… рассеянно-мечтательной, что ли… И она, похоже, стала стесняться его, тогда как вчера ничего подобного не было. Она не задерживала на нем подолгу взгляд, а смотрела лишь коротко и сразу как-то застенчиво отводила глаза. Но разговор тёк всё так же непрерывно, всё на те же профессионально-инженерно-заводские темы, неисчерпаемые для обоих; и Лосин с потаённой радостью ощущал, что сказка не только не кончается, а набирает обороты, и теперь думал, думал за разговором, как же обеспечить ей продолжение. И быстро придумал, и хотел сказать, да не успел. Она посмотрела на свои наручные часики, ойкнула и воскликнула:

— Пора! Две минуты, чтобы допить чай, и — вперед!

6

Когда сидели рядышком в автобусе и она, приподнимая тубус, точно такой же, какой лежал у него на работе, сказала:

— Представляю реакцию начальника техбюро, когда он

увидит твой чертеж. Упадет со стула, точно!

— Чертеж не мой, — возразил Лосин, — а твой. Я всего-навсего дополнил его.

И сказал то, о чем не успел сказать на кухне:

— По-моему, это заслуживает схождения в ресторан.

Она засмеялась:

— Как-то странно ты выражаешься!

— Это не я так выражаюсь, — улыбнулся он. — Это наш технолог… Ну, так как насчет ресторана? Предлагаю сходить в «Центральный». Я там никогда не был, но слышал, что он лучший у нас городе…

И после рабочего дня, который он провел с редкостной интенсивностью, загрузив себя вдвойне в надежде на то, что время будет идти быстрей (хоть и напрасной оказалась надежда: все равно тянулось оно неимоверно медленно), он стоял у проходной ее завода, уже не пытаясь скрыть от окружающих своих чувств, как пытался весь день, чтоб не нарваться на сглаз, да всё без толку: человек семь сослуживцев поинтересовались, что это такое с ним сегодня, а ведущий конструктор Вероника Артемьевна Копылова спросила об этом раза четыре, глядя на него изучающе-подозрительно. А он и сам удивлялся, как же это в него, рационалиста, не склонного к чувственности, могло войти такое; откуда взялись в нем эти изумительные, неведомые прежде чувства, а вместе с ними и мощь, поднимающая на огромную высоту, с которой так радостно смотреть на мир в дымке бабьего лета и в золотистом свете солнца. И всё в этом мире виделось ему славным, чистым, добрым, и очень приятны были все до одного лица в той массе лиц, что выплывали из проходной. А его собственное лицо, идеально побритое в заводской парикмахерской, так и сияло над пышным букетом бордовых роз.

Но что-то долго не появлялась Марина, а это начинало тревожить. И вдруг он услышал оклик, но не от проходной, а сзади, от остановки трамвая. Он оглянулся. И увидел ее. Она приближалась к нему среди идущих людей, глядя на него с мягкой, уже хорошо знакомой улыбкой. Он пошел ей навстречу, чувствуя, как сильно и радостно забилось сердце. На ней был не тот строгий костюм, в котором утром она ехала с ним на работу, а нарядное бежевое узорчатое платье. Ветерок шевелил пряди ее завитых золотисто-каштановых волос; ресницы мохнато чернели тушью, а губы поблескивали перламутровой помадой.

— Пришлось отпроситься и съездить домой, переодеться, —

сказала она, останавливаясь перед ним. — Все-таки в ресторан… В кои-то веки… Со студенческих лет не была… Тебе легче, тебе-то переодеваться не надо. Ты при своем ежедневном галстучном параде, как и полагается конструктору…

И засмеялась чуть смущенно.

А он засмеялся в ответ:

— Плюс ко всему — в свежепостиранной рубахе!

— Ну не могла же я лишить себя удовольствия хоть раз в жизни поухаживать за мужчиной!

— Ну да. Тем более, за которым никто никогда еще не ухаживал. Спасибо, Марина! А это тебе.

И он протянул ей розы. Она взяла их, в свою очередь шепнув «спасибо», и на мгновение уткнулась в них зардевшимся лицом.

А он спросил:

— Ну и как там горловина?

— Ой, начальник и в самом деле чуть не упал со стула, когда посмотрел чертеж! — сказала она, опять засмеявшись, но уже не смущенно, а легко, свободно, звонко. — И долго-долго тряс мне руку! А потом побежал с нашим чертежом заказывать новый штамп.

Ему очень понравилось, что она сказала «с нашим». И он воскликнул:

— В таком случае, за решение *нашей* проблемы придется поднять отдельный тост!

— Согласна, — смеясь, кивнула она. — Но не уверена, что в ресторане «Центральный» будут места.

— Для нас обязательно будут! Я заказал их по телефону.

— Прекрасно! А как отработал?

— О-о, этого в двух словах не расскажешь! Пойдем на трамвай, по пути расскажу.

И пока ехали до центра, непрерывно разговаривая, он твердо решил сегодня же сделать ей предложение. Надо было только выбрать момент, но момент всё не подворачивался, невозможно было вклинить это серьезное дело между стремительно летящими мгновениями суматошного веселья, когда уже после первого бокала шампанского он вышел к ресторанной сцене и начал выдавать под быструю музыку то, чему во времена студенчества научил его друг. Друг занимался бальными танцами, был неимоверно коммуникабелен, раскрепощен и вознамерился «сделать из него человека», прежде всего — уничтожить в нем страх перед слабым полом. Увы, ничего

не получилось, и от всех его усилий сохранилась только вот эта пластичная элегантность в танце, в конце концов все-таки пригодившаяся Лосину. Смеясь, балагуря, выпивая, закусывая и снова и снова танцуя с ней быстрые и медленные танцы, он всё ловил и ловил момент, чтобы сказать… Но так и не смог выловить...

И сказал, когда уже некуда было оттягивать, когда приехали к ее дому на такси, вышли и остановились у двери подъезда. Эти слова дались ему легко, почти вырвались из него. Но все-таки не поспешно, а довольно-таки выдержанно. И очень серьезно. Еще вчера он и помыслить не мог, что способен на другой день после знакомства предложить женщине выйти за него замуж. Он думал, что это потрясет ее. Или хотя бы удивит. Но она оставалась внешне спокойной, и только ее мягкая улыбка чуть-чуть задрожала на губах, а повлажневшие глаза сильней заискрили в свете фонаря.

— Сейчас я не могу тебе ответить, — сказала она чуть-чуть изменившимся, как будто немножко севшим голосом. — Завтра…

— Завтра? — заволновался он. — А где? Во сколько?

Она кивнула на стоявшую у подъезда «Волгу»:

— Такси ждет… Поезжай скорей…

И скрылась за дверью.

— Завтра… — бормотал он, уже сидя в машине и глядя на летящий за стеклами город в желтых и оранжевых фонарях и в разноцветной ночной иллюминации. — Что же будет завтра?

7

А на завтра резко изменилась погода: похолодало, и сильно. И безостановочно задождило. Он пришел в техотдел в мокром плаще и в кепке, промокшей насквозь, поскольку не взял зонтик. Не забыл, а просто не взял по рассеянности, каковой не бывало у него раньше. Ему очень хотелось провести весь день у кульмана — в самом что ни на есть напряженном труде, не допускающем никаких посторонних мыслей. Но, как нередко бывало в конце месяца, его послали на прорыв в цех. Он этого не любил и всегда старался отбиться, конечно, безуспешно. А тут пошел не только без возражений, но даже охотно. И штамповал крышки для баков настолько усердно, что сумел обойти передовика производства, и он в конце смены хлопнул его по плечу и сказал сердитым голосом, но со смеющимися глазами: «Сейчас пойду, сниму свою фотку с доски почета, а ты

приготовь свою, и я лично ее туда приклею!» Лосин через силу улыбнулся, вытирая чистой ветошью пот с лица, и пошел в душевую, сожалея, что рабочий день окончен, и теперь нечем себя загрузить, чтобы спастись от гнетущей неизвестности. К его большой досаде, сейчас и в помине не было того, что он всегда и во всём ставил на первое место. Не было точности и ясности! И всё же он понимал: главное для него — то, что наполняло его теперь: вот эти чудесные чувства, расставаться с которыми не хотелось, хоть убей! И, конечно же, очень и очень хотелось, чтобы они были взаимными… Ему было тяжело… Он подумал: лучше всего пойти в техотдел к своему кульману и стоять за ним весь вечер, как иногда случалось, если требовалось выполнить что-то сверхсрочное. «Так и сделаю», — решил он. Но под горячей водой из душа более-менее успокоился и понял, что самое правильное: немедленно ехать к ней. Ведь она сказала: завтра. Значит, ответ должна дать сегодня. Нет, надо, надо ехать! А там будь, как будет!

Он вышел под проливной дождь в не совсем еще высохшем плаще и в мокрой кепке и побежал среди немногих заводчан, отважно выбегавших из проходной к остановке автобуса. И тут же его окликнул женский голос. Он подумал, что это почудилось ему в шуме дождя. И бежал дальше. Но оклик повторился, уже куда громче, криком, несколько даже отчаянным. И тогда он остановился и посмотрел в ту сторону.

Она стояла под зонтиком, смутно различимая в дожде, и кричала, уже не окликая его по имени, а отвечая на вчерашнее предложение, и это было слышно всем бегущим в непрерывном хлестком шуме летящих с неба струй:

— Я согласна! Согласна!

Он бросился к ней и обнял ее так порывисто, что зонтик чуть не выпал из ее рук на асфальт, залитый кипящей и пузырящейся водой, но уже в следующее мгновение они шли наугад под этим зонтиком, и он сжимал ее горячую руку, пока еще не в состоянии произнести ни слова (мешало бешено стучавшее сердце), но понимая: теперь невозможно не поверить в то, что новая жизнь начинается для него на полную мощь, и в нее-то, в эту новую жизнь, а не наугад, как думалось ему потом, уходили они под проливным дождем. И эта новая жизнь началась сразу, как только они зашли в первое попавшееся кафе, маленькое, полупустое. Он взял две чашки чая, пирожные, и они сели за столик в углу и стали обговаривать все необходимые свадебные приготовления, причем, с той же деловитостью, с какой сидели у нее дома

за чертежной доской, пока она не заметила этого и не сказала ему. Они в голос рассмеялись, и он тут же сдвинул стоявший рядом ящик с розовым кустом, заслоняя столик от взглядов посетителей, и они долго-долго целовались. И это повторилось на следующий день, в другом кафе, после того, как они подали заявление в Доме бракосочетаний. А потом повторялось изо дня в день, в парке на скамейке, на последнем ряду кинозала, в носовом отсеке теплохода, где река текла навстречу за стеклами, а мимо проплывали красные и белые бакены, и впереди виднелся железнодорожный мост. Они как будто наверстывали упущенное в юности, и каждый вечер еще и подолгу целовались в подъезде ее дома. Там же и расставались, шепнув друг другу на прощанье самые дорогие слова, и он спешил на автобус.

Оба взяли на неделю накопившиеся отгулы, чтобы успеть приготовиться к свадьбе, пригласить телеграммами своих родных и обойти с приглашениями его друзей и ее подруг.

И успели.

Свадьба прошла в том же ресторане «Центральный», только шампанское хлопало для них уже не за одним столиком, а за длинной вереницей столов, уместивших полсотни с лишним гостей, большей частью из «инженерной братии». Невеста Лосина Марина Васильевна Максимова выглядела в свадебном платье и фате так, что можно было залюбоваться ею, и коллега Стамесов, еще только слегка навеселе, шепнул на ухо Лосину:

— Она божественна! И такая юная! Бьюсь об заклад, моложе тебя лет на двенадцать, не меньше… Всё, всё, я умолк! И только душевно, заметь, душевно поздравляю тебя! И очень, очень рад за тебя!

Старенькая, с ослепительно-беленькой пушистой головкой, соседка Лосина, учительница английского языка, вскакивала из-за стола с бокалом в руке и кричала:

— Я счастлива, Тимофей Иванович, что сбылись мои пожелания, и вам встретилась такая замечательная хелпмейт! Горько!

Начальник техбюро, в котором работала Марина, вручил Лосину благодарственное письмо «за содействие в решении проблемы горловины» и сказал, что теперь считает его своим кадровым сотрудником.

— Мне очень хочется, — добавил он, — перетянуть вас к нам.

— Не выйдет! — вскричал Островерхов. — У нас товарищ

Лосин идет на повышение! С понедельника мой заместитель переходит в центральное конструкторское бюро, и наш уважаемый молодожен заступает на его место!

— Что ж, поздравляю и с этим, — не без сожаления сказал начальник техбюро. — А это вам презент, — развернул он бумажный сверток и протянул большую импортную готовальню, о которой раньше Лосин мог только мечтать.

На столе были деликатесы, которые привез из Швейцарии брат Марины, Лосину особенно понравился сыр эмменталь, швейцарский шоколад и печенье «Лепестки лотоса». Были так же сельские и лесные деликатесы, привезенные матерью и сестрой Лосина: соленая черемша, ядро кедрового ореха в сиропе из одуванчиков и многое другое. Были деликатесы и с Крайнего Севера, их привезли родители Марины: красная икра, вялено-сушеные ломтики оленины, сырокопченые оленьи колбаски, юкола (вяленая рыба ценных пород: муксун, чир, нельма).

По неожиданному стечению обстоятельств на свадьбе гулял и Александр Постнов, искусствовед и художник, тот самый, который разрисовал стены комнаты, когда жил с молодой супругой на квартире у Марины. Именно в те дни он заехал в этот город и зашел к Марине узнать, не было ли для него какой-нибудь почты, и она отдала ему письмо, привезенное Лосиным. Рассеянно прочитав его и сунув в карман, похоже, даже не обратив внимания, что оно испорчено, Постнов посокрушался и посетовал на свою невезуху, поскольку молодая жена, как оказалась, бросила его ради своего сверстника, аспиранта художественного училища. А женщина, которая написала ему это письмо, тоже вышла замуж, он знал точно: заходил к ней в ее городе. Марине было жалко Постнова, человека, безусловно, положительного. Она пригласила его на свадьбу. Он сидел за столом степенно, изредка выпивал и закусывал. По его внешнему виду сразу можно было понять, что он художник: длинные волосы, бородка клинышком, лихо закрученные усы. Он не выпускал из рук большой картонный лист, на который накладывал один за другим ватманские листы и быстро рисовал на них, глядя то на одного, то на другого из гостей. Это были листы двенадцатого формата, довольно крупные для рисунков, хоть и вчетверо меньшие тех, на которых Лосин выполнял свои чертежи и чертежи курсовых проектов ленивых студентов. Кстати, тот «заказ», который дала ему хохотливая Лидия Павловна в день, когда он отвез Марине испорченное письмо, был последним в его жизни: как ни

уговаривали его, он больше ни разу не согласился.

Итак, Постнов рисовал портреты гостей и тут же дарил их со своей подписью, и всем они очень нравились. Наконец, дошла очередь до Вероники Артемьевны Копыловой. Она сидела в стороне от всех, вяло закусывала и о чем-то невесело думала, глядела в стол. Постнов смотрел на нее долго и взялся рисовать с особым старанием. По общему мнению, ее портрет получился у него самым лучшим. Когда художник показал его ей, она растерянно произнесла:

— Да разве это я? Неужели я так хороша собой?

Постнов сел рядом, они выпили шампанского и заговорили. Копылова повеселела, а когда Постнов сказал ей, что они какое-то время учились в одной школе, в параллельных классах, вспомнила его и повеселела еще больше. И весь остаток свадебного вечера они провели вдвоем, и ушли вместе. А вскоре поженились. Сын Копыловой после первого же разговора с Постновым загорелся мечтой стать художником, и Постнов, позанимавшись с ним и обнаружив у него очень неплохие способности, взялся его обучать.

8

Самым первым портретом из нарисованных Постновым на свадьбе был портрет молодоженов, сидящих за столом. Он, конечно, мастерски запечатлел их счастливые лица. Но есть в этом рисунке и нечто необычное. Если вглядеться в него повнимательней, то можно различить над головами жениха и невесты какой-то странный ореол.

Сам Постнов по этому поводу сказал им так:

— Я и сам не могу ни понять, ни объяснить этого. Когда я вас рисовал, то вдруг увидел, как над вами засияло ослепительное дугообразное свечение, очень красивое, радужное по краям и словно соединяющее вас. Убей Бог, я еще никогда в жизни ничего подобного не видел!

Тогда-то и мелькнуло в голове у Лосина: «Вольтова дуга!» Потом он сказал об этом Марине. И это стало для них символом того, что вспыхнуло между ними, когда они впервые сидели рядышком за столом перед чертежной доской, да так и осталось на всю жизнь.

После свадьбы время помчалось стремительно, как всегда и мчится оно в жизни, наполненной счастьем. Легко и быстро решилась главная бытовая проблема: две жилплощади супругов Лосиных превратились в трехкомнатную квартиру рядом с их заводами. Один за другим с промежутками в полтора года родились трое детей: две дочери и сын. Лосин

не без улыбки вспоминал свою капсулу, разбившуюся в его воображении, как брошенная на пол стеклянная банка. Но иногда воспоминание о ней вызывало страх. И ему думалось: а если бы он так и остался в ней? Если бы не встреча с Мариной, вероятность которой, как он думал, была настолько мала, что ему поневоле вспоминалась одна из старых гипотез возникновения Солнечной системы, согласно которой она появилась благодаря тому, что мимо Солнца очень близко прошла другая звезда и силой своего тяготения выплеснула в космическое пространство часть солнечной жидкой материи, из которой возникли планеты, в том числе и Земля. Эта гипотеза была отвергнута учеными, потому что фактически отрицала возможность существования во Вселенной других систем, подобных Солнечной: уж слишком мала вероятность прохождения звезд так близко. И Лосин думал: а как бы сложилась его жизнь, если б не тот, наверное, столь же маловероятный случай? Неужели они с Мариной никогда бы не встретились и остались одинокими? Он отгонял эту мысль, и страх уходил, как ушел его страх перед женщиной — ушел навсегда, потому что женщин, как таковых, для него больше не существовало: их заслонила одна-единственная, а все другие оставались для него просто людьми. И не было уже ни одной среди них, способной его смутить.

Семейная жизнь занимала много времени, но Лосин продолжал вносить рацпредложения и изобретать. И пусть не изобрел ничего такого, что прославило бы его на весь мир (он теперь добродушно посмеивался над теми своими мыслями), но заявки на четыре изобретения все-таки дал, а рацпредложений внес больше сотни. И продолжал бы их вносить, если бы не перестройка и не последовавший за ней развал промышленности и остановка заводов. В результате остались без работы и он, и Марина. Его сократили с должности заместителя главного конструктора завода, а цех, в котором Марина последние годы работала начальником все того же техбюро, как говорится, почил в бозе. Оба ушли в политику, он стал депутатом Законодательного собрания, а она — его помощником. Их дети, естественно, не смогли пойти по их стопам и не влились в когорту почти исчезнувшей заводской инженерной братии. Одна дочь стала косметологом, вторая дизайнером, а сын — журналистом.

Однажды на праздничном митинге, после того, как супруги Лосины по очереди выступили перед микрофоном, а затем спустились с трибуны, к ним подошел корреспондент с

фотоаппаратом на шее и с диктофоном в руке. Он задал им несколько вопросов и, получив ответы, сказал:

— Семья у вас, не сомневаюсь, крепкая. Как говорят в народе: семья вместе, так и душа на месте. А если говорить казенным языком, вы — одна из тех ячеек общества, на которых держится страна! Позвольте мне сфотографировать вас для нашей газеты.

И навел на них объектив цифрового фотоаппарата. Нажав на кнопку, он посмотрел на экранчик и воскликнул изумленно:

— Вот это да! На снимке у вас над головами какое-то странное и очень красивое свечение!

— Вольтова дуга, — улыбнулась Марина.

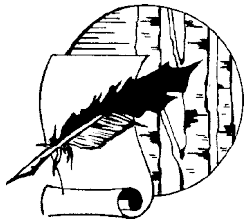
— Что, что?

Лосин сказал, обнимая супругу:

— Это то, что когда-то возникло между нами, да так и осталось навсегда, как это бывает у очень и очень многих людей!

И они, переглянувшись, засмеялись. И вспомнили то испорченное, но такое дорогое для них письмо.

г. Омск

Андрей ГРУНТОВСКИЙ

А РОССИЯ СТОИТ…

ЖДУ ТЕБЯ

Жду тебя и ты — вернись,
В самый смертный час
Оглядись и обернись,
Когда дрон бросает вниз
На тебя фугас.
Когда арта бьёт и бьёт,
Когда лупит «град»…
Пусть Господь тебя спасёт —
Отведёт снаряд.
И когда ползёшь в трубе
Ночь и день, и ночь…
Жду тебя, помочь тебе —
Родине помочь.
Пусть в конце туннеля ждёт
На рассвете бой,
Пусть любовь тебя спасёт.
И всегда с тобой
Слово с той ещё войны,
Пусть звучит и жжёт:
Ждёт жена и ждут сыны,
Мать-Россия ждёт.
Даже если ни жены,
Ни детей и всё ж… —
Ждут поля твоей страны,
Птицы, травы, рожь…
Даже если сожжено
Поле в прах и в дым…
Всё же ждёт тебя оно —
С ним ты — не один.

В поле — с полем — не один,
С небом — не один!
С старых фоток мы глядим
И с икон — глядим…
Каждый колос, что пожнёшь,
Каждая звезда…
Ждут тебя, и ты придёшь,
Как пришёл тогда!

* * *

Уже одиннадцатый год
Твердят: «Майн гад!», а надо б: «Гот!»
Устали коптеры летать,
Устали пули убивать,
Устал металл, устала плоть,
Устал на всё смотреть Господь…
Устали реки и поля,
Устала матушка-земля,
Устал хамить грядущий Хам,
А всё воюем… по грехам.
Покуда станет мир не мил,
И встанут предки из могил
И призовут… и Аз воздам! —
А дрон летит по проводам…
Все, кто лежит в земле сырой:
В Берлине, в Праге, под Москвой.
Кто пал, но памятником встал,
Кто одолел огонь, металл,
Подымут снова красный флаг…
И расточится всякий враг!
И яко прах, и яко дым
И сим, как прежде, победим!

БОЖИЯ КОРОВКА

Бежала Божия коровка
По синей вене, вдоль руки,
В ладошку соскочила ловко
И ну накручивать круги!
Она читала на ладони
Моей судьбы кривой маршрут:

Кому сгореть — тот не утонет,
Кому пропеть — тому и труд…
В пересеченье линий встала,
Задумалась — куда теперь?..
Свои надкрылья опростала
И улетела, верь — не верь.
И что-то тайное узнала,
И что-то скрытое прочла…
Я не заметил, как упала,
И как по небу уплыла…

КУЗНЕЧИК

Играл на скрипке человечек,
Вздыхал и думал: се ля ви…
И за окном в полях кузнечик
Пиликал тоже о любви.
С стенокардией и с супругой
Жил человечек много лет…
И скрипку слушала округа,
А на стене — её портрет.
Жена ушла, — о, человечек! —
Стенокардия — не ушла.
Излечит скрипка — не излечит? —
Болит и мается душа…
Оно бы было всё прекрасно,
Когда бы всё — наоборот...
Но жизнь порой бывает разной —
Берёт, не глядя в оборот…
Кузнечик всей драматургии
Постичь, конечно же, не мог.
Он пел любовь — ему другие
Скрипели хором в тыщу ног…
Он жил, за неименьем сердца,
Высокой нотой буйных трав,
Свои священные коленца
Извечной музыки избрав.
И человек, оставив скрипку,
Внимая пенью тех, кто мал,
Портрет с печальною улыбкой
К больному сердцу прижимал.

КОРОЕД

Среди долины ровныя
Стоял могучий дуб…
А в нём пятиколонные
Жучары — хруп да хруп!
По небу тучи бегают —
Ерошат дубу чуб...
А там внутри обедают
Жучары — хруп да хруп!
То солнышко зачалится,
То месяц водит круг… —
На веточках качаются…
А кто-то — хруп да хруп!
Зимою бури снежные,
Мороз скрипуч и груб…
А короеды грешные
Всё хруп, и хруп, и хруп!
В любую пору кушают —
И как их держит пуп! —
Буржуями, чинушами
Гребут последний рупь…
Пока стоит, качается
Среди равнины дуб… —
Сперва не намечается,
А после — хруп да хруп!
И вот держава птичая
Лежит в степи нагой…
Жучара ж, по обычаю,
Заселится в другой.
Одни пеньки останутся
И через тыщу лет…
— Фу, наконец-то справился! —
Промолвит короед.

ПЧЁЛЫ

Пчёлы жужжат — приближается жёлтая осень,
Скоро закроются улья, и пчёлы уснут.
Ну а пока ещё солнышко — носят и носят…
Есть что представить пчелиному люду на Суд.
Тысячецветье деревьев и трав разнотравье —
Всё соберут, превращая в нетлеющий мёд.

В нём заключая душевно-телесное здравье —
Вот для чего продолжается летний полёт.
Могут ужалить того, кто ведёт себя лихо,
Но пчеловода не тронут — никак не моги!
Скоро уснут — до весны будет тихо-претихо…
Снегу по пояс — медведь не утянет ноги…
А по весне, как распустятся клейкие почки,
Вынесет старец — почти что святой! — Николай,
Старый сосед, и расставит, как встарь, на пенёчки,
Улья на солнышко устьем — влетай-вылетай!
Первой проснётся премудрая старая матка,
Следом за нею — матёры, потом — молодёжь…
И загудят, и помчатся — такая ухватка —
В мёд превращая весенний расцвет и галдёж….
Вот бы и мне пробудится, подобяся рою,
Вот бы и мне претворить эту цветь в словеса…
Сколько годов не пишу, а копаю да рою,
В горечь строки претворяя поля и леса.
Липовый мёд, да гречичный, а мой вот — полынный
Душу бодрит, но горчит, если взять на язык —
Труд человечий отличен от «взятки» пчелиной,
Век человечий не вечен средь ваших «музык».

БОЕЦ С ПОЗЫВНЫМ «ИСТОРИК»

Нас хотели за так —
Не выходит никак!
Нас пытались за грош —
Но за грош — не возьмёшь!
Нас хотели за руп —
Да развяжется пуп!
Накатили «лимон» —
Провались, выйди вон!
Ты, брательник, не трусь —
Ты, братан, не грусти:
Не рассыплется Русь!
— Эх, эти-разъэти…
Покривится чуток,
Покорёжится и…
Всех, кто шёл на восток —
Их давно замели.
А Россия стоит,
Как стояла допрежь,

Ну, поди, отщипни —
Ну, попробуй, — отрежь.

БОЕЦ С ПОЗЫВНЫМ «СТУДЕНТ»

Студент ушёл, сказав: «За мир!» —
Учёбу бросил…
Мы с ним отрыли капонир —
То пять на восемь.
Тут дроны, штук до десяти…
Наводчик — амба!
— Он сирота, куда везти?
— Рой метр на два…
Три раза брали то село —
Отшибло память…
Прямой в блиндаж — но повезло! —
Четыре на пять.
Потом, какая-то труба…
Наверно, «Дружба».
А там пальба, гоньба, борьба —
Так, значит, нужно!
Бином Ньютона — бу-бу-бы… —
Сказать бы нашим!.. —
Вот роем выход из трубы
Два метра на шесть!
А там опять — копать, копать,
Вгрызаться глубже!
Под броневик — так три на пять —
Ну, я не глуп же?
Вперёд нельзя, назад — нельзя…
В эфире — матом!
И чтобы делал я, друзья,
Тут без физмата!

СНЕГ ИДЁТ…

Встали машины и скорый, в заносах, твой поезд,
И самолёты застряли далече-далече…
Снегом засыплет, завьюжит Россию по пояс,
А севера́, так, пожалуй, по самые плечи...
Снегом засыплет и двор, и «мои георгины»,
Избы и реки, болота, леса и овраги…

Там были горы, а стали — сплошные равнины…
Были равнины, теперь же торчат буераки.
Месяц замёрз, зацепившись спросоньи за ёлку,
Только медведю в берлоге без разницы нынче…
А на угоре развылись матёрые волки —
Оголодали, — видать, третий день без добычи!
Где-то прорыли под снегом солдаты окопы —
Снова воюют, идут сквозь метель в наступленье…
Кто-то, упёршися лбами в свои телескопы,
Ждёт наказания свыше и тьмы-представленья…
Вот я сижу — между нами лишь быстрые строчки.
Хочешь — и в строчках появятся вешние птицы!
Ландыши выйдут, распустятся почки, листочки,
Сердце по-прежнему счастливо сможет забиться…
И побегут поезда по свободной равнине,
Люди, как птицы, взлетят и без крыл — в самолёте…
Мир воцарится на всей на былой Украине… —
Если, конечно, вы всё между строчек прочтёте.

г. Санкт-Петербург

Сергей АРУТЮНОВ,
доцент Литературного института им. Горького

МАРГИНАЛИЯ Z

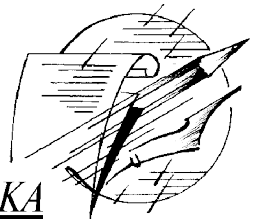
Специальной военной операции исполнилось четыре года.

Как полагается, проведены и утренники, и вечера, в меру торжественные и в меру траурные, где вспомнили героев и тех, кто прославил их мужество. Чего ж еще? Разве недостаточно?

Что ж, поговорим о культуре, которая их славит. И начнем с кино.

Количество фильмов, снятых об СВО в 2025 году, измерялось примерно десятком. Причём художественных, по подсчётам вице-спикера ГД Анны Кузнецовой, всего два. Поддержка Министерства культуры РФ в том же 2025 году анонсирована дюжине.

Бедно… Я бы сказал, нищенски и недостойно, но что уж есть, особенно на фоне того, что кино у нас в основном исполняет развлекательную, как и все наши искусства, функцию. До сих пор именно развлекательную, а не какую-нибудь «воспитательную» и тем более «побудительно-направительную».

Снимать агитку ради того, чтобы ещё сотня-другая тысяч людей заключила контракт с Минобороны — это прибыльно и удобно. Все всё понимают. Грамотные. Но снимать чуть ли не за свои

деньги, клянчить их у богатых бездельников, чтобы тебя показали в ограниченном прокате — это как? А это так, что искусство, посвящённое СВО, у нас является делом сугубо частным. Нравится, делай, не нравится, посвяти лиру чему-то ещё, а лучше тому, что имеет спрос. Третьесортные комедии, сериалы, например.

На вечере поэта-участника СВО года полтора назад один человек, имеющий непосредственное отношение к отбору сценариев для кинопроизводства за государственный счёт, заявил, что их по коридорам определяющего ведомства возят целыми тележками. За язык его никто не тянул. Результаты рассмотрения налицо. В год в России снимается за государственный счёт более двухсот картин, но назвать их именно «картинами» язык не поворачивается. Картины — чего? Дошло до того, что как только в кадре появляются русские титры, хочется переключить канал. Вопиющий непрофессионализм, актёрская игра нулевая, режиссура, операторская работа, монтаж — будто бы их и не было, психологизм жалок, вывоз одними спецэффектами давно уже не проходит, хоть этой самой компьютерной графикой обложись. Взирать на деградацию когда-то великого жанра больно и стыдно.

Кинодокументалистика в разы дешевле художественной короткометражки и тем более «полного метра» — хоть на телефон снимай, только потом не забудь смонтировать и озвучить на более-менее профессиональной студии. Как и за какие средства туда попасть — разговор отдельный. Это ещё сущие мелочи — месяцами пробивать себе пропуск в зону ведения кампании, тратиться не только на бензин и пропитание в экспедициях, но и на подарки военнослужащим (а чего машину зря гонять, надо же ребят порадовать), колесить наудачу по разбитым и простреливаемым дорогам, ночевать урывками, и бог знает, когда вернёшься, и вернёшься ли вообще. Главное — попасть к прокатчикам, которые если и выучены чему-то, то извлечению и максимизации прибыли. А ты, как и многие, «не формат».

На телевидение путь заказан. Изредка, после долгих месяцев борьбы, писем, звонков, дающих призрачную надежду на чудо, улыбается удача — только в «прайм-тайм», конечно, чаще всего с раннего утра или ночью ленту наконец, покажут, постоянно прерываемую рекламой женских прокладок и мужских дезодорантов. А смотреть её будет некому. Лодыри, бодрствующие в это время, канал точно переключат.

Если перебрать названия театральных спектаклей об СВО, список получится приблизительно такой же длины — «Серая зона», «Данькина каска», «Одной жизни, видно, мало»,

«Неотправленные письма», «Позывной Тишина», «Время надежды», «Братское сердце», «Просто жить», «Фуга Ля Минор», «Секунда сомнения» (поставлены ли пьесы об СВО, обозначенные на портале Национальной ассоциации драматургов, данных лично у меня нет). Уверения в том, что «более половины всех театров страны имеют в своём репертуаре постановки о спецоперации», наверняка имеют под собой хоть какую-то почву.

Художники? Работает Студия военных художников им. М.Б. Грекова.

Музыканты? Чичерина, Джанго и Лундстрем и сегодня дают концерты совсем близко к линии боевого столкновения, а вот ведущие радиостанции так и блюдут негласный бойкот: частники, «имеют право».

С литературой проще: цензуры вроде бы нет, и выпустить книгу сегодня преспокойно можно самому, особенно если малым тиражом и за свой счёт. Хотя вот ведущий как бы российский сервис Ридеро.Ру отвергает книги, где упоминается СВО, с порога, мотивируя отказ в печати тем, что «данные нельзя проверить» и можно загреметь за дискредитацию Вооружённых Сил. Как бы сказали во дворе, «дешёвая отмазка». В иных же кругах, повыше, отметили бы, что идеальное прикрытие. Раз не проверяется, значит, шлагбаум вниз, рубильник на ноль. Комфортно.

Два ведущих патриотических издательства, «Вече» и «Яуза», делают, что могут. Книжные серии их, посвящённые СВО, затеяны уже в первые дни и уже насчитывают с тот же десяток-два авторов, причём среди них — известные и до 2022 года прозаики и поэты, участники спецоперации. Присовокупим к ним ещё пару специализирующихся на военной литературе частных редакций, но тем не менее положение тут еще более бедственное, нежели даже в кино и театре.

Антологии Z-поэзии выпускались и Союзом писателей России, и каналом Russia Today, и некоторыми фондами поддержки СВО, но в основном это дело той же частной инициативы. Поэзия как была для издателей назойливой мухой, которую продать практически невозможно, так и остаётся. Не навязывать же.

Ушлые российские маркетологи с ухоженными бородками вот уже тридцать лет хвастаются, что могут продать «всё», но то ли руки у них слишком коротки, то ли они изрядные вруны, то ли действительно потребитель книжной продукции реагирует лишь на грязь, которой его так старательно пичкали в последние три десятилетия, и приобрёл

безусловный рефлекс отстраняться от своей страны, ища чего бы поприличнее и позападнее и повосточнее Родины. Поэзия даже самого переднего исторического края — не у дел. Её выпускают мизерными тиражами за свой счёт и дарят самым ближайшим друзьям.

И так будет дальше, пока власти не поймут, где рождаются те самые «смыслы и коды русской цивилизации», которые государство якобы повсюду ищет, но и днём с огнём найти не может.

Каждый русский поэт из числа заметных — он и кодировщик, и шифровальщик, и конструктор смыслов, но где уж эффективному менеджменту во что-то вчитываться и что-то в нём понимать. Зачем Иисус говорил притчами? Почему основные «смыслы» доносятся стихами, т.е. устаревшим, архаичным видом искусства, когда можно прозой, а лучше — языком докладной записки, донесения, приказа, наконец?

Мне почему-то кажется, что наша главенствующая «культура» только и ждёт, чтобы война кончилась, и всё потекло по-прежнему, вернулось на круги своя. Меня как наблюдателя не покидает ощущение того, что поддержка государством культуры, которая его не предала, недостаточна. Мелка. Жадна. Руководствуется цифирью отчётов, ничего на самом деле не отражающих.

Впечатление такое, что наша насквозь коммерческая культура в глубины вдаваться не хочет. Всё, кроме прибылей, представляется не слишком значимым и не слишком достойным того, чтобы во что-то там вкладываться. Ничего особенного в обычной человеческой жизни для неё нет: люди рождаются, учатся, работают, воюют, гибнут от ран или умирают от старости. Говорить не о чем. Не товар.

Так и получается — маргиналия Z, пометка на полях. Завтра, послезавтра, через год, через десять лет окончится же Специальная военная операция! Вернутся домой солдаты и офицеры. Тогда и поговорим.

Но я бы хотел, как и многие, разговора теперь и сейчас.

Z-культура — явление всенародное. Люди жилы рвут. На фронте проблемы со снабжением, светом (почему мы с ребятами в этот раз купили как можно больше фонариков), связью. Z-культура предназначается вовсе не для просиживающих сутками в хипстерских заведениях или ресторанах для высшего среднего класса (чиновничества и представителей крупного бизнеса) — она для воюющих и везущих что-то на фронт. Если она радует их, большего от неё требовать и не надо.

Какие претензии к ней? Недостаточный художественный уровень? Так у того, что издаётся действительно массово, он и вовсе ниже нуля, поскольку издано по знакомству и по большой протекции. Кстати, те, кого за последние20 лет издавали наиболее массово, уехали с проклятиями и продолжают проклинать страну и народ. Следовательно, о каком таком особенном художественном вкусе можно говорить применительно к редакторскому и издательскому корпусу?

Второго «Тихого Дона» Z-культурой не создано, но понятно, почему. Выше окопов ещё никто так и не поднялся, потому что нет в открытом доступе документальной базы, способной развернуть хронологию событий.

«Окопная правда» изобилует стилистическими огрехами (профессиональных и въедливых редакторов советского извода у нас осталось человека полтора), натурализмом и смакованием безнадёжности. Она не вдаётся в онтологические корни украинского нацизма, потому что ей некогда. Она — репортаж. Стенограмма. Размытое фото, по которому когда-нибудь воспроизведут батальную панораму. Но это не значит, что окопная правда СВО — заготовка. Она — слепок с того ужасающего состояния душ, с которым СВО началась. Я бы назвал его скорбным бесчувствием — только потому, что вымороженные «рынком» до почти полной невменяемости, добровольцы и мобилизованные дознавались до конечных целей СВО ценой поистине титанических усилий, тем более что пропаганда была чрезвычайно недоходчива и делалась практически теми же людьми, что рекламировали женские прокладки и мужские дезодоранты. Солдатам генетически памятны были времена, отдалённые на восемь десятилетий, и они прокладывали по целинной мерзлоте целые трассы ассоциаций, а помогала им в этом вовсе не реклама и не телевидение, а Z-культура. Вот в чём её роль.

И совершенно понятно, отчего поэзия, проза, музыка СВО существуют подобно художественной самодеятельности (по определению непрофессиональной) — они, как в песне группы «Кино», не могут «похвастаться мудростью глаз и умелыми жестами рук». Им не до высоких дискуссий о вкладе в разлад между братскими нациями какого-нибудь униатства или гностицизма.

Понятно, что современная «окопная правда» исполнена в условиях современной войны во многом «на коленке», что эстетических образов она лепить порой попросту не умеет, но она источается из тех сознаний, которые никакими другими не заменимы.

Да, словесность СВО, как и афганская, и чеченская литература, дают специфический взгляд на действительность, метко и иногда бессознательно характеризующий то колоссальное языковое и духовное обнищание, с которым нам жить ещё не одно десятилетие. Унитарность её ракурса связана с тем, что, несмотря на радикально изменившиеся технологические условия ведения войны, кроме «лесополок» и «промок», «мавиков» и «мобиков», «арты» и «лепестков», «прилётов» и «ленточек», «теплаков» и «пятисотых», большой русский литературный язык стилистически ещё не обогатился Z-литературой так, чтобы цитироваться на каждом углу.

Непонятно другое — почему Z-культура не занимает центрального места в структуре государственной поддержки культуры. Отчего её достижениями предпочитают поверхностно отчитываться перед вышестоящими: достигнут определённый показатель, можно и дальше рассчитывать на субсидии. Правда, направлять полученные средства вовсе не на развитие жанра, а, как привычно, на кафе-мороженые.

Речь идёт вовсе не о том, что Z-культура не дозрела до больших тиражей — проблема в чаемой реставрации предыдущего политического, экономического, социального, культурного и, главное, имущественного положения правящего страной класса. Пока он пассивно, а кое-где активно противится Победе, и лучшее, и худшее в культуре будет лежать под спудом. И сражаться против блокирующих любые душевные порывы безвестных «решал» — почти то же самое, что в полный рост идти на крупнокалиберные пулемёты.

Проблема состоит в «двуязычии» нашей страны, двух её слоёв — общего и образовавшего на его поверхности плёнку щедро спонсируемых из бюджета и частного кармана космополитов. Она в том, что именно имущие ничего, кроме реставрации недавнего прошлого, не хотят и по природе своей хотеть не могут. Это им нужны бассейны с голубой водой, долгие песчаные острова в южном полушарии, соломенные бунгало и коктейли.

А нам нужна Россия. И при том — победительница.

В этом и состоит вся разница между ними и нами. Когда эта разница будет **всеми** осознана, Z-культура перестанет быть беглой пометкой на полях русской истории и сама станет русской историей.

Владимир ГУРЬЯНОВ

ДОЛЮШКА-ДОЛЯ

РАССКАЗ

С трудом отпускали снега нынешней весной землю. Много их было в нашем краю. Даже на буграх, где ветры озоровали да посвистывали, по пояс навалило. А уж про леса да овраги и говорить нечего. Дороги насыпные — и те спрятались под сугробами, да так, что самоуверенные «кировцы», откапывая их, испугано ревели, буксуя и ворочаясь в снежных заносах.

Потом пришла весна. Да только что-то лицом невеселая, неприветливая, больше на позднюю осень смахивала: то дождь со снегом, то мороз, то ветер ледяной до ломоты в пальцах. Но куда ни кинь — всё весна. Грачи драки за старые гнезда затеяли и новые принялись ладить, и на оттаявших буграх нет-нет да и полыхнет волнистое марево теплого воздуха.

Ждал эту пору Семен. Каждый год ждал. С нетерпением. Задумался раз: а почему так? И нашел для себя простой ответ: «Больно в поле тянет. Соскучился».

Еще в марте он, несмотря на обиду животновода, забрал с фермы механизаторов, расчистил бульдозером площадку возле кузницы и

стал приводить в порядок инвентарь, ремонтировать бороны и сеялки. Мужики молча роптали: куда в такую рань, да и подготовились с осени хорошо. Но когда занялись делом вплотную, согласились: прав бригадир. И бороны надо поправить, перетянуть зубья да выставить их так, чтобы ребром по ходу были, и культиваторные лапки заменить да прокрепить, и у сеялок проверить гидравлику, сошники, туковысевающие аппараты. Да мало ли чего надо посмотреть и прощупать своими руками до того, как выехать в поле и положить семена в землю.

Когда требовалась та или иная запчасть, бригадир запрягал жеребца и ехал за семь километров на центральную усадьбу колхоза. Обычно этим занимался помощник бригадира, но он вот уже два месяца лежал в больнице. Запчастей часто не давали. Обойдя всех и получив отказ, Семен, не обращая внимания на шиканье секретарши, вламывался к председателю, садился напротив и говорил, захватив, словно клещами, его взгляд:

— Я бригадир самой крупной бригады. У меня три тысячи гектаров пашни. В ином колхозе столько нет. А мне работать не дают. Знаю, все железки в четвертую бригаду идут. Там у кладовщика зять в бригадирах.

Иногда вгорячах заявлял председателю, что больше не будет работать бригадиром. Хватит, набригадирствовался за тридцать лет. Но чаще все-таки выколачивал нужную деталь и миролюбиво прощался со всеми. Молодой председатель не только уважал старого бригадира, но и понимал, что от камышовской бригады много зависит. Не сработают они, всем колхозом не вытянешь.

А бригадирствовать Семен и вправду раз отказался. Прежнего председателя из города прислали. Любил он всякие совещания проводить, команды отдавать. А коли не выполнишь — спуску не давал, весь стол кулаком разобьет. Побаивались его и помалкивали. Что думали — про себя оставляли. А Семен не выдержал.

То лето засушливым было, траву скот быстро выел, но председатель требовал пасти коров. В Камышовке пастбища были за пять километров. Пока туда, потом сюда — коровы выматывались, а вместо травы пыль глотали. Какие уж там надои! Семен самолично распорядился поставить скот на калду и кормить прошлогодним силосом. А чтобы пользы больше было, смешивали силос с соломой и поливали соляным раствором. Молочко-то не очень, но побольше давать стали коровенки.

При всем народе отругал его за это председатель: корма, мол, не бережешь, не знаем еще, какая зима будет. Председатель, может, и не знал, Семен знал доподлинно: будут корма. Кукурузу он посеял раньше всех, подпала она под обильный майский дождь. И пошла, как на дрожжах. Как сушь настала, она уже в силу вошла. Люцерна кудрявиться начала, зелень набирать. А дождь, даст Бог, пойдет.

Всё бы снес Семен, но вот слова «расточитель» душа не снесла. Это он-то, всю жизнь только и думающий о колхозном добре, — и расточитель! Не-ет! И ушел с глубокой обидой. Месяца полтора работал за него молодой агроном-семеновод. По всем вопросам бежал к Семену в кузницу. В конце концов растерялся и взмолился: «Дядь Семен, бери бригаду. Не тяну я такую громаду. День ото дня всё хуже и хуже становится». Семен и сам это видел. Да и мужики бубнить стали: управимся в кузнице и без тебя, если нас уважаешь — возвращайся.

Вечером у председателя зазвонил телефон, и твердый голос проговорил: «Это Захаров. С завтрашнего дня принимаю бригаду». Председатель хотел было возмутиться этому тону, но коротко ответил. «Принимай, Петрович». Он давно понял, что дела в самой крупной бригаде пошли хуже, зазнобило и колхоз.

Новый председатель — человек свой. Нет, не местный, но деревенский, из механизаторской семьи. Прислушивается ко всем, говорит мало, но дельно. Всякие совещания позакрывал, всё норовит побольше с мужиками побыть. Словом, по душе пришелся.

Дома Семен снял кирзовые сапоги, выпил стакан парного молока и полез на печку.

— Сёмка где? — спросил он жену Марфу.

— На улице, — подавая подушку в цветной наволочке, ответила она.

— Экий гуляка. Экзамены скоро, а он гулять. Вон какой вымахал, за ум пора браться, — проворчал Семен.

— Что ты, отец, на него, учится он хорошо. Тебе бы всё работать да работать. Чай, он молодой. Пусть радуется, успеет всего хлебнуть.

— Что молодой, что старый — он мужик. А мужик для работы родится. В ней и вся его радость. Ты мне Семку, мать, не порти баловством. Вон среднему потачку-то давала, он и мечется с места на место, как непристалой.

Успокоенная ровным голосом мужа, Марфа спросила:

— Ты чего такой в последнее время, не заболел, иль на работе не ладится?

Семен помолчал, потом тяжело вздохнул, отвернулся к стене, сказал:

— Обожди, жена, и так тяжко. Может, еще обойдется.

Утром он снова чем свет ушел из дома и уехал в поле. Он не торопил жеребца. Тихонько поднялись в гору, миновали расступившийся перед дорогой березовый лес и поехали вдоль опушки. Ни красоту величавых белых берез с нежными родинками-сучками, ни предрассветной синевы неба, ни абсолютной тишины, которую так любил, не замечал Семен. Он вглядывался в покрытое жидким туманом поле напряженным взглядом, словно жаждал отыскать там что-то родное и близкое и не находил. В сущности, он уже вчера убедился, что беда не обошла его поля. Но маленькая-маленькая надежда еще теплилась.

Край солнца выглянул из-за леса, и властные лучи его всколыхнули, взбудоражили туманную дымку, рассеивая ее по лесам да балкам. Обнажились бескрайные дали. Семен остановил жеребца у края поля — самого большого и плодородного в колхозе.

«Пятисотельник» — называли его механизаторы. Тот знаменитый захаровский пятисотельник, ухоженный, насыщенный навозом, который в любой год выносил к солнцу крепкие стебли и туго наливал зерно в колосьях. Всем на радость.

В прошлом году пятисотельник паровал. Отдыхал, набирался силушки. Уж и следил за ним Семен, уж так следил. Тракторы порой день и ночь не выпускал с загонок. И сверкало поле на солнце черным искристым бархатом. А пришло время, приняла ухоженная землица отборные зерна пшеницы. А тут вскоре прошумел по полям и лесам теплый и обильный дождь. И полыхнул сочной зеленью всходов пятисотельник, привольно раскинулся под сентябрьским высоким небом. Обнимая взором бескрайную зелень озимых, Семен проверял, как идет развитие корневой системы, и уезжал довольный и веселый, будто с хорошим другом по душам поговорил. Но то было осенью.

Семен медленно обвел поле глазами. И сердце тоскливо сжалось. Перед ним лежало безжизненное рыжевато-бурое поле, и сколько Семен ни старался, не мог отыскать даже еле приметной зелени. Ох, если бы знали люди, как муторно и больно стало на сердце у старого бригадира. Как терзался, мучался он, надеясь, что вот завтра пригреет получше солнышко, и оживет его пятисотельник, расправит плечи, умоется первыми ливнями и пойдет, пойдет в рост хлебушек.

Метался по полям Семен. И как сердце чуяло, не одна беда пришла. Считай, погиб весь озимый клин колхоза, больше

полутора тысяч гектаров. Вдоль и поперек прошел все поля, вырывая растения — корни были желто-серые, безжизненные. И ушла надежда из сердца. День за днем восстанавливал в памяти сев прошлого года — нет, всё было сделано правильно. И пришел Семен к единственному выводу: ледяная корка и мороз сгубили хлеба. До самого января лежали поля голехонькие, потом пролил обильный дождь и ударил мороз. Задохнулся, видимо, хлебушек под ледяной коркой.

С поля возвращался к полудню, поторапливая жеребца. «Теперь чего ж, — думал он, — всё сызнова начинать будем». Не случайно Семен умолчал о беде, не проговорился никому. С умыслом сделал. Во-первых, сам еще не был до конца уверен, а во-вторых, сначала в себе боль да невзгоду перемолоть решил, чтобы выйти к народу с крепкой душой, не дать никому расслабиться — раскиснуть. Знал: весна — она характер прочный любит, слабодушного без хлеба и кормов оставит.

Собрал колхозников и коротко, но твердо сказал:

— Дела у нас хреновые. Вся озимая пшеница вымерзла начисто. Как только бугры из-под снега высунулись, следил я за ней. Всё мертво. Пересеивать будем.

— Да как же так? С осени-то одно загляденье было.

— Неужели ни одного поля не осталось?

— Может, ошибаешься, а, Петрович? Отойдут еще, бывало такое.

Семен мотнул головой:

— Для верности сейчас все съездим в поле, но по-другому не будет: вымерзли хлеба. Ничего тут не поделаешь, пересевать будем. Теперь нам не три, а все пять агрегатов пускать надо. Только вот людей где взять? Для двух смен еще два тракториста и шесть севцов найти нужно.

Семен осмотрел мужиков и отметил, что сильно стареет его бригада. Лет двадцать назад он бы с этими людьми управился без помощи. А теперь нет. Вон Кондрат Медведев всё поясницу потирает, а Михаил Гудков хоть и не жалуется, но как кашлять начнет, не остановится. Через силу тянут работу.

— На центральную поеду за подмогой, — сказал Семен. — А вы за дело, чтобы завтра сеялки были готовы. Вишь, как солнце палит. Успеть требуется.

В правлении колхоза сумели найти людей только на один агрегат. А это Семена не устраивало. Затянется сев, а с каждым днем все жарче и жарче становится, иссохнет земля. «Пойду в школу, — решил он, — сына на трактор посажу и еще троих ребят подберу на сеялки».

С директором школы Евгением Александровичем Кобловым были они друзьями детства и однополчанами на войне.

Обоих взяли на фронт осенью 41-го. Захарова — из тракторной бригады, а Коблова — со второго курса университета, где он обучался на химика. Держались друзья вместе и воевали справно. Уже зимой под Москвой получили медали «За отвагу», о чём и отписали родителям в Камышовку. Стали заправскими вояками. Командир роты старший лейтенант Рыбаков в шутку называл их резервом главного командования и поручал серьезные участки ротной обороны. За время боев убедился: эти не дрогнут. К тому же у бойца Коблова объявилась способность к военному делу. Не терялся в бою, был хладнокровным и сметливым. Сообразжалка у Женьки всегда работала — дай Бог каждому. В учебе — первый, в состязаниях никому не уступит. Не смотри, что роста не больно высокого, а сбитый, увертливый.

Словом, в одной из стычек убили командира отделения сержанта Садкова. Бойцы растерялись, а немец прет, того и гляди ворвется в траншею. Тут-то и раздался жесткий Женькин голос: «Отделение, слушай мою команду!» Так и началась командирская жизнь Женьки Коблова. К зиме 44-го в звании капитана орденоносец Коблов стал начальником штаба стрелкового батальона. В том же батальоне воевал и старшина первой роты Семен Захаров. Видно, Бог охранял друзей-земляков. Сколько полегло-искалечено! А они живы. Даже встречались изредка накоротке, делились вестями из Камышовки — и будто в родных местах побывали.

А беда на фронте — штука, в общем-то, не случайная, а каждодневная. С ней в чертовы прятки, хочешь, не хочешь, играть приходится. Война ведь… Уже в неметчине, в самом конце боев, попал капитан Коблов под шквальный артогонь. Засыпало землей. От страшной боли в ноге, которой уже не было, начал терять сознание. Солдаты успели откопать его и вынести с поля боя.

Выжил!.. Молодой. Красивый. Одноногий. Потемнела душа. Откуда света взять? Инвалид… Отлежал в госпиталях. Освоил протез и клюшку, научился ходить без посторонней помощи. Выдавил черную тоску из души. Жить надобно дальше. Жить! И снова пошел учиться на химический факультет, который окончил с красным дипломом. Предлагали аспирантуру — отказался. Вернулся в родную школу учителем химии.

С той поры в любое время года ходит он в школу пешком без малого за километр от дома. В мороз, метель, ветра —

без верхней одежды и головного убора. Всегда аккуратный, в темно-синем костюме, который ладно сидел на бывшем спортсмене, с густыми черными вьющимися волосами, с проницательным взглядом умных карих глаз, Коблов слыл человеком знающим, рассудительным и уважительным. Тянутся к нему люди. Кланяются при встрече. Как же иначе — учитель!

На просьбу дать ребят Коблов ответил решительным отказом.

— Ты что, Семен, выпускные экзамены на носу, им готовиться надо. Нет, не могу я этого сделать.

Видя, как насупился бригадир, добавил, желая сгладить резкий отказ:

— Да и много ли они помогут, мальчишки-то?

На эти слова Семен неожиданно вскипел.

— Мальчишки, говоришь? За девками бегать до утра у них силы хватает, а в ночь на тракторе поработать слабосильные. А нам с тобой сколько было, когда с марша в бой бросили? Ты ведь еще моложе меня на три месяца...

— Не кричи, Семен, занятия идут. Время и обстоятельства разные тогда и сейчас. Конечно, молодежь медленно мужает. Думаю, реформа школы многое поправит в этом деле.

— Пока ты здесь реформируешь, у меня в бригаде работать некому будет. Значит, не дашь?

— Не могу, — встал директор и заскрипел протезом к окну.

— Так сына я своей отцовской властью забираю. Этот малец уже в кровати не умещается и двухпудовкой играет, как мячиком.

Семен встал. Потом снова сел и, наклонившись к столу, тихо спросил:

— А что, Женька, если я сейчас как депутат сельсовета и член парткома пойду к ребятам объясню всё, попрошу добровольцев. Как на фронте. Помнишь, мы с тобой вместе из строя шагнули? Вот и посмотрим, чем она дышит, наша смена и чему ты их научил.

Знал, что говорил Семен. Директор взял клюшку и коротко бросил: «Пойдем».

Как был в сапогах, забрызганных грязью, в выгоревшем под солнцем и дождем брезентовом плаще, седой, всклокоченный, он вошел за директором и удивился солнечному сверкающему классу, аккуратным и чистым ребятам и девчатам.

Директор сразу дал Семену слово.

— Ребята, говорить долго некогда. Время не ждет. Все озимые в нашей бригаде вымерзли. Чтобы получить хлеб, надо срочно пересеять поля. У нас есть трактор и сеялки, но нет тракториста и севцов. К вам за помощью пришел. Если есть добровольцы, прошу подняться.

И слезы навернулись на больших голубых глазах бригадира, и горло перехватило, когда класс пришел в движение, а затем дружно поднялся и застыл в ожидании. Двадцать два человека.

— Спасибо... Мне четверых ребят надо, — тихо сказал бригадир, а затем весело добавил: — Вообще-то после школы приходите все в бригаду. Дорогу до города мы уже провели, скоро газ будет. Дома начнем строить — в городе таких не увидите. И от земли не оторветесь. Это большое дело — не оторваться от земли.

Семен взял сына и еще троих ребят, что получше учились.

Прощаясь, директор сказал:

— А я все-таки побаивался, Семен: вдруг начнут мяться, нерешительность проявят. Верил, а побаивался.

— А я другого не ждал. Они же нашими тропками идут. Пораньше им дело настоящее давать надо. Вот здесь мы чего-то не доделываем. Говорить-то говорим, а дальше что-то не больно разбежались. Никуда это дело не годится, чтобы в семнадцать лет крестьянский сын землю пахать да хозяйство вести не умел. Отец мой всегда говорил: пацана работой не испортишь, а вот от безделья да баловства сразу червоточина появится.

В бригаде Семен встретил председателя колхоза и агронома. Оба только вернулись с поля.

— Может, подождем сообщать в район? — осторожно спросил агроном председателя, — послезавтра сессия райсовета...

— Не вижу смысла, — резко ответил председатель, — гибель озимых стопроцентная. Очень жаль, что всю зиму вы давали мне совсем другие данные. В результате застигнуты врасплох. Спасибо вот Семену Петровичу, вовремя поставил вопрос и уже меры принимает. А сообщать в район надо немедленно. Семена для посева у нас есть, а вот удобрений для подкормки не хватает. Может быть, успеют помочь. Берите вопрос в свои руки. Думаю, не одни мы в эту беду попали.

Каждую сеялку прощупал-испытал Семен, прежде чем выпустить в поле. Десятки раз останавливал агрегат,

смотрел, как заделываются семена, высеваются удобрения, соблюдается норма высева.

— Петрович, время теряем! — взмолился тракторист Михаил Гудков.

— Не спеши, дело это торопыг не любит, — ответил бригадир, опять проверяя сеялку. Особенно придирчив был к агрегату сына с товарищами.

— Сеять надо в самый раз, не глубоко, не мелко, — пояснил он, — закопаешь зерно в землю — толку не будет, не сможет оно выбраться на вольный свет. Но и сверху положишь, в сухую землю, — тоже не дождешься хороших всходов. Без воды жизнь не проснется в зерне. Разве дождь поможет. Но на него никогда не надейся. Дождь — это Божья благодать, а тебе головой кумекать нужно.

— Дядь Семен, а правду говорят, что озимые умерли потому, что рано посеяли? — спросил один из ребят.

— Нет, сеяли в самый раз. Мороза хлеба не выдержали подо льдом. Он вздохнул и добавил:

— Дело наше хлеборобское больно рисково. Ты делаешь так, а природа тебе — раз, подножку. И держись хошь за воздух, хошь за себя самого. А растеряешься — так и вовсе на лопатки положит. Раньше в таких случаях, как у нас произошел, беда порой голодной смертью в дома приходила. Это сейчас мы богаты, да и воевать с погодой научились.

На второй день сева приехали из города в бригаду шефы. Тракторист — молодой краснощекий парень и три севца. Бригадир с каждым поговорил, поинтересовался, кто такие и имели ли дело с землей.

— Да ты не беспокойся, отец, — снисходительно сказал тракторист, — всё путем будет. Главное, — попить, поесть вовремя подвези.

— За этим дело не встанет, — ответил бригадир и снова, как и ребятам, объяснил, почему делать надо так, а не иначе.

На грузовой машине подъехал учетчик.

— Петрович, семян нет. Погрузчик на складе сломался. То есть не он, а света почему-то нет. Еще полкруга пройдут и встанут.

— Гони в деревню, собирай баб, ведра на складе есть. Вручную будем загружать. Стой! Если кто отказываться будет, скажи, что следом еду.

— Понял, — кивнул учетчик, и машина укатила.

— Дисциплина у вас, — усмехнулся городской тракторист, — как на фронте. Отдал приказ — и готово.

«Чего ты про фронт-то знаешь, малец, — подумал про себя Семен. — Там люди не по приказу, а по своей воле зачастую на смерть шли». Но вслух сказал:

— Дисциплина в поле — первейшее дело. Без нее никак нельзя. Хлеб — он строгость любит.

С соседнего поля быстрым шагом шел человек. Семен сел на телегу и тронул жеребца навстречу. Что-то и там не ладится, подумал. Оказалось, у сеялки обломился маркер. Опытный тракторист днем и без него может соблюсти прямолинейность сева, а вот ночью не уйдешь от огрехов. Нужна сварка, но она, как назло, где-то застряла.

— Поеду звонить, — сказал Семен, — а вы уж повнимательнее там.

Проезжая мимо поля, где работали школьники, остановился, прошел по краю, оглядел всё, замерил глубину заделки семян. Остался доволен: так, ребятки, добро, добро.

Уладив дело со сваркой, Семен заехал домой и сказал жене: «Свари-ка десятка три яиц, да молока приготовь. Вечером мужикам в поле отвезу». И снова поторопил жеребца. Часа два, как с поля уехал, как бы чего там... Но все агрегаты были в работе. Вошли мужики в дело. Теперь их беспокоить не надо. Даже сына не стал останавливать. Видел, старались ребята. Потеплело на сердце Семена: ишь, как уверенно развернулись, ровнёхонько прошлись сеялки, по самому краю поля. Кивнул одобрительно сыну: всех ко мне в бригаду — вот и смена.

Семен всё чаще и чаще стал думать над этим. Едет по полям да лесам, с детства знакомым и родным, и думает, думает. Здесь корень захаровского рода. И дедов и прадедов кормила эта земля. Много захаровского пота впитала она. А в 32-м и кровь приняла. Вон там, в черных воротах, встретили кулаки Семенова отца Петра Захарова и люто издевались над ним. Только через неделю нашли его в лесу в одной рубахе, покрытого кровавой ледяной коростой, исколотого, изрубленного.

Много было тогда в деревне Захаровых, дружно жили. Прознали, кто отца мучил. И заполыхали темной ночью два кулацких дома. А хозяин одного из них исчез. Думали, убежал, скрылся. Только по весне нашли на реке его труп со страшной раной на голове.

А вот опушка — здесь хороводы водили. Парни к девушкам приглядывались да невест выбирали. Вспоминает себя Семен молодым, плечистым. Силушка так и гуляла по телу, по рукам, по ногам. Крепкие мужики были Захаровы.

Большая да людная была деревня Камышовка. Два колхоза в ней умещалось — и тесно никому не было. Трудно, бывало, случалось, особенно в страду. А весело. Люду на току — поглядишь — сердце радость берет. А какие песни выводили.

А потом сделали укрупнение колхозов, потом реорганизацию МТС, потом еще что-то, еще, овец колхозных убрали, птицу, где-то школу среднюю закрыли, медпункт. Стала худеть деревня людьми. Нет бы пропойцы да лодыри уезжали, покидали родные места мужики смелые, справные хозяева, наперед умеющие заглянуть. А Захаровы как раз из таких. Словом, остался в деревне один Семен со своей семьей. Но трех старших сыновей тоже в город определил. Теперь вот очередь четвертого настала. Молчун он, любит землю, а всё равно уедет.

Думает Семен. Тоска легонько обнимает его и клонит седую голову. Многое он в жизни испытал и понял, а вот с одним душа никак смириться не может. Как же земля эта, лес, речка останутся одни, без Захаровых. Пусто будет ей. А к кому солнце поутру торопиться будет? Из старины тянулась жизнь и, на тебе, пропадет — оборвется. Да так, что и на могиле отца с матерью крест поправить некому станет. Не по себе Семену. Не старости боится, а мысли, что с ним уйдет всё, что веками переходило от дедов и отцов к сыновьям и внукам. И было это естественным течением жизни. Точно так же, как день сменяется ночью, а на смену зиме приходит весна. Что останется после меня? Вот и младший школу заканчивает ....

Втайне Семен не хотел, чтобы сын уехал в город вслед за братьями. Но и принуждать не хотел. Что толку? Коль сам решит? А добрый бы мужик вышел...

Да и то, продолжал думать Семен, старшие вон по городам расселись, всё, кажись, у них есть. А счастливы ли — Бог их знает. Двое-то чуть отпуск — сломя голову в деревню, и не оттащишь от крестьянских дел. Знать, чего-то особливого недостает им в городе.

На бугре Семен остановил жеребца. Отсюда поля, как на ладони. Семен насторожился. Наметанным взглядом сразу уловил неровные, неуверенные движения агрегата. При такой работе — огрехи на поле останутся.

Семен быстро пошел к загонке. То, что увидел, разозлило его до предела. Почти все семена лежали на поверхности. Трактор в это время почему-то вильнул и встал. Семен вскочил в телегу и хлестнул жеребца. Рысью, раскидывая комья земли, понеслись к агрегату.

Увидев за стеклом кабины красное, глуповато улыбающееся лицо, Семен всё понял. Открыл кабину и почти вырвал парня из-за рычагов. В лицо пахнуло свежим винным запахом.

— Успел? — угрюмо спросил бригадир.

— День рождения, папаша. Все мы человеки, маленько пропустили, — не обратив внимания на твердо сжатые губы бригадира, ответил парень.

Семен долго и тяжело смотрел на него.

— Женат?

— Ага. Прошлой осенью окольцевали.

— На свадьбе водку пил?

Парень, не понимая, к чему вопрос, протянул:

— Не-е-т.

— А почему? — допытывался бригадир.

— Да мать с тещей не давали. Говорили, чтоб дураков не наделать, — развязно ответил парень. Бригадир вплотную шагнул к нему и выдавил:

— А хлеб... хлеб, ты думаешь, по пьянке можно родить? А?!

Парень попятился, поняв наконец, что шутки плохи.

— Вон с поля, сукин сын! — яростно крикнул Семен, подняв кнут.

— Бригадир, — раздалось сзади, — драться не дадим! Семен опустил кнут, выключил мотор и в наступившей тишине сказал:

— Все с поля. Чтобы глаза вас не видели. Спустя полчаса Семен снова был в деревне.

— Ну, Петро. Хотя бы часов пять, а там я тебя сам подменю, — упрашивал он старого механизатора Бычкова.

— Да говорю тебе — спина отваливается, так и стреляет в поясницу, — ответил тот.

— Я тебя подушками обложу — только рычагами двигай. Чего смеешься? Как говорю, так и сделаю, — пошутил бригадир и тихо добавил: — Земля, Иван, сохнет... Помоги...

И встрепенулся Иван от этих слов. Кряхтя, намотал портянки и стал надевать сапоги.

— Эх, дожились! И поболеть не от кого, — ворчал он, надевая старую выгоревшую, но чисто выстиранную фуфайку.

Все агрегаты до поздней ночи ходили по полям, освещая землю огнями фар. Сменив, как и обещал, Ивана, Семен сел за рычаги. Привычно и послушно трактор пошел по загонке. Семен изредка подправлял его, отмечая, что Иван вел агрегат, словно по линейке.

Потихоньку улеглось всё в душе бригадира, успокоилось. Даже тихая радость появилась, оттого что на соседнем поле работает Сёмка, его плечистый молчаливый сын. Работает четырнадцатый час кряду, работает, как и полагается мужику из рода Захаровых. Без нытья, без лишних разговоров. До упаду. А за ним и друзья крепятся, не отстают. Поднимутся ли по утру? Молоды еще...

А потру поднялся в доме бригадира крик да шум. Семен в нательной рубашке сидел на сундуке и хмуро слушал разошедшихся не в меру деревенских баб. Хотел было приструнить их, но заметил в окно, что, переминаясь с ноги на ногу и переговариваясь, стоят у крыльца мужики — отцы тех, кто работал с сыном в поле. Продолжал слушать.

— Кто тебе права дал детей из школы забирать? Кто? — налетала Степанида Урядова.

— Испытания на носу, а они не учатся, — вторила лучшая доярка, розовощекая Татьяна Баскакова.

— А чего ему, троих в городе пристроил и этому, поди-ка, место припас, а нашим говорит, в колхоз пойдем.

— А я своему такой колхоз дам! Хватит, сами помучились, наломались. Хоть дети по-человечески поживут, — добавила телятница Серафима Баукова.

— Заработалась, едрена корень, — не стерпел Семен. — В жизнь минимум выходов не имела.

В дом вошли мужики, оттесняя разошедшихся баб...

— Чё кричите, — урезал их скотник Петр Урядов, — ну чё кричите. Всех собак спозаранку взбаламутили. А ты, Семен, ребятишек-то отдай снова в школу, не принуждай их в колхоз. Вон свово агитируй. Небось, не захочешь, чтобы на трактор сел.

Семен пристально посмотрел на мужиков и стукнул кулаком по столу.

— А вот его самого и спросим. Чего нам за сынов решать? Он вона какой, под матку не проходит. Ну, Семка, говори свое слово. Куда жизнь направишь? Не стесняйся, корить не стану...

И дождался Семен сердечного ответа: коротко и твердо сказал Семка, как отрезал:

— Я с тобой, отец.

Потеплели глаза Семена. Круто повернул он голову к мужикам:

— Ну, слыхали? А сынов своих землей не стращайте. Она окромя добра никому плохого не сделала.

Когда недовольные гости ушли, жена Семена Марфа со вдохом произнесла в тишине:

— Сам всю жизнюшку покоя не знал с этой землей-то, и сына туда же.

Семен огрызнулся:

— А на кой хрен он нужен, покой-то! Сама знаешь, день просижу без дела — так душа и крутит. Всё не по мне, всё не так. Думаешь, у меня за Семку душа не болит? Эх, мать...

На дворе залаяла собака. Семен вышел на крыльцо. Четверо городских механизаторов, понурив головы, стояли молча.

— Похмелиться пришли? — съязвил Семен.

— Да нет, мы на работу...

— Мать, — крикнул бригадир, — налей-ка ребятам по кружке молока, а то они зеленые с похмелуги, — и закончил: — Рассажу вас по агрегатам со своими мужиками. Может, вы и хорошие ребята, да больно крепко споткнулись. Вот так. Хлеб растить — дело рискованное. А рисковать надо на трезвую башку.

И шли они рядышком под крики петухов и пробуждающихся птиц. Шли по влажной, отпотевшей за ночь духовитой земле. Отец и сын. Шли делать рисковое и сладкое мужское дело — растить хлеб. И оба были горды и счастливы душой.

Тут бы и сказу конец. Да язык не поворачивается умолчать... Словом, года полтора спустя опалила Семена страшная беда. Из далекого Афганистана привезли в Камышовку цинковый гроб. Погиб Сёмка... Когда младший сержант Захаров остался один в живых из разведгруппы, ему предложили сдаться. Да, видимо, встала дыбом душа у солдата, закипела бесстрашным огнем. И шагнул он навстречу врагам. Неравная и жестокая была рукопашная...

А следом покинула белый свет жена Марфушка. Не захотело материнское сердечко жить без любимого младшенького. И тихонько остановилось темной ноченькой.

А Семен выжил. Не пришел, видать, его черед. Только стал замороженный какой-то, как не в себе. Порой и вопроса не услышит, и ответа не даст. Из бригадиров ушел. Поставили его объездчиком, чтоб при деле, на глазах был. Звали старшие сыновья к себе в город — не поехал. Тута, говорит, моя доля. Куды я от нее? Эх, долюшка-доля...

г. Саратов

Эвелина АЗАЕВА

ГАЗ И ПУШКИН

РАССКАЗ

В редакцию эмигрантской газеты «Русский Запад», зашел простодушного вида мужичок, чтобы дать объявление о том, что он занимается грузоперевозками. Работа в редакции шла полным ходом. Создавались нехитрого дизайна рекламные объявления, а меж ними вставлялись ворованные из российской прессы заметки. Ну, это чтобы рекламный буклет выдать за газету. Издатель Данила Чмаковский всем говорил, что он журналист и член Союза писателей. Диплома и статей его никто не видел, но верили. Дыма ведь без огня не бывает.

В эмиграции редко встретишь простого человека. Половина — кандидаты наук, половина — бывшие генеральные директора. Как в СССР помещалось такое количество высокообразованного начальства — непонятно. И главное, встретишь такого — нипочем не поймешь, что образован. Пишет он обычно «мебелированная квартира», «в ообщем», а говорит «шо» и «шобы», но снисходительно посмеивается: «Это у нас русский уже ушел, а английский еще не пришел».

Вот и у Чмаковского, который выбрал для себя называться журналистом и писателем, русский язык не просто ушел, а сбежал как неверная жена с цыганом.

— Ты этой *клизьме* звонила? — спрашивал он рекламного агента Цыпкина. — Ну, той, что стельками ортопедическими торгует.

— Сказала, скоро сделает пеймент *(payment — оплата).* Я ее предупредил, что если не оплатит, то мы заканселим ее рекламу.

— Не заканселим, а канселлируем! *(cancel — отменить)* — возмутился Чмаковский. — Говори по-русски!

Раздосадованно он вперился взглядом в экран висящего на стене телевизора. Показывали фильм о принцессе Диане. Издатель долго, молча смотрел.

— Шо она за человек? — наконец, возмутился. — Такой кипиш развела вокруг измены мужа... Я бы на ее месте пришел к королеве и сказал прямо: «Мама, шо происходит?! Мама!»

Новенькая сотрудница, всего месяц назад приехавшая из Омска, и даже еще не получившая вида на жительство, отвернулась, улыбаясь.

— Смеешься? — нахмурился Данила. — Погоди, я вот в министерство иммиграции напишу, и тебя, *клизьму*, живо отсюда выставят...

Сотрудница сжалась. Остальные с насмешкой на нее посмотрели. Они узнали тайну — то, что она без канадских документов, и теперь, если что пойдет не так, могут стукнуть.

В Канаде гражданская сознательность поощряется. Увидел что где не так, сообщи. Если кто не по средствам живет — в налоговую. Если кто с женой громко ругается — в полицию. Так как домашнее насилие налицо. А можно туда и сюда, если человек очень уж не нравится. Удобно!

— Почему вы так со мной разговариваете? — спросила девушка.

— Да потому что я говно! И все знают, что я говно! — взорвался Чмаковский.

Это ее заметно успокоило. Совпало с предположениями.

— Это ты в России была журналистом, а здесь ты никто, поняла? — пояснил издатель. Он подошел к столу и взял лежавшую на нем свою газету. Она недавно потолстела на восемь страниц.

— Вот это я понимаю! Берешь в руки — маешь вестч! — сказал Чмаковский, взвешивая газету на руке.

В дверном проеме нарисовалась Фаина Рататуйская. Пожилая дама с пышной рыжей гривой, обильным

макияжем, в норковой шубе до пят; занималась тем, что привозила в Канаду артистов из России.

Фаина была пожилая, циничная и бесстыжая. Новенькая сотрудница однажды по доброте душевной отпечатала Фаине текст объявления, так Фая стала приходить к ней с бумагами каждый день, совать их под нос, а когда получила отказ, побежала жаловаться Чмаковскому. Тот на что уж самодур, но канадские законы, что нельзя заставлять человека бесплатно трудиться, усвоил. И послал Файку подальше.

Вот и сейчас Фаине грозило уйти по направлению. Чмаковский был не в духе. И поскольку Рататуйская платила за рекламу не деньгами, а билетами на концерты, церемониться с ней не стал.

— Фая, вымойте писю и уходите! — рявкнул.

Фаина не обиделась. Вот еще... Обижаться — невыгодно. Дура она, что ли — обижаться? Нет, она будет юзать, юзать и юзать этого придурка. *(Use — использовать).*

Как ни в чем не бывало, она влипла глазами в первую страницу номера, которую верстал дизайнер, не меньший хам, чем его босс.

— Плохи дела в Рашке? — примирительным тоном поинтересовалась Фаина. Дизайнер не ответил. Он отвечал только тем, перед кем стелился издатель. Дизайнер был лакей, но не знал об этом.

Как всякий эмигрантский дизайнер, он занимался не только версткой, но и подбором заметок в газету. Делать это было легко. Заметки, поскольку воровали их из российской прессы, были в основном о России или о том за её границами, что для нее важно. И отбирались по принципу «о родине плохо или ничего». Это было обычной эмигрантской практикой с конца семидесятых… Хвалить «бывшую Родину» считалось — себя не уважать. Коммунист ты, что ли? Или квасной патриот? Нет, ну понятно, канадцы — патриоты или там американцы. Им есть что любить! А что может любить в своей стране «совок»? Свою бедность и идейность? Мы вас умоляем!

Признавалось иногда за «шотом» водки, что там, в оставленной медвежьей стране, было и что-то приятное — женщины, селедка, природа... Но тут же подчеркивалось, что это не благодаря, а вопреки... Случайно Рашке досталось. Дуракам — счастье.

Есть еще причина, по которой говорить о родине хорошо не хотелось. Ведь если признать, что там было хорошо, то, спрашивается, что ты тут, в Канаде, делаешь?

В эпоху СССР и перестройки жить с ненавистью к оставленным палестинам было отрадно. Это чувство вовсю приветствовалось и отражение его на страницах и в эфире «медиа» (так себя обозначили издающие газеты и купившие телеканалы владельцы мясных лавок и бывшие сотрудники Фонда Сороса) было признаком продвинутости. Но в девяностые понаехали из России новые эмигранты и смешали карты. Они отличались непонятной старожилам беспринципностью: уехав из России, продолжали ее любить.

— Какое лицемерие! — восклицала бывшая киевлянка, журналистка Кира Пилипецкая, дочитывая до корки издание из «новеньких» с бесстыдным, гулаговским названием «Правда». Серое, изможденное долгим, рабским, малооплачиваемым трудом лицо Киры становилось серее обычного. — Это невозможно читать! И кому эта «Кривда» нравится? Я каждую пятницу по прочтении непременно бросаю ее в мусор. И даже поджигаю. На каждой странице, в каждой статье у них только и сквозит, какая Россия великая страна…

— А если забрать у них нефть и газ, так что с той России будет? — подсказал рекламный агент Цыпкин.

— Именно! — загорелись глаза у Пилипецкой. — Только это Рашку и спасает! Шантажируют всех! А что у них есть, кроме Толстого да Достоевского? Им и гордиться-то нечем! Я читала, что Толстой был гомосексуалистом, а Достоевский — педофилом. Конечно, в том чтобы быть гомосексуалистом, ничего стыдного нет, но вот сам факт...

Забредший дать объявление в классифайд *(мелкие частные объявления)* перевозчик грузов Костя растерялся. В России он работал учителем истории и не представлял себе, что в редакциях могут идти такие споры.

— Достоевского вообще всего запретить надо, антисемита, — сказал Цыпкин. — Нет, я не могу понять, чем Россия гордится? Широтами, часовыми поясами, расстояниями… А коли забрать у нее всё это? Что останется? Пшик.

— А гонору-то в них сколько! — поддержал дизайнер. — Не могу понять, что в русских великого. Отбери у них, то есть у нас, Пушкина, и что? Всё. Ничего в России больше и не было. Газ да Пушкин.

— Балетом еще они гордятся, — вставила Пилипецкая. — Балет надо отобрать.

— Зачем? — спросил из своего угла грузчик-учитель Костя. На него посмотрели с удивлением, спросили, какого

размера у него объявление, и узнав, что это классифайд, потеряли интерес.

— У нас еще великие победы! — заявил Костя, положив на стол чек и бумажку с текстом объявления. — Над Мамаем и шведами, над Наполеоном и Гитлером...

— Оооооо! — взвыли газетные. — Уууууу! Не было у вас никаких побед! У татар вы в рабстве пребывали, наполеоновскую армию поморозили в лесах, а Гитлер... Гитлер...

— Я читала, он в Аргентине в 103 года скончался от вагинального сифилиса, — сказала Пилипецкая.

— А как он туда попал?

— Гитлер в Аргентину?

— Нет, сифилис в вагину к 103-летнему мужчине, — пояснил заинтересованно дизайнер. — Тем более, что у него и вагины не было.

— У антисемитов всё может быть — и вагина, и сифилис, — буркнула Пилипецкая, раздумывая: а правда, как сифилис туда попал?

— Гитлера мясом завалили, — покончил спор Цыпкин. — У России слишком много народу, она его на Гитлера навалила, тому и кранты. А никакие не подвиги...

Тут на пороге офиса появились ветераны. Глухие, они не расслышали последнего заявления, потому лица их излучали радость от скорой встречи с «медиа».

— Вы нам объявленьице дадите о встрече ветеранов в годовщину Сталинградской битвы? — спросил Арон Яковлевич Левин, руководитель Канадской Ассоциации ветеранов войны из СССР, ласково глядя на Цыпкина.

— Конечно, какие вопросы! — всплеснул тот руками. — Победителям не отказываем! Мы в вечном долгу.

Растроганные ветераны, утирая слезы, ушли.

— Какое мы вырастили поколение! Не зря кровь проливали, — бормотал Левин.

— Лучше бы они Рашку Гитлеру сдали, — заметила Пилипецкая, когда за стариками закрылась дверь. — За что, спрашивается, вот эти сражались? За кровавую гэбню?

— Еще у России знаете, что надо забрать? — задумчиво теребил бородку дизайнер. — Произведения искусства. Сколько их там скопилось! Эрмитаж, Грановитая палата… Заедешь случайно в какой-то вшивый Плёс, а там — музей пейзажа… Никакой скромности. Всё наворованное у немцев при бомбежках Берлина и Дрездена! Да! Я в нашей же газете и читал, помните, Кира, вы интервью делали с бывшим

эсэсовцем? Он так и сказал: «Россия еще с нами не рассчиталась». Здорово вы нам глаза раскрыли. Забрать картины! Будет компенсация за коммунизм.

— О! — глядевшая в монитор компьютера Пилипецкая всплеснула бледными, худыми руками. — В США предлагают взять Путина себе в президенты. Говорят, он Россию ведет твердой рукой и их, мол, из кризиса вытащит. Совсем спятили, окорочков объелись...

— И Путина у них забрать! — сказал Цыпкин. — Что они без Путина? Сплошное разграбление, как при Ельцине, и криминальный беспредел.

— А зачем такой тиран Америке? — поджала сиреневые губы Пилипецкая. К Путину у нее были личные счеты. Ее муж когда-то в России сидел на газовой трубе. Совсем недолго, но и того хватило, чтобы по приезде в Канаду Пилипецкие сразу купили роскошный дом и наняли домработницу, садовника и водителя. Деньги положили под хорошие проценты в разные надежные канадские банки. Думали, поживут, отдохнут, и снова муж поедет в «Рашку», подзаработает.

Но пришёл Путин. И Пилипецкого к трубе не подпустили. Да еще в Канаде жизнь пошла наперекосяк. Правительство обвинило нового иммигранта в отмывании средств, счета арестовали, вопрос о получении гражданства завис… Жили на птичьих правах, обслугу уволили, и пришлось даже трудиться. Это было оскорбительно. Глядя по телевизору, как жирует московская знать, Кира плакала злыми слезами.

Но обидно было еще и то, что ей как женщине Путин нравился. Она не сразу это в себе обнаружила. А только когда он ей приснился с обнаженным торсом, голубыми властными глазами и длинной удочкой. Путин бросил удочку и сильными руками обнял ее, Киры, сухонькое тело, отбросил ей со лба седеющую прядь и впился в губы. А потом смотрел ей в лицо, усмехаясь. Кира аж с кровати подскочила.

Надеялась, что это единичный случай. Но российский президент продолжал сниться. То он был в бушлате, то в кимоно, а чаще — с обнаженным торсом. Кира просыпалась и начинала хныкать в подушку, так стыдно ей было перед мужем за низменную тягу.

— Они еще своим народом гордятся, — сказал Цыпкин. — Алкашами этими. Кого ни возьми — алкаш. Куприн, Мусоргский … Всякими еще своими Сусаниными в лицо тычут, Кулибиными, Левшами, которые какую-то вошь подковали... А зачем вошь ковать? Ты лучше

парикмахерскую открой или ателье. Вот этих всех у них забрать, и кто останется?.. Однако баста, ребята, давайте работать. Так... все издания пошерстили... «Новую газету», «Коммерсант», а... ага... По 15 газетам прошлись? Молодца!

— Газеты у них еще надо забрать, — сказал дизайнер.

— Нет, газеты нельзя, — серьезно заметил Цыпкин. — Без их газет мы что будем делать? Сами, что ли, писать?

— Да, газеты им надо оставить, — согласилась Пилипецкая и приступила к написанию собственной заметки под названием «Не верьте русским. Они все — агенты КГБ».

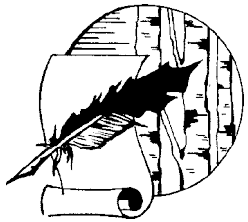
— Шо происходит? — вышел из своего кабинета Чмаковский. — За шо я вам плачу? Или тут компания, или богадельня?

Он слышал разговор, дверь его кабинета была закрыта неплотно. Сотрудники погрузились в дела.

На следующий день грузчик Костя был немало удивлен, увидев редакцию в полном составе в так называемом «Русском Белогвардейском Обществе». Это самое общество, состоящее из бабушек и примкнувших к ним новых русских эмигрантов, родство с Россией помнящих, праздновало в одном из особняков центра города Масленицу. Вот там и сидел за столом Чмаковский со товарищи, наслаждаясь халявным обедом. В конце, утерев губы от масла, которым обильно были смазаны блины с икрой, издатель так расчувствовался, что расцеловал сидящих вокруг него священников.

«И блины, блины с икрой у них забрать, тогда точно у России ничего не останется», — подумал Чмаковский, идя к своему автомобилю.

г. Санкт-Петербург

Иван НЕЧИПОРУК

ХРУПКОЕ МГНОВЕНЬЕ

ГОРЛОВСКАЯ ВЕСНА

Отцвели форзиции,
Сдав свои позиции:
У весны ротация — зацвела сирень.
Но безлюдны улицы,
Поднебесье хмурится,
Здесь автоматически человек — мишень.

Старой бесприданницей
Ходит смерть и мается,
Косит одуванчики, топчет зеленя.
А мои окраины
Биты и изранены
Плачутся околицы в фосфорных огнях.

А весна не ленится,
Всё цветёт и пенится,
Что ей до погибельных огненосных дней?
И с предельной грацией
Кружится в акациях.
Всё по расписанию даже на войне…

ГОРОДА, КОТОРЫХ…

Казалось — сон, казалось — бред,
Но эта боль весьма серьёзна!
Горят кварталы на просвет,
Сквозь крыши в душу смотрят звёзды…
Спеши писать, пока не поздно,
О городах, которых нет.

Они, рассыпанные в прах,
Пока на картах и в активах,
И в плотных наградных листах.
Но смерть привносит коррективы,
Их жизнь фантомна, память лжива,
Покоя нет. И только страх

Горит в отчаянном огне
Средь городов, которых нет.

С БОЛЬШАКА

С большака сворачивай направо
И шагай-ка вдоль березняка.
Чувствуешь? — становится легка
Ноша жизни. Зелена отава,
Песня света льётся, как река!

Этот путь давно тобою избран:
Клевер справа, а напротив — рожь.
Солнце, словно раскалённый грош
Колесом прокатится по избам,
Перепрыгнув через тонкий Сож.

Это лето! Это мир смеётся,
Здесь всё так же пашут и поют…
В васильково-злаковом краю
Ты постой у старого колодца,
Ощути Вселенную свою.

ВЕЧЕРНЕ-ПРЕДЗАКАТНОЕ

Нутро ведра осколками забито,
Скрипит сосед, спеша на свалку дня.
Судьбы мирской расколото корыто,
Посёлок тонет в розовых огнях.

Сады цветут в беззвучном ожиданье,
Что вдруг цветком созреет слово «мир»,
Но мчится время быстрокрылой ланью,
И звуки взрывов снова рвут эфир.

Вновь над посёлком облака клубятся,
Вплетается в них чёрная тоска.
И жители спешат домой убраться —
Под вечер канонада так близка.

Закат багрит курганы терриконов,
И стекленеет поднебесья твердь.
Война не признаёт чужих законов:
И сеет бурю, пожиная смерть.

ПРИШЁЛ ИЮНЬ

Пришёл июнь, рождается жара,
Цветёт чубушник в раненых дворах.
И нет надежды на дожди и грозы.
А по следам за мною ходит страх,
Который знает — это не игра,
А вынужденный шаг к метаморфозам.

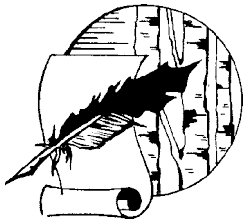
Но тишина рептилией в жару,
Подставив спину солнцу поутру,
В себя вбирает умиротворенье.
На миг забыв войны порочный круг,
Мне верить очень хочется: а вдруг
Продлится это хрупкое мгновенье!

О ДОНБАССЕ

Путь мой до конца ещё не ясен.
Жизнь бродяжья сединою красит,
А терзания мои на самом дне.
Все мои тревоги о Донбассе,
С мыслями о горловской весне.

Дни мои колючей и упрямей,
Словно снова брошен в воду камень,
Проплывают годы-корабли…
Я живу торецкими степями,
Образами выжженной земли.

г. Горловка, Донбасс

Валентина КОРОСТЕЛЁВА

ОТ ПУШКИНА И БОГА

ЕЩЁ НЕ ВСЁ ДУШОЙ ВОСПЕТО

Уже не так спешат рассветы,
В природе зреет поворот...
Не пропустить бы вовсе лета
В пылу эмоций и забот.

Ещё не всё душой воспето,
И радость плавится в груди,
Ещё надеюсь на рассветы,
Где сны и тёплые дожди.

Вовсю дышать, легко смеяться,
Встречать надежды корабли,
Ещё так хочется набраться
И сил, и веры, и любви...

ЛИШЬ ЯЗЫК…

Хорошо росистым вечерком…
Но и жизнь не в радость, глянешь только,
Что творят с родимым языком
Всякие варяги и подонки.

Сиротливо мается Парнас,
И в ухабах вечная дорога…
Ничего итак уж нет у нас.
Лишь язык — от Пушкина и Бога.

ПРОРОЧАТ РОССИИ…

Пророчат России конец на веку…
А я согласиться никак не могу.
Неужто придёт в самом деле конец
Душевной красе деревенских крылец?

Неужто — подумайте! — в Лету уйдёт
Тот самый победный, тот памятный год,
Тот истовый праздник мильонов сердец, —
И вздрогнет в далёкой могиле отец!

Поют соловьи и цветут тополя,
Страдает и любит родная земля…
И ты, вековая надежда, Москва,
Воспомни высокие сердца слова,
И плечи расправь, и в пути не устань,
И дивной красой перед миром предстань!

ЖДУ ПИСЬМА

Нет ни солнца, ни радости. Пусть.
И сковала предательски грусть.
Жду письма, жду письма, не дождусь,
Всё напрасно, за что ни возьмусь.

Жду письма. Хоть словечко одно!
Хоть синичка в холодной руке,
Хоть картинка всего, не кино,
Хоть один сердолик на песке!

Жду письма, все дела — на нуле,
Ожидание — пытке сродни.
Лишь рисует мороз на стекле
Уходящие серые дни…

ЗА ЗЕМЛЮ НАШУ

Под вечер солнце в окна светит —
Спокойно, ласково вполне…
Есть уголки ещё на свете,
Где лес и птицы в тишине.

Здесь ход природы не нарушен,
Живёт всё ладно, не спеша,
И солнце точно нежит душу —
Конечно, если есть душа.

А войны в мире громыхают,
Их затевает тот, кто глух
И к животворным всплескам мая,
И к песням горестных старух.

Они планете роют яму,
У них язык, как нож, остёр,
Над их душой давно уж дьявол
Сеть ядовитую простёр…

Сбирайтесь, люди! Всё быть может:
Закат не светит, а горит…
И, коль не мы, то кто же, кто же
За землю нашу постоит?..

* * *

Творить добро — да это ж сердцу сладко,
И к чёрту наущения молвы,
И что там ни пиши, в сухом остатке —
Заветы Божьи всё-таки правы.

Подругу заболевшую проведать,
Простить соседку дерзкую, любя…
Приятное, друзья, приятно делать —
Так не обделим радостью себя!

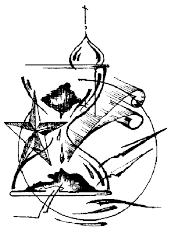
г. Балашиха Московской обл.

Валерий ГАБРУСЕНКО

СОЦИАЛИЗМ: «ЗА» И «ПРОТИВ»

К. Маркс разделил мировую историю на этапы по принципу производственных отношений: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и вершина развития человечества — бесклассовый коммунистический (социалистический) строй. Как писал самый верный ученик Маркса и самый преданный его сторонник В.И. Ленин, социализм «происходит из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действия такой общественной силы, которая рождается капитализмом». Он же писал: «Победа коммунизма неизбежна».

Оказалось, однако, что в древности был еще один строй, который был бесклассовым и строго соответствовал основополагающему принципу социализма: «От каждого по способностям, каждому по труду». Одни называют его «азиатским способом производства», другие — «первобытным социализмом», третьи — «патриархальным социализмом». И происходил этот строй не из капиталистического, а из первобытно-общинного строя. Понимая, что вся стройная

иерархия его «научной теории» рассыпается, К. Маркс (с активной помощью Ф. Энгельса) старался всякими способами, в том числе и жульническими, обойти возникшее препятствие, а советские историки без зазрения совести относили этот строй к рабовладельческому — лишь бы угодить «вечно живому учению».

Этот строй существовал в Древнем Египте, Месопотамии (Шумер и Аккад), в Доколумбовой Америке (империи инков и ацтеков), в Китае и ряде других стран. Различаясь отдельными деталями, он имел ряд общих черт. Практически вся экономика — земля и ее плоды, материалы и ремесленные изделия из них, водные пути и транспорт — принадлежали государству в лице царя (фараона, императора), который считался божеством. Труд был коллективный, но вовсе не из идейных, а из сугубо практических побуждений. Большинство государств находилось в зонах орошаемого земледелия, требующего грандиозных ирригационных сооружений, для возведения которых были необходимы большие, хорошо организованные людские массы.

По мере укрепления власти монарха и централизации управления коллективный труд переходил и на другие области экономики — сельское хозяйство, строительство дорог, храмов, дворцов, пирамид, крепостей (в их числе была и Великая китайская стена). Например, в Древнем Египте и Месопотамии трудовое население работало по принципу трудовых армий, которые состояли из более мелких подразделений (разной численности, в зависимости от объемов работ) и могли перебрасываться с одного «трудового фронта» на другой. Сельские отряды получали из «госрезервов» семена и рабочий скот и туда же сдавали выращенную продукцию. Ремесленники были тоже объединены в отряды (типа гильдий). Государство выдавало им материалы и забирало готовые изделия. Питание и одежду члены всех отрядов и их начальники получали от государства «по труду». Руководили отрядами чиновники разного уровня, они несли полную ответственность за результаты работы и получали, понятно, побольше. Учет расходов и доходов и учет трудовых ресурсов был поставлен на высшем уровне. Ответственность несли и губернаторы (номархи) за дела в своих губерниях. Чиновники высшего ранга составляли правительство, которое, как и любое правительство, занималось вопросами государственной экономики, обороны, внутренней и внешний политики.

Рабским такой труд назвать нельзя — у людей была свобода, пусть и ограниченная. Рабы тоже были, но состояли они преимущественно из военнопленных либо из своих граждан, осужденных за преступления, но существенного вклада в экономику они не вносили. При всей простоте производственных отношений в древних государствах были высоко развиты архитектурное и изобразительное искусство и наука — прежде всего математика, астрономия, строительное дело и растениеводство, которой занимались жрецы в храмах. В частности, 12-ричная система счета (12 месяцев в году, 24 часа в сутках) до нас дошла из Древней Месопотамии, а «египетский треугольник» — из Древнего Египта. Таким образом, перечисленные государства были хотя и сословными, но бесклассовыми — единственным «эксплуататором» там был царь (император, фараон), т.е. само государство.

Это — из истории практического социализма. А что было в теории? Ленин в своей дореволюционной работе «Три источника и три составных части марксизма» (выражение «составных части» в то время, наверное, не считалось безграмотным) написал, во-первых, что «учение Маркса всесильно, потому что оно верно» (аргумент убийственный! Можно и наоборот: «верно, потому что всесильно»), а, во-вторых, что марксизм есть «законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма».

XX век показал, что учение Маркса не всесильно, не верно и уж совсем не «научно». Но остановимся не на этом, а на одной его составной части — французском социализме, который Ленин назвал утопическим, т.е. реально неосуществимым. Неосуществимым потому, что утописты, по мнению Ленина, не указали путь к социализму — классовую борьбу. Это сделал Маркс. Однако сам социалистический строй, предлагаемый социалистами-утопистами, Ленин не отвергал. Что же это был за строй?

Социалистические идеи как реакция на имущественное неравенство, эксплуатацию и социальную несправедливость появились в глубокой древности. Первым, кто их достаточно системно изложил, был древнегреческий философ Платон. В книге «Государство», написанной в форме диалога (вопрос — ответ), он рассмотрел несколько систем государственного строя и в качестве идеального определил аристократию — «власть лучших». «Лучшими» он назвал философов, людей

высоконравственных и с особо выдающимися умственными качествами, владеющих знаниями в разных областях государственного управления — политике, экономике, дипломатии, военном деле.

В этом государстве, кроме аристократии, предусматривалось еще два сословия — стражи и самое низшее — земледельцы и ремесленники. Третьему сословию Платон внимания не уделил и никаким регламентом не ограничил, а вот о стражах написал подробно. У них должна быть общность имущества, отсутствие всякой частной собственности, «кроме своего тела». Труд сословия стражей распределяется по способностям. Каждый пожизненно прикрепляется к своей профессии, «не отвлекаясь ни на что другое». Смена профессии исключается.

«Стражи живут сообща и питаются все вместе, один раз в год, получая продовольствие от земледельцев, которых стражи охраняют». Женщины и дети тоже являются общими, но неупорядоченные половые отношения запрещены, и потому общность жён — не буквальная. Деторождение регулируется государством с целью отбора лучших, получения здорового потомства. С этой целью лучшие совокупляются с лучшими, а худшие с худшими. Потомство худших уничтожается, а потомство лучших воспитывается государством. Женщине разрешается иметь детей с 20 до 40 лет, мужчине с 25 до 55 лет. Дети, рождённые вне этих рамок, уничтожаются. Особые лица воспитывают детей стражей всех вместе, в итоге дети не знают родителей, а родители детей. Платон, конечно, не знал, что воспитанные таким способом дети отстают в своем развитии уже на третьем году жизни. Но Маркс-то, наверное, знал (о нём ниже) — наука к тому времени шагнула далеко вперед.

Граждане этого государства — братья, но они не равны, так как боги, творя людей в недрах Земли, примешали одним золото, другим серебро, третьим медь или железо. Однако неравенство это не наследственное, социальный «лифт» существует. По результатам сдачи выпускных школьных экзаменов способные дети стражей могут переходить в правящее сословие, а неспособные дети правителей — в сословие стражей.

Провозглашается здоровый образ жизни, активные занятия гимнастикой, в результате чего медицина теряет свое значение: кто болен, «не способен жить», того незачем лечить, а людей с порочной душой и неизлечимыми болезнями врачи сами умертвляют.

Социализм, надо признаться, жутковатый, с полным подавлением личности, с тираническими законами и с очень жесткой цензурой. Разрешаются только мифы, воспитывающие здоровый дух и преданность государству. Всё иное, в том числе Гомер, отменяется (знакомая картина!). За отбором произведений искусства следят стражи.

Интересно то, что книга Платона была написана после падения Афин в Пелопоннесской войне, результатом чего стало уничтожение афинской демократии, небывалое расслоение населения и безудержная эксплуатация низов, когда социальная несправедливость резко обострилась. Высказанные Платоном идеи социализма нашли свое продолжение в комедиях Аристофана и в более поздней литературе древних греков.

Следующее литературное произведение, оставившее яркий след в истории социализма, было создано почти через две тысячи лет, в 1516 году, в эпоху Раннего Возрождения. Это книга видного английского государственного деятеля (лорд-канцлера), писателя-гуманиста Томаса Мора (1478—1535) «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» или просто «Утопия» (букв. — «Идеальное место»). Написана она была на латинском языке в период начавшегося в Англии «огораживания» (разрушения сельских общин и сгона крестьян с земли для использования ее лендлордами под овцеводство), приведшего к ужасающей нищете основной массы населения. Это обстоятельство привело Мора к мысли о том, что источник всех пороков и бедствий — деньги и частная собственность.

На «острове» Т. Мора 54 абсолютно одинаковых города, с одинаковой планировкой, домами и улицами: «кто знает хотя бы один город, тот узнает все города Утопии» (это нам немного знакомо). В каждом городе по 6 тыс. семей, в каждой семье по 10—16 взрослых, т.е. население города — порядка 100 тысяч человек. Каждая семья занимается определенным ремеслом, а пригородные земледельцы образуют «сельские семьи», в которых каждый горожанин, достигший совершеннолетия, обязан отработать не менее двух лет.

Власть в Утопии выборная. Ежегодно из 30 семей избирается «отец» — филарх (букв. — любимый старший). 10 филархов избирают из числа ученых старшего над ними (протофиларха), а на вершине стоит князь (адем), которого филархи избирают из кандидатов, предложенных народом, и который получает пожизненную власть (если только не

проштрафится по-крупному). Наиболее важные решения принимают народные собрания, они же избирают должностных лиц (чиновников) и заслушивают их отчеты.

В отличие от Платона Мор семью сохранил, но в остальном жизнь утопийцев регламентировал тоже строго. Денег в Утопии нет, товары люди получают с государственных складов по потребностям (учитывая возвышенную скромность утопийцев, потребности их весьма скромны). Все люди там равны (но филархи и протофилархи, надо полагать, «равнее»). Все обязательно трудятся по 6 часов в день под надзором старших, а освобождаются от трудовой повинности чиновники и те, кого чиновники направляют «для прохождения наук». Остальное время жители проводят в культурном досуге — занимаются искусствами, слушают научные лекции и т.п.

У всех одежда одинакового цвета, покрой различается только у мужчин и женщин. Двери их домов не закрываются, и посторонний может входить в них беспрепятственно. Чтобы попасть в другой город, нужно письменное разрешение князя с указанием даты возвращения (это хорошо знакомо нашим крестьянам в период с 1932 по 1974 г.). Если кто-то вышел без разрешения, того возвращают как беглого и жестоко наказывают, а за вторичное нарушение закона обращают в рабство.

Равенство равенством, но рабы, закованные в цепи, в Утопии тоже есть. Это не только «беглые», но и военнопленные, и выкупленные из других городов преступники, приговоренные там к казни, и свои правонарушители. Кто-то же должен выполнять самые тяжелые и грязные работы!

Еще через сотню лет, в 1623 г., в эпоху Позднего Возрождения, на латинском языке была издана книга «Город Солнца» доминиканского монаха Томмазо Кампанеллы (1569—1639). Главная идея у него та же, что у Платона и Мора — вред денег и частной собственности, но в общественном устройстве есть немало отличий.

Все солярии (от лат. Sol — «Солнце») одновременно бедны и богаты. Бедны, потому что у них нет ничего своего, богаты, потому что у них есть всё (как в советской песне: «…все вокруг колхозное, все вокруг мое.», но у колхозников было все-таки свое жилище, личное имущество и приусадебное хозяйство). У них нет даже собственных кроватей, все спят в общей спальне, и раз в шесть месяцев начальник производит перемену мест. «…Всё, в чем они нуждаются, они получают

от общины, и должностные лица тщательно следят за тем, чтобы никто не получил больше, чем следует, никому, однако, не отказывая в необходимом». Питаются солярии в общих столовых, однако «должностные лица получают бóльшие и лучшие порции».

Наличие собственной жены, собственных детей и собственного жилища воспитывает в человеке себялюбие, эгоизм и нарушает общественное единство и братство, поэтому у соляриев нет семьи. Дети после вскармливания грудью полностью переходят в руки государства, которое прививает им знания и всевозможные добродетели. Но это не просто дети, а лучшие дети, дети выведенной породы, ибо производятся они на свет «в должном порядке» и на строго «научной основе».

«Производители и производительницы подбираются наилучшие по своим природным качествам». В зависимости от расположения звезд власти сами решают, какие из них сойдутся и когда. А «ежели женщина не понесет от одного мужчины, ее сочетают с другим; если же и тут она окажется бесплодною, то переходит в общее пользование, но уже не пользуется почетом». То есть рождение детей уподобляется выведению пород скота. Поскольку дети не знают своих родителей, а родители — своих детей, то всех, кто старше на 22 года называют отцами, а тех, кто младше на 22 года — сыновьями, остальных — братьями. Любовь мужчин и женщин, любовь к друзьям, да и сама дружба не поощряется, потому что нарушает общность и единство людей.

Труд обязателен для всех, даже для стариков и увечных (в меру их физических возможностей), но не обременителен. Физическая работа длится только 4 часа в день, остальное время посвящается искусствам, наукам, совершенствованию умственных и физических способностей. Повзрослевшие дети, получив необходимые знания в науках и ремеслах, направляются своими начальниками в трудовые отряды, в зависимости от способности к тому или иному ремеслу (наименее способные — в деревню). Во главе отрядов стоят десятники, полусотники и сотники.

Мужчины и женщины носят одинаковую одежду, отличающуюся только длиной плаща. «Они (солярии. — **В.Г.**) подвергли бы смертной казни ту, которая из желания быть красивой начала бы румянить лицо или стала бы ходить на высоких каблуках, чтобы казаться выше ростом», т.е. индивидуальность даже во внешнем виде не допускается. Преступлениями считаются неблагодарность, злоба,

неуважительное отношение, леность и, особенно, ложь. За военные преступления — бегство с поле боя, неоказание помощи товарищу и т.д. полагается смертная казнь.

Как видно из приведенного, все три философских труда начинаются с запрета денег и собственности, а заканчиваются полным подавлением личности и выравниванием всех «на одно лицо». Тем не менее, как считают авторы трудов, люди у них имеют **свободу** (могут заниматься любимым делом в свободное время), **равенство** (ни у кого нет ничего своего) и **братство** (все безукоризненно нравственны, служат обществу, а не себе, и называют друг друга братьями).

Социалистические идеи в той или иной мере пытались осуществить в средние века в общинах еретических движений (катары, анабаптисты, гуситы, движение Т. Мюнцера и др.). В «Век просвещения» идеи получили дальнейшее развитие и дополнились новым слагаемым — антихристианским: ненавистью не только к отдельным безнравственным представителям католического духовенства, но и к самой Христианской церкви. В итоге французские «просветители» (Дидро, Вольтер, Руссо, Монтескье) подвели Францию к революции в 1789 году, которая шла не только под лозунгом «свободы, равенства, братства», но и под лозунгом уничтожения религии и христианской морали. Ради установления «царства добродетели» революция закончилась кровавым террором якобинцев (Марат, Робеспьер и др. — их именами названы улицы во многих городах России). В итоге, равенство так и не установилось (дело кончилось перераспределением феодальной собственности в пользу буржуазии), а революция обошлась французам в 600 или 800 тыс. жертв (более точных данных нет) при 27-миллионном населении страны, что, конечно, не так много по сравнению с результатами Великого Октября в России, даже в процентном отношении.

Революция во Франции привела к активизации деятельности социалистов-утопистов (Сен-Симон, Фурье и др.), которых упомянул Ленин. Самой яркой фигурой был Гракх Бабёф (1760—1797), создатель коммунистического движения «во имя равенства», фанатичный сторонник абсолютного равенства людей, равенства любой ценой. Он обратил внимание на то, что все предшествующие мыслители описывали уже готовый социализм, а в ходе недавней революции увидел, что слишком мало людей готово добровольно отказаться от личных интересов. На основе этих размышлений Бабёф первым высказал мысль о том, что

поскольку народ принять равенство не готов (а равенство, по плану его «Союза равных», должно быть покруче, чем в «Городе Солнца»), его следует насильно заставить, для чего необходимо временно, до полного «перевоспитания» народа, установить диктатуру (которую Маркс потом назвал «диктатурой пролетариата»), а после победы революции всю Францию огородить «колючими препятствиями».

Через 120 лет эту мысль конкретизировал член ЦК РКП(б) Н.И. Бухарин: *«Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».*

Среди источников марксизма Ленин не упомянул еще два: масонство, с идеями разрушения государств и смешения наций, и труды немецко-еврейского философа Мозеса Гесса — основателя немецкой социал-демократии, идеолога интернационализма и, одновременно, создателя идеологии сионизма (под интернационализмом легче прятать еврейский национализм). М. Бакунин называл Гесса «серым кардиналом», «создавшим» Маркса.

Почти всё приведенное выше положено в основу «Манифеста коммунистической партии» Маркса—Энгельса, а позднее и «Научного коммунизма». Вот его основные тезисы:

— *Национализация частной собственности, включая земельную у крестьян. Ликвидация класса собственников-эксплуататоров.*

Все люди становятся равными, поскольку ничего своего не имеют. Маркс, понимая, что эксплуататоры свою власть и собственность добровольно не отдадут, писал: «…есть лишь одно средство укоротить, упростить, сконцентрировать убийственные смертельные родовые схватки старого общества, кровавые муки рождения нового общества; лишь одно средство — революционный терроризм».

— *Обязательный труд для всех, создание «промышленных армий, в особенности для земледельцев.*

Как и в обычной армии, человек подлежит мобилизации и лишается личной свободы, лишается возможности не только выбора профессии, но и выбора места работы.

— *Общность жен.*

Отсутствие семьи, отсутствие привязанности к семейному очагу — важный шаг к уничтожению индивидуальности людей, к стандартизации личностей, к более легкому подавлению их воли. Когда все в стаде, их легче пасти.

— *Общественное воспитание детей*.

Лучший способ выращивания зомбированных людей и к тому же умственно неполноценных (о чём сказано выше). Эти люди будут преданны режиму и беспрекословно исполнять любые приказы и распоряжения.

— *Ликвидация законов, религии и нравственности как элементов буржуазных.*

Нравственность не нужна, чтобы люди, не задумываясь, не задавали лишних вопросов при исполнении приказов. Религия не нужна, потому что она обращается к личности человека, прививает ему нравственные качества и призывает поклоняться «не тому» Богу («Религия есть опиум народа»). Законы не нужны, потому что они ограничивают желания и действия правящего слоя коммунистического общества. (Этот тезис в «Манифесте» изложен очень лукаво. В ликвидации законов, религии и нравственности коммунистов якобы обвиняют какие-то неизвестные оппоненты, но в ответе им Маркс с Энгельсом опровержения не делают, а лишь бросают обвинения мифическим оппонентам.)

— *Исчезновение национальных различий, а затем и самих наций* («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»).

Преданность своей нации — один из природных инстинктов человека (наряду с инстинктом самосохранения и инстинктом продолжения рода), который легко перечеркивает любую «классовую солидарность». Национальный инстинкт исключительно вреден для организации «братства трудящихся всех стран», где никто ничем не должен отличаться от других, а потому он должен подлежать искоренению.

— *Ликвидация политической власти (государства) по мере построения бесклассового общества: «С исчезновением классов исчезает неизбежно и государство».*

Поскольку политическая власть нужна только для подавления одного класса другим, то при отсутствии классов и подавлять будет некого. Однако кто будет управлять бесклассовым обществом, не сказано ничего, приходится предполагать, что это будет какое-то наднациональное (мировое) правительство.

Можно подвести итоги. **Цель «научного коммунизма» — создать из человечества безликое общество покорных людей**, аналогичное обществам Платона и Кампанеллы, лишенных индивидуальности, национальных корней, семьи, своих детей, даже права свободного выбора работы; общества, управляемого мировым правительством по его собственному произволу.

«Научный коммунизм» — это программа заговора против человечества и, одновременно, инструмент для захвата власти мировыми заговорщиками. Инструмент — тщательно продуманный. Ставка в нем сделана на «классовую борьбу» и на орудие борьбы — пролетариат, ибо пролетариат являет собой ту часть общества, которая, во-первых, плотно сконцентрирована в городах, и, во-вторых, не имеет собственных средств производства (в отличие от крестьян или ремесленников — не зря Маркс называл их самыми контрреволюционными слоями общества), а потому легче всего поддается агитации и пропаганде и легче всего сплачивается в организованную силу.

Здесь возникает вопрос: в чем же разница между социализмом и коммунизмом, ведь при социализме уже ликвидирован класс эксплуататоров? Разница в том, что после социалистической революции остается много людей (если не большинство), не желающих дружно идти в концлагерь. Нужно их перевоспитывать или от них избавляться. Для этого и придумана «диктатура пролетариата», т.е. диктатура революционных вождей и их карательных органов, замаскированных словом «пролетариат». Диктатура и призвана силой загонять народ в концлагерь, а тех, кто сопротивляется, — истреблять. При коммунизме, когда лагерь уже сформирован и укомплектован, прежние функции диктатуры отпадают. Ей остается только следить за соблюдением лагерного режима (об этом и написано в книгах Платона, Т. Мора и Т. Кампанеллы).

После революционных потрясений в Европе в 1848—1849 гг. («Манифест» Маркса—Энгельса был опубликован в 1848 г.) и в связи с созданием I Интернационала (1864 г.) глава правительства Пруссии О.Бисмарк сказал: *«Если вы хотите построить социализм, выберите страну, которую не жалко»*. В 1917 году выбрали Россию — большевики во главе с Лениным установили в ней социалистический строй. Однако не всё у них пошло по учебнику Маркса — Энгельса. В результате за весь короткий (по историческим меркам) срок своего существования этот строй претерпел ряд существенных метаморфоз.

В первом, «ленинском» периоде (1918—1922 гг.), коммунисты рьяно взялись за выполнение заветов Маркса. Главные события периода: уничтожение эксплуататорского строя, национализация промышленности, банков, железных дорог, торговли, отмена денег и т.д., кровавая расправа с царской семьей, красный террор с истреблением

образованного слоя нации, жестокая борьба с религией, военный коммунизм с насаждением крестьянских коммун, продразверстка, гражданская война, разруха в экономике, непрекращающиеся восстания крестьянства и «гегемона революции» — пролетариата, массовый голод, 2 миллиона эмигрантов, а в итоге 13 (по другим оценкам 19) миллионов жертв и 6 миллионов беспризорных детей-сирот. Этот период называют Первым русским холокостом. В дополнение ко всему, по требованию Ленина страну раздробили на несколько республик с правом выхода каждой из союзного государства.

Однако с внедрением «научного коммунизма» дело не заладилось — с жизнью в коммунах, с общими женами, с трудовыми армиями (на них настаивал Троцкий) ничего не получилось, да и управление хозяйством оказалось делом посложнее, чем организация террора, а надежды на солидарные революции в Европе растаяли, как мартовский снег. И коммунисты отступили — «всерьез и надолго, но не навсегда» (а до новых революций в Европе), провозгласив НЭП (новую экономическую политику) и установив государственный капитализм.

Главные события этого периода, продолжавшегося с 1923 по 1929 год, — прекращение массового террора, частная торговля, частное мелкотоварное производство и госкапитализм на крупных предприятиях, улучшение снабжения населения продуктами питания и товарами первой необходимости, подъем промышленного производства до уровня 1913 года, выполнение плана ГОЭЛРО, начало строительства гигантских объектов (Сталинградский тракторный, Днепрогэс и др.), свобода (хотя и ограниченная) печати и собраний.

Однако и здесь большевики умудрились наломать дров. В конце этого периода они установили столь низкие закупочные цены на зерно (при том, что промышленные товары продавались по рыночным ценам) и столь высокие налоги на основных производителей хлеба («кулаков»), что крестьяне отказывались продавать зерно государству и стали сокращать посевы. В городах опять началась острая нехватка продовольствия.

Следующим был «сталинский» период (1929—1953 гг.) — утверждение идеи «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране» (наперекор мнению Энгельса и Ленина и вопреки позиции членов Политбюро Троцкого, Зиновьева и Каменева), свертывание НЭПа и возвращение на социалистический путь. Это — самый контрастный период в советской истории.

В нем было всё — и чёрное, и светлое. Установлен полный запрет на выезд из страны («железный занавес») за исключением крайне ограниченного круга лиц, введена жесткая цензура и фактически ликвидирована свобода слова, не говоря уже о свободе печати и собраний. За критику власти — 58-я статья УК, с наказанием вплоть до расстрела (ее нынешний аналог — ст. 280.3, правда, без смертной казни). В 1929—1933 гг. — Второй русский холокост с истреблением недобитой части русской интеллигенции, вторым церковным погромом (гонения на церковь были ослаблены только на время Великой Отечественной войны), порабощением крестьян (насильственная коллективизация с сотнями тысяч репрессированных «кулаков») и голод с 5-ю миллионами жертв. В 1937—1938 гг. — массовые политические репрессии, в которых невинных пострадало больше, чем виновных, и которые породили обстановку страха в стране. Возведение Сталина в непререкаемый авторитет, следствием чего стало угодничество на всех этажах власти, нанесшее немало вреда государственным интересам.

И в то же время… Отказ от коммунистической уравнительной системы оплаты труда (за что Троцкий назвал Сталина предателем дела революции). Отказ от общественного воспитания детей и признание семьи первичной ячейкой общества. Частичный возврат к русской культуре и национальным традициям. Всенародный энтузиазм при осуществлении «сталинских пятилеток». Гигантский рывок в области промышленности, науки и образования, подъем на 2-е место в мире по объему промышленного производства. Успехи в социальной сфере — бесплатная медицина, всеобщее образование, почти бесплатное дошкольное воспитание. Безотказно действующие социальные «лифты». Высокий уровень ответственности управленцев (от начальников цехов до наркомов-министров). Ликвидация безработицы. Подъем жизненного уровня народа (хотя по меркам Европы, и особенно США, основная часть народа жила в бедности).

Поступательное движение страны прервала война 1941—1945 гг., сопровождавшаяся роковыми ошибками нашего высшего командования в 1941—1942 гг. и с сокрушительными победами в 1943—1945 гг. Война стала Третьим русским холокостом с колоссальными жертвами, которые наш народ положил на алтарь Победы. Их точное число (21 или 27 млн. чел.) до сих пор вызывает споры. Война показала неоспоримые преимущества централизованно управляемой

государственной экономики, которую можно было быстро мобилизовать на решение самых трудных и непрерывно меняющихся задач. Эти преимущества, помноженные на самоотверженность народа, проявились и в послевоенные годы при восстановлении разрушенного хозяйства, когда страна совершила воистину экономическое чудо.

Особенно яркой стороной той эпохи было то, что вся страна, от низов до самых верхов, была охвачена национальной идеей. Вначале — «Догнать и перегнать!», потом — «Наше дело правое, победа будет за нами!», потом — «Восстановим разрушенное хозяйство!»

Подводя итоги «сталинскому социализму», отметим, что он во многом повторил социализм древности, и от «научного коммунизма» Маркса в нем мало что осталось, — только национализированные экономика (да и то не вся — были еще колхозы и промартели), инфраструктура и банки и обязательный труд для всех. Труд был свободным для горожан (исключая последние 13 лет, когда самостоятельный переход с одного места работы на другое был запрещен), крепостным для крестьян и рабским для заключенных.

Сталинская модель сохранилась до прихода в 1985 г. к власти Горбачева со своими «советниками» (женой, членами Политбюро Яковлевым, Шеварднадзе и американским посольством), отличаясь только постепенной либерализацией. В послесталинскую эпоху прекратились массовые репрессии, получили свободу крестьяне. Больше внимания уделялось социальным нуждам народа (развернулось строительство жилья и объектов «соцкультбыта»). Был разрешен выезд за границу (это была ошибка, которую не допускали даже теоретики социализма, чтобы не дать возможности «солярияам» и «утопийцам» сравнивать свою жизнь с жизнью других). Страна заняла передовые позиции в мире в области космоса, атомной промышленности, по военной мощи достигла паритета с США, но…

Продолжалась нехватка продуктов питания и товаров народного потребления. Продолжались попытки создания культов личностей с неизбежным спутником — холуйством. Усиливались коррупция и расслоение общества, процветало кумовство (в просторечье, «блат»). Расслоение было и при Сталине, но расслоение не антагонистическое — все слои работали на благо государства. В брежневское время чиновничество (партийное, советское, хозяйственное) составляло собой уже особую касту («проклятую касту», по выражению Сталина), оторвавшуюся от народа и замкнутую на своих кастовых интересах.

Причин крушения СССР много, они составят длинный список. Но одну, едва ли не главную, назвать стоит. Русский народ, вынеся на своих плечах огромную нагрузку и понеся огромные жертвы, попросту надорвался. В самой богатой стране мира он продолжал жить бедно. Он перестал верить власти. Он устал от того социализма, и потому не стал его защищать и оказался легко обманутым безродными космополитами-либералами.

Верили ли в коммунизм сами советские вожди? Сталин, безусловно, верил, иначе он в конце жизни не написал бы работу «Экономические проблемы социализма в СССР», где поставил задачу о ликвидации остатков коллективной собственности (колхозов и кооперативов), о ликвидации денег и о переходе на прямой товарообмен — по образцу древних царств. Самый популярный лозунг его времени: «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина — вперед к победе коммунизма!»

Хрущев тоже верил и тоже безусловно, иначе не учинил бы третий церковный погром и не провозгласил бы с трибуны XXII съезда партии, что через 20 лет советский народ будет жить при коммунизме. А вот о Брежневе сказать трудно. Возможно, и верил — как во что-то очень далекое и неконкретное. Его больше интересовали текущие вопросы — обороноспособность и международный авторитет страны, да еще устойчивость собственного кресла, хотя в его время и были распространены лозунги «Коммунизм — наша цель!», «Коммунизм неизбежен!» и т.п. (а подспудно, с целью оправдать низкий жизненный уровень народа, насаждалась идея: «Всё выдержим, любые трудности и невзгоды, лишь бы не было войны»), во всех вузах стал обязательным невнятный предмет под названием «Научный коммунизм», в действовавшей программе КПСС (принятой в 1961 г. еще при Хрущеве и больше похожей на произведение из жанра фантастики) строительство коммунизма являлось главной задачей партии, а страна, по утверждению агитпропа, вступила в стадию «развитого социализма» (чем он отличался от обычного, никто толком сказать не мог).

Сегодня многие (и автор в том числе) испытывают ностальгию по тем времена, вспоминая с грустью хорошее и забывая плохое — в этом суть любой ностальгии. Думается, однако, что ностальгия эта вызвана не столько любовью к социализму, сколько сравнением с днем сегодняшним. Сравнением могучего СССР с урезанной, ослабленной и униженной РФ. Сравнением хоть какой-то социальной

справедливости с издевательским социальным неравенством. Сравнением добрососедских отношений русского и других народов страны с нынешней агрессивной русофобией этих народов. Сравнением лучшей в мире системы образования с нынешней «болонской». Сравнением лучшей в мире системы здравоохранения с нынешней «рыночной». Сравнением высокой общественной морали с нынешней самой низкой безнравственностью. Сравнением высокого искусства с нынешним дешевым «ширпотребом». Сравнением открытости людей того времени с замкнутостью людей нынешних. А главное достоинство тех лет — уверенность в завтрашнем дне.

Нынче, когда в средствах массовой информации (неправительственных, конечно) иногда возникают дискуссии по вопросу о возрождении социализма, стоит все-таки подумать о том, какой социализм мы хотим — платоновский, марксовский, сталинский, брежневский или Империи инков? А если что-то выбирать, то вместе с достоинствами придется брать и недостатки. По-другому не получится. Идеальных общественных систем не бывает — «недостатки есть продолжение достоинств». И еще помнить о том, что общественный строй во многом зависит от «человеческого фактора», который может испортить самую прекрасную систему.

Евгений ЕВТУШЕНКО, г. Красноярск

АНТИСИСТЕМЫ В РОССИИ

В Древней Руси (с IX века) антисистемных сообществ не было, если не считать небольшой ереси богумилов, занесенной из Болгарии в XI веке. Проникновение антисистемных учений в Россию началось только с XIV века. Произошло это в зоне этнического контакта с Европой — в районе Новгорода и Пскова в полном соответствии с учением Льва Гумилёва о химерах и антисистемах.

Антисистема — это группа людей с негативным мироощущением, нацеленная на разрушение любой позитивной системы, будь то семья, этнос, церковь или государство. Возникает, как правило, в зоне контакта несовместимых суперэтносов из этнической химеры (группы людей с размытой идентичностью). Может мигрировать из одного этноса (суперэтноса) в другой в течение столетий, меняя при этом идеологию и замирая в случае опасности. В основе антисистемных идеологий лежит «метафизический нигилизм», т.е. стремление к разрушению окружающего мира, а иногда — к саморазрушению (гностики).

1) XIV век — начало формирования Московского государства. Первая антисистема в России — псково-новгородская ересь стригольников. Появилась во второй половине XIV в. Имела четкий антицерковный характер и была относительно малочисленной. Раскрыта в Новгороде. Организаторов утопили с жерновами на шее в 1375 году, сбросив с моста в реку Волхов. Окончательно ересь удалось нейтрализовать только в XV веке. Нескольких «еретиков» казнили в 1427 г., но какая-то часть затаилась.

2) Вторая половина XV века — создание Московского государства при Иване III. Вторая, более мощная антисистема — ересь жидовствующих (1471—1504 гг.). Появилась в Новгороде, затем распространилась в Москве. Имела антихристианскую направленность и мистико-каббалистический характер. Хорошо законспирированная антисистема, проникшая в церковь и структуры власти, вплоть до государевой семьи (!). Была раскрыта (частично) через 16 лет, в 1487 г. в Новгороде. Позже, после долгого розыска, которому препятствовали высокопоставленные «еретики», ядро антисистемы было уничтожено (15 человек сожжены в срубах в 1504 г.), рядовые члены отправлены в тюрьму, часть сбежала и затаилась. Существует версия, что последователи жидовствующих проявили себя в борьбе с «тиранией» Ивана Грозного, а затем в событиях Смуты начала XVII века.

3) В XVI веке на юго-западных землях Украины зарождается мощная этно-религиозная химера — униаты (греко-католики с 1596 г.) Они развязывают террор против православных: изгоняют не принявших унии священников из храмов, запрещают крестить, венчать, отпевать на дому. В течение 10 лет Русская Церковь остается без священноначалия (до 1620 г.). Историк Карташёв писал: «Где панам не удалось передать церковь попу униатскому… она отдавалась на откуп в аренду еврею (закрывал храм на замок и открывал за плату). Он… хозяйствовал кощунственно, не стесняясь словами и действиями, оскорблял религиозные чувства православного народа…»

4) XVII век — период укрепления Московского царства и начало Российской империи при Алексее Михайловиче. Появляются новые секты гностической направленности: хлысты («христы») и капитоны (сер. XVII в.). После Раскола выделяются наиболее радикальные раскольники-самосожженцы; особенно много «гарей» происходит при Софье, развязавшей репрессии против старообрядцев, и

молодом Петре Первом (1680—1690-е гг.). Исследователи называют цифру в 20 тысяч погибших до нач. XVIII века. Последний случай группового самосожжения раскольников фиксируются в 1940-х гг. XX века.

5) Оформление Российской империи при Петре I (нач. XVIII в.). Начинает складываться прозападная «немецкая партия», состоящая из иноземцев и примкнувших к ним (позже) русских западников. Эта новая химерная группировка становится питательной средой для ряда антисистемных сообществ. Большое влияние на молодого Петра оказывают иностранцы-масоны Лейбниц, Лефорт, Гордон.

В период бироновщины, при Анне Иоановне (1730—1740 гг.) по инициативе англичан появляется первая масонская ложа, состоящая из иноземцев. Захватившие власть немцы ведут себя нагло, проводят политику террора против русских патриотов. При Елизавете Петровне происходит патриотическая реакция, немцев оттесняют от высшей власти, но они сохраняют свои позиции в правящем классе. Наибольшее влияние немецкая партия достигает при Александре и Николае Павловичах, в первой пол. XIX в.

6) Расширение империи при Екатерине II (1762—1796 гг.). Внешне всё выглядит прекрасно — в стране подъем, русские пассионарии побеждают во всех войнах (последний максимум пассионарности в акматической фазе (XVI — нач. XIX вв.). Но внутри национального организма уже начинается процесс разложения, вызванный ускоренной европеизацией (с кон. XVII в.) и «эпохой просвещения» (вторая пол. XVIII в.) При Екатерине издается переводная «прогрессивная» литература, открываются журналы либерального толка по английскому сатирическому образцу (Новиков и др.). Образование и воспитание дворянства устраивается на западный манер. Показательно, что будущий царь Александр I воспитывается иностранцем — либералом-республиканцем (!) Лагарпом (с подачи бабушки-немки).

В результате в обществе резко увеличивается число либералов-вольнодумцев (среда). Появляются организованные русские масоны и формируются новые деструктивные секты — скопцы и духоборы. Условия для развития антисистем при Екатерине Великой с ее прозападной ориентацией — идейной и культурной — наиболее благоприятны. Это — период накопления.

В этнологическом аспекте в XVIII веке происходят важные изменения: в состав Российской империи вливаются большие этнические группы из других суперэтносов. Это, в

первую очередь, немцы и евреи. Первые мигрируют в Россию в поисках карьеры и заработка (остзейские немцы входят вместе с прибалтами), вторые присоединяются вместе с западными территориями — Украиной и Беларусью — после всех разделов Польши (вторая пол. XVIII в.). Эти и другие этнические вливания, согласно теории Л. Гумилёва, переусложняют Российскую суперэтническую систему и создают благоприятные условия для появления этнических химер. Что, собственно, мы и наблюдаем в XIX и XX веках… Вплоть до нашего времени.

7) При Александре I (1801—1825 гг.) происходит взрыв — бурный рост антисистем и их распространение («всё будет, как при бабушке»… и даже больше!). Количество переходит в качество. В дворянской элите окончательно складывается антипатриотическая партия либералов-западников. Усиливается активность «тайных обществ»: масоны, декабристы, библеисты, оккультисты и др. антисистемщики чувствуют себя вольготно.

Царский «друг», масон М. Сперанский предлагает реформы по ограничению самодержавия и «разделению властей». Князь масон А. Голицын по указке английских «кураторов» создает в 1812 г. Библейское общество — первую экуменическую (!) и «обновленческую» организацию в России. Декабристы-масоны планируют убийство всей (!) царской династии и учреждение республики. В аристократической секте Татариновой (урождённой Буксгевден) проводятся «радения» (беснования) по типу хлыстовских. Изуверская секта скопцов — фактически легализована. Ее предводитель Селиванов, оскопляющий новообращенных у себя на дому, встречается с императором Александром. В его дом полиции входить запрещено.

Деятельность антисистемных сообществ ограничивается указом «о запрещении тайных обществ и масонских лож» только в 1822 г. — в последние годы правления Александра. Однако необходимых репрессий царь не проводит и некоторые «общества» продолжают действовать. Когда царю докладывают о будущих декабристах, он отмахивается: «не мне их судить»...

Таким образом, к началу XIX века в России формируется разветвлённая либерально-революционная антисистема. Через 100 лет эта антисистема разъест самодержавие и в феврале 1917 года захватит власть.

8) При Николае I (1825—1855 гг.) следует жесткая консервативная реакция и наводится относительный порядок.

Но… по-немецки, то есть формально. Количество антисистем и их численность снижается. Запрещаются все тайные организации и радикальные секты. Однако либеральная инерция сохраняется: тайные масоны, религиозные сектанты, иезуиты-нелегалы, крипто-католики и др. продолжают действовать подпольно.

В это время внутри николаевской высшей бюрократии формируется локальная антисистема. Ее неформальный лидер — немецкий еврей по матери, глава МИДа Нессельроде, двойной «иноагент» — австрийский и английский. Эта зловещая фигура, втёршаяся в доверие к императору, стоит не только за провальной внешней политикой (Восточный вопрос, Австрия и пр.) закончившейся катастрофой Крымской войны, но и за противодействием капитану Невельскому в присоединении Дальнего Востока (англичане будут недовольны!).

И еще: та же русофобская «немецкая» группировка скрывается за организацией травли и, в конечном счете, убийством поэтов-патриотов Пушкина и Лермонтова — «лидеров общественного мнения» того времени (параллель с Андроповым, боровшимся с «русистами» в 1970-е). В результате, «незаменимый» в течение 40 лет Нессельроде, так и не научившийся правильно говорить по-русски, будет уволен на пенсию только после смерти Николая Павловича в 1855 г.

Параллельно с этим, в конце николаевской эпохи появляется вторая, чисто революционная антисистема: социалисты-революционеры — петрашевцы и социалисты-теоретики — Чернышевский, Герцен и пр. (См. биографию и личную жизнь незаконнорожденного полунемца А. Герцена как образец антисистемщика.)

9) При Александре II (1855—1881 гг.) завершается территориальное расширение империи. В эту «эпоху реформ» вновь происходит активизация антисистем и совершается либерально-буржуазная крипто-революция (финансовая реформа, подобие Центробанка и пр.).

Ключевой фигурой в этих революционных преобразованиях становится Александр Штиглиц. Показательно, что он, как и Нессельроде, происходит из рода немецких евреев, принявших лютеранство. Его отец Людвиг Штиглиц, будучи связанным и с Нессельроде (бизнес), и с Ротшильдами (финансы), становится придворным, т.е. личным (!) банкиром Александра I. А затем — и Николая I, от которого он получает потомственное дворянство — баронство — «за… услуги».

Красноречивый факт: «на двух гербах разных финансовых династий» — ротшильдов и штиглицев — один и тот же одноглавый черный орел на голубом фоне. Известно, что в антисистемных кругах очень трепетно относятся к символике…

При Александре II барон Александр Штиглиц, принявший по наследству от отца должность придворного банкира, становится главой образованного в 1860 г. Государственного имперского банка (аналог Центробанка!). После чего он тут же рекомендует правительству обратиться за займами к лондонским и парижским Ротшильдам. «Вскоре все казенные и общественные займы» переходят к банкирским домам Ротшильдов. Финансовая паутина брошена...

Помимо того Штиглиц участвует в операции по продаже за бесценок Русской Аляски, прибавляя к своим бесчисленным миллионам еще немного комиссионных. Существует убедительная версия, что после финансовой реформы 1860 года Штиглиц становится «смотрящим» за Россией от фининтерна. (Что-то… до боли знакомое.)

В 1860—1870-е годы антисистемщики начинают перехватывать инициативу. Активизируются радикальные либералы, в основном дворяне и интеллигенты, которые, по словам Достоевского, раньше и «рта не смели раскрыть». За ними следуют разночинные нигилисты, анархисты и — вишенка на торте — революционеры-народовольцы. Примеры антисистемщиков-фанатиков: Нечаев, Ткачев, Желябов, Перовская. Эти «новые люди», уже не отвлекаясь «на дискуссии», начинают охоту на Царя…

В духовной жизни тоже не всё благополучно. Русская Церковь теряет былой авторитет и влияние не только в образованных классах, но и в народе. Возрастает число религиозных сектантов среди крестьян. В первую очередь это штундисты и баптисты, в происхождении которых четко прослеживается южнорусский немецкий след (немецкие переселенцы). После старообрядческого раскола XVII века баптистский раскол — самый серьезный.

10) При Николае II (1894—1917 гг.), после некоторой консервативной реакции в период правления Александра III, происходит радикализация всех классов общества: рабочих, крестьян, буржуазии, интеллигенции, и даже чиновничества. Следствием чего становится бурный рост антисистемных сообществ. Активизируются масоны (вторая политическая волна), революционные партии (социал-демократы, социалисты-революционеры, группы анархистов), радикал-

либеральные партии (кадеты, левые эсеры) и др. Резко возрастает число сектантов (более 400 сект по стране, не считая малых групп со своими гуру).

В обществе и культуре — целый букет антисистем поменьше: декаденты, авангардисты и пр. неформалы; спириты-оккультисты, богоискатели-философы, плюс церковные либералы и будущие обновленцы в РПЦ. Все как с цепи сорвались!

Весьма показательно, что в это время промышленность и финансы страны окончательно попадают в зависимость от глобальной антисистемы фининтерна (Ротшильды и Ко). За этой вредительской политикой «привлечения иностранного капитала» и «золотого рубля» (с 1897 г.) стоит одиозная фигура министра и высокопоставленного масона С. Витте. В результате перед 1917 г. Россия оказывается на грани потери экономического суверенитета и превращения в полуколонию «Запада». Опять что-то знакомое!

Отец Сергея Витте — Юлиус — остзейский немец. Мать — российская дворянка-аристократка, среди предков которой был еврей П. Шафиров, «соратник» Петра I. Двоюродная сестра С. Витте — Е. Блаватская (урожденная фон Ган), известная теософка (сатанистка). Вторая его жена — еврейка, единственная из жен министров, не принятая ко двору.

Таким образом, Витте, как и его предшественники Несельроде и Штиглиц, имеет смешанное немецко-еврейское (плюс русское) происхождение, что полностью укладывается в учение Льва Гумилёва об этнических химерах (космополиты с размытой национальной и религиозной идентичностью), которые или порождают разрушительные антисистемы, или включаются в уже имеющиеся.

Это отнюдь не значит, что все дети от химерных, т.е. некомплиментарных смешанных браков, становятся антисистемщиками; сто процентов никогда не бывает. Это значит, что среди них велика «группа риска». Например — русско-немецко-еврейская семья Ульяновых-Бланк: из шести детей только двое антисистемщиков: Александр и Владимир.

Итак, в досоветский период — динамика развития антисистем в России стабильно отрицательная, с середины XVII века — нарастающая. Если не считать приостановки процесса при Елизавете Петровне и небольшого «подмораживания» России при Императорах Николае I и Александре III.

Главное: в XIX — нач. XX века четко прослеживаются две оси либеральной антисистемы: 1) в правящем классе ось: Сперанский — Нессельроде — Штиглиц — Витте — масоны-февралисты: Гучков, Рузский, Алексеев, Некрасов, Коновалов и пр.; 2) в интеллигенции — Чаадаев — Грановский — Чичерин — Милюков — Керенский и пр. Примечательно, что к 1917 году эти две линии — интеллигентская и «элитная» — переплетаются: например, больше всего масонов «на душу» было в интеллигентской партии кадетов.

Почти одновременно с либеральной выстраивается ось революционной антисистемы: в XIX веке — декабристы (радикальные) — Петрашевский — Бакунин — Герцен — Нечаев — Желябов; в кон. XIX — нач. XX века — Ленин, Мартов (эсдеки) — Чернов, Гершуни, Савинков (эсеры), плюс группы анархистов и пр.

На эти три оси — чиновничью, интеллигентскую и революционную — и нанизываются многочисленные адепты — «офицеры» и «пехота» — из всех классов общества. Особенно много — в период революций 1905 и 1917 гг.

В 1917 году происходит ротация антисистем — первая, либеральная антисистема, в Феврале свергает царя. Вторая, революционная антисистема, в Октябре свергает первую. Затем, через 20 лет эту вторую, троцкистскую антисистему, радикально чистит тов. Сталин. На какое-то время наступает успокоение.

Самый спокойный и свободный от антисистем исторический период выпадает на позднесоветское время с 1940-х — до середины 1970 гг. Наименьшая активность антисистем приходится на отрезок 1940—1953 гг., когда недобитых космополитов и прочих врагов народа загоняют в глубокое подполье.

Владимир МОЖЕГОВ

ПО ЕДИНЫМ МАСОНСКИМ СЦЕНАРИЯМ

21 февраля 1848 года в одной из лондонских типографий была отпечатана безымянная брошюрка на немецком языке под заголовком «Манифест Коммунистической партии». Это был революционный год Европы, подобные прокламации выходили десятками, и особого впечатления брошюрка не произвела. Но ей была суждена долгая жизнь, о чем авторы «манифеста», очевидно, догадывались. И явно спешили выпустить свою прокламацию, пока революционный пожар не затих.

Изначально за Марксом и Энгельсом стояли серьезные силы. Самый же первый проект манифеста был написан Мозесом Гессом, влиятельнейшим масоном и первым сионистом. Гесс курировал Энгельса и Маркса, можно сказать, кормил их с руки, натаскивая в социалистической идеологии. Однако скоро парочка подросла, встала на собственные ноги и подвергла социализм Гесса ревизии.

Интересно, что Мозес Гесс, естественным образом совмещая сионизм и социализм, на первое же место ставил не классовую, а расовую войну. «Вся прошлая история развивалась благодаря

расовой и классовой борьбе. Расовая борьба — первична, классовая борьба — вторична», — вот чеканная формулировка Гесса из его книги «Рим и Иерусалим».

Однако Французская революция разрушила расовое господство германской расы, пишет далее Гесс, а «с прекращением расового антагонизма прекратится и классовая борьба, равноправие всех общественных классов наступит после установления равноправия всех рас».

Расовый вопрос волновал, конечно, и Маркса. Например, в своем печатном органе «Новая Рейнская газета» он открыто призывал к истреблению славян и в особенности русских: «В России у этой варварской расы имеются такая энергия и такая активность, которых тщетно искать у монархий старых государств. Славянские варвары — природные контрреволюционеры. Поэтому необходима беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть со славянством. Ненависть к русским продолжает быть первой революционной страстью».

Впрочем, парочка справедливо посчитала, что и сионизм, и расовый вопрос, неосторожно вынесенный Гессом на самый вид, стоит запрятать поглубже, а на первое место выставить «борьбу пролетариата за свои права». В то же время можно согласиться с Марком Леоном, автором монографии «Маркс прежде марксизма», который замечает: «Только поняв Моисея Гесса, человека повлиявшего на Маркса, Энгельса и Бакунина — трех основателей I Интернационала, можно понять сатанинские глубины коммунизма».

В сущности, Гесс был, конечно, прав. Всё революционное движение имеет своим началом иудейский хилиазм (т.е. прогрессизм, ожидающий «царство Божие» на земле). В христианский мир хилиазм был снова вброшен Иоахимом Флорским в XII веке. А спустя еще три столетия (и глубинного развития в тайных обществах иоахимитов) подхвачен реформистами христианства — Лютером и Кальвином.

Особенно ярко хилиазм полыхнул в кальвинизме. В системе Кальвина мировая борьба разворачивается уже не между разными видами христиан, но между разными видами человечества: новым человеком («избранными святыми») и старым отжившим человечеством «извечно проклятых».

Да, перед нами уже прямо-таки тотальный расизм, и — чистой воды «расовая война» Мозеса Гесса. И — почти уже

«коммунизм» Маркса. Только на место «избранного народа» и «народа избранных» Маркс ставит пролетария, а Моисея и Христа меняет на… «прибавочную стоимость». Кажется, немного абстрактно. Но для XIX века, с его фанатичной верой в экономику, технику и науку, это было именно то, что прописал доктор. Ну а на то, что мир в целом, лишенный культуры, религии, иерархии и прочих примет человечности, обращается у доктора Маркса в реестр приходов и расходов всемирной лавки ростовщика, внимания никто особо не обратил.

Но почему именно пролетарий? Потому, отвечали Маркс с Энгельсом, что пролетарий ничего не имеет «кроме своих цепей», оторван ото всех корней и представляет собой Tabula rasa (с лат. — «чистая доска»).

Пролетарий есть, таким образом, идеальный голем, в глиняную голову которого можно вложить какие угодно письмена, например: «Весь мир насилья мы разрушим», и, без лишних рефлексий, направить его на сокрушение старого мира, поскольку ему ничего там не дорого — ни культура, ни религия, ни семья… Ничего!!!

Итак, забраковав программный текст новой партии, написанный Гессом, Энгельс переработал его сперва в катехезис «Принципов коммунизма», а затем в «Манифест Коммунистической партии». Маркс план одобрил. Так мир и был облагодетельствован «евангелием коммунизма».

Разумеется, никакой коммунистической партии на тот момент в природе не существовало. За Гессом, как мы уже говорили, стояли влиятельные масонские и финансовые круги, которые и взялись за рычаги вновь сооружаемой «коммунистической машины».

Долгие годы тесно общавшийся с Марксом Михаил Бакунин (кажется, именно он перевел текст «Манифеста» на русский язык. — **В.М.**) в весьма откровенных и нелестных характеристиках вывел его на чистую воду как большого мошенника, обуянного жаждой власти, попутно обвинив в сотрудничестве с Ротшильдом. «Это может показаться странным, — пишет Бакунин. — Что может быть общего между коммунизмом и высокими банковскими сферами? Но дело в том, что коммунизм Маркса желает мощной централизации государства, а там, где есть централизация государства, сегодня обязательно должен иметься Центральный банк государства, а там, где подобный банк существует, паразитирующая нация евреев, спекулирующая

на работе народа, всегда найдет средства к существованию…» (Бакунин М. «Мои отношения с Марксом»).

К сказанному Бакуниным можно добавить, что в своем «Капитале» Маркс нападает исключительно на промышленный, т.е. национальный капитал, составляющий конкуренцию капиталу наднациональному (еврейскому) — финансовому.

Очевидно, прав Бакунин и в отмечаемой им тесной связи Маркса с Ротшильдами. Маркс не только был дружен с династией еврейских финансистов и связан с ней родственными связями, но и приходился дальним родственником (по материнской линии) Натану Ротшильду и троюродным братом Лайонелу Н. Ротшильду. Понятно, что случайных людей в таких комбинациях не бывает. Неудивительно и то, что, жирно «смазанная маслом» ротшильдовских капиталов, пропагандой, издательствами и средствами массовой информации, «коммунистическая машина» марксизма очень хорошо катилась по мозгам не только «трудящихся», но и интеллигенции европейских стран. Как бы еще баснословное нагромождение нелепиц и темной псевдонаучной чертовщины, названное «Капиталом», могло обрести статус мирового Талмуда всей левой профессуры?

Но главное — совпадали конечные цели Маркса и Ротшильда: разрушить старый мир и построить на его обломках новый. Маркс рассказывал мутные байки о будущем «царстве Божием» на земле («кто был ничем, тот станет всем»). Ротшильд же со всей трезвостью финансиста понимал, что править в новом чудном мире будет финансовая олигархия, и потому — щедро спонсировал коммунистическое движение.

Не является сегодня большим секретом и то, что Первая мировая война (как и последовавшие в ходе нее русская, немецкая, турецкая революции) была организована на деньги Федеральной резервной системы и целиком деньгами этого крупнейшего мирового центробанка профинансирована. При этом американские куны, шиффы, варбурги спонсировали Антанту, а их немецкие родственники (Макс Варбург — глава тайной службы и главный финансист Вильгельма) — центральные державы. Очень удобно и прогрессивно.

Пресловутые «деньги германского Генштаба», переданные Парвусом Ленину, были как раз деньгами Макса Варбурга. Товарищ же Троцкий плыл из Америки в Петроград делать революцию, снабженный безлимитным кредитом

петроградского отделения «Ниа банка» Якоба Шиффа, американского филиала английских Ротшильдов. Опять же, удобно и не хлопотно.

Но несмотря на все деньги мировой плутократии, мировая революция, нарушая все догмы марксизма, так и не состоялась. Почему же?

Оказалось, что европейский пролетарий все-таки не до конца выкорчевал из себя свое темное проклятое прошлое, что он все еще был слишком укоренен в семье, церкви, традиции, любви к своей родине и что классовой войне он все еще предпочитал войну за свою любимую отчизну. (Не предупреждал ли Мозес Гесс о первичности расовой войны перед войной классовой?)

И вот тогда на помощь Марксу приходит Фрейд. Во Франкфурте — центре центров банкирской сети европейских Ротшильдов — открывается так называемая Франкфуртская школа социологии, смыслом деятельности которой становится скрещивание фрейдизма с марксизмом с понятной целью: выпотрошить не только мозги, но и душу европейского человека (уже не только пролетария, но и буржуа).

Если классический марксизм просто-напросто отрицал культуру, объявляя ее необязательной «надстройкой» над экономическим базисом, то фрейдомарксисты работали шире. Всю европейскую цивилизацию — от Рима и Эллады включительно — они объявили авторитарно «фашистской» с превалирующим «культом отца», подавляющим свободную личность. Дабы покончить с ужасным «фашизмом», эту цивилизацию требуется разрушить, а прежде всего, раскрепостить подавленную «фашистским обществом» личность. Раскрепостить, разумеется, сексуально. Так была заложена последняя (на сегодняшний день) бомба под белую цивилизацию. Бомба, которая и громыхнула в 1960-е одновременно в Америке и Европе.

Врагом новой революции был объявлен белый человек как таковой (раса фашистов и угнетателей), и в особенности белый мужчина (фашист по определению). Против него и развернулась новая марксистская (теперь уже фрейдомарксистская) революция.

Одновременно устаревшего «пролетария» заменили прогрессивные «меньшинства» — расовые и гендерные. (Расовая война отвергнутого прежде манифеста Гесса с триумфом возвращалась.)

Все это продолжается и сегодня. Стратегии «последней революции» осуществляются в сегодняшней мультикультурной Америке и Европе в форме замещающей миграции, феминизма, пропаганды межрасовых браков, мультикультурализма, культуры отмены, черного расизма, политкорректности и т.д., и т.п.

«Манифест Коммунистической партии», как видим, продолжает свое триумфальное шествие по странам и континентам. Более того, его вполне можно назвать основополагающим текстом сегодняшнего мультикультурного и почти уже полностью оккупированного замещающей миграцией Евросоюза.

Лина МКРТЧЯН

НЕЗАБВЕННЫЙ ГОРОД ВЕРНЫЙ

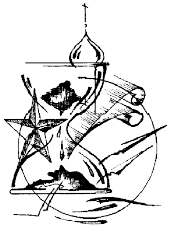
Историк, который бережёт свой статус признанного учёным сообществом, вынужден мыслить на уровне «читателя газет»

М. Цветаева

В 1867 году в Российской Империи произошло два мистических совпадения — рождение Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства и рождение князя Давида Ильича Абашидзе — будущего епископа Димитрія, духовного водителя Русского Туркестана с центром в городе Верном.

Семья Абашидзе состояла в родстве с семьёй Багратуни — давшей миру великого героя Отечественной войны 1812 года князя Петра Ивановича Багратиона.

Давид Абашидзе получил блестящее образование — сперва в Тифлисской классической гимназии и затем в Одесском Новороссийском Императорском университете, в котором в те годы юридический факультет совмещал в себе три факультета — историко-филологический, физико-математический (!) и собственно юридический. 35 ординарных и 14

экстраординарных профессоров вели обучение (в том числе санскриту…). Среди профессоров был выдающийся проповедник доктор богословия Александр Николаевич Кудрявцев. Богатейшая библиотека насчитывала более 80 тысяч томов отечественных и зарубежных авторов, а также 18 тысяч периодических изданий. Невольно вспоминается количество книг, которые Александр Сергеевич Пушкин привёз с собой из Одессы, и потом долгие годы продолжал пополнять свою великую библиотеку, выписывая из Одессы издания на всех основных языках мира.

Поступив в Киевскую Духовную Академию, уже через три месяца Давид Абашидзе был пострижен в мантию с именем Димитрія в честь великого Русского святого митрополита Димитрія Ростовского. Через 5 дней рукоположен в иеродиакона. Вскоре после блестящей защиты диссертации на тему «Православная Иверская Церковь в борьбе с мусульманством в XVII веке» был рукоположен в иеромонахи, и Указом Святейшего Синода 19 марта 1897 года был назначен инспектором Тифлисской классической гимназии. **Здесь впервые пересеклись пути будущего старца схиархиепископа Антонія и Иосифа Виссарионовича Сталина.** Наказанный за чтение запрещённой литературы Иосиф Джугашвили оказался в изоляторе, и инспектор (!) Тифлисской семинарии приносил ему в изолятор еду… Владыка давно обратил внимание на талантливого семинариста с блестящей памятью, стихи которого читали не только в Горийском духовном училище (пророческое стихотворение о том, как его отравят, было опубликовано в газете «Ивирея» 25 декабря 1895 года!), которое Джугашвили окончил по Первому разряду с Похвальным листом и в котором руководил хором, исполняя произведения таких композиторов, как Бортнянский, Турчанинов, Чайковский и др. (по материалам Тбилисского филиала ИМЭЛ). Став Епископом, Владыка Димитрій избрал Иосифа Джугашвили своим иподиаконом.

Оказавшись в рядах революционеров, т.е., по существу, пройдя тот же Путь, что Достоевский, Тихомиров, Бердяев и другие великие русские люди, попав в тюремное заключение, не только Иосиф, но и его мать Екатерина Георгиевна Геладзе продолжали постоянно получать помощь от Владыки Димитрія, о чём Иосиф Виссарионович помнил всю жизнь. Позже, став главой Государства, Сталин написал письмо архиепископу Димитрію с просьбой сообщить ему лично, где он хотел бы служить и где упокоиться. Старец

схиархиепископ Антоній написал благодарный ответ, и Иосиф Виссарионович исполнил волю Старца — вернул его в любимую Владыкой Киево-Печерскую Лавру, где схиархиепископ Антоній мирно почил в День своего Ангела в 1942 году. («Архиепископ Димитрій в схиме Антоній (Абашидзе). Жизнеописание. Слова, воззвания, письма». Издательство Троице Сергіевой Лавры, 2006 год).

Вернёмся в город Верный (Алма-Ата), откуда с 20 января 1906 года начался великий исповеднический и миссионерский Путь Епископа Димитрія. Возглавив Туркестанскую и Ташкенскую кафедры, он воистину соделал этот край Русским Туркестаном, куда входили Сырдарьинская, Самаркандская, Ферганская, Семиреченская, Закаспийская области с 25-ю уездами, а также особый Амударьинский отдел и русские поселения Бухары и Хивы, насчитывающие более **5 миллионов человек!** На юге границы епархии соприка-сались с Персией (Ираном), Афганистаном и Китаем. В Тур-кестан Владыка Димитрій принёс с собою мир, неустанную заботу о пасомых, милосердие и благодушие — двери его епархиального дома всегда и для всех были открыты. Благодаря самоотверженным и неусыпным трудам Владыки в Верном были созданы Православная семинария и Кафедральный Собор Вознесения Господня, общество религиозно-нравственного просвещения, где только за первые 4 месяца лекции Владыки по Православному вероучению, истории и этике посетило свыше 7 тысяч человек! Обладая прекрасным голосом и тонким слухом Владыка Димитрій создал замечательный архиерейский хор — радость и гордость верненцев; открыл епархиальный Народный Дом имени Императора Николая II, ставший центром притяжения всех жителей Верного и его окрестностей. В библиотеку Туркестанского Братства поступали лучшие периодические издания со всей Империи — «Русский паломник», «Миссионерские ведомости», «Кормчий», «Отдых христианина», «Детское чтение». Большой популярностью пользовались книги и брошюры книгоиздательства протоиерея Иоанна Восторгова «Верность». Необходимо помнить и о том, что рядом с Семинарией размещался лепрозорий, куда Владыка бесстрашно ходил причащать прокажённых… Государь Николай II Александрович пожаловал Епископу Димитрію полный комплект Архиерейского облачения с митрой. Император был знаком с Владыкой с 1900 года, когда тот совершал заупокойные богослужения в Абастуманском

Дворце у тела почившего великого князя Георгія Александровича. В награду за добросовестное и ревностное служение, за исполнение многочисленных послушаний, возложенных на Владыку Димитрія Матерью Церковью, 6 мая 1903 года он был удостоен ордена Святаго равноапостольнаго Владимира III степени.

Однако все эти приснопамятные события происходили в сложное для всего Русского мира время, в окружении иноверцев всех мастей. И для полного понимания трагедии, происходящей сегодня не только во всём мире, но и в Родном Отечестве, нам потребуется краткий экскурс в пещеру Хира, что близ Мекки…

«Кто контролирует прошлое, тот контролирует настоящее, кто контролирует настоящее, тот контролирует будущее» ***(Дж. Оруэл, «1984»)***

В VII веке некий араб по имени Мухаммед (Магомед) получил откровение… В детстве он был взят в дом богатой купеческой вдовы Хадиджи, которая вскоре стала его женой. Двоюродный брат Хадиджи был иудей и свободно читал по-еврейски. Сам Мухаммед не умел ни читать, ни писать, и все свои изречения диктовал двоюродному брату жены, ставшему его другом и секретарём. Изречения эти складывались в суры — главы Корана. Родство между Кораном и Пятикнижием очевидно. В начале проповеди Мухаммеда не имели успеха. Его община насчитывала 43 человека, включая жену, дочерей, друга и секретаря Абу-Бекра и рабов. Но Мухаммед упорно продолжал проповедовать, ярко изображая мучения, которые ожидают неверующих в Аллаха, и не желающих полностью быть покорными Мухаммеду (ислам в переводе с арабского — «покорный»). Так и не достигнув желаемого результата, Мухаммед переселяется из Мекки в Медину (Ятрибу) с её мощной еврейской общиной. «Сюда разгромленные императором Титом бежали зелоты. В Аравии был талмудический центр — Хайберская школа раввинов, глава которой носил звание царя. Евреев с арабами роднило общее семитское происхождение, схожесть языка, традиция обрезания, и общий семитский МИФ» (В.И. Можегов «Бомба под христианский мир»).

Здесь, в Медине, под покровительством иудейских учителей небольшая секта сторонников Мухаммеда выросла в огромную силу, способную в будущем разрушить

христианство и Византийскую Цивилизацию, т.е. то, ради чего и создавался ислам. Постепенно иудоарабская Армада захватывает земли Сирии и Северной Африки. Но, как верно заметил выдающийся Русский мыслитель Лев Александрович Тихомиров, «евреев подвела их обычная самоуверенность». Не терпя никакой власти над собою, Мухаммед внезапно повернул против своих учителей, ни в чём и ни с кем не желая делить власть. Одной из стратегических задач Мухаммеда было полное подчинение Мекки, где ему всё ещё оказывали сопротивление. Но в 630 году последнее сопротивление было сломлено. Непокорных он казнил. И в 632 году образовался могущественный Аравийский халифат во главе с Мухаммедом и его другом Абу-Бекром, подчинившим себе Сирию, Египет и Персию. Не обошлось без раскола на Испанский (Кордовский) и Среднеазиатский халифат. Среднеазиатскому с его кураторами XX и XXI веков и будет посвящено наше дальнейшее размышление.

Мухаммед скончался в Медине в 633 году в возрасте 63 лет, и невзирая на то, что его проповедь длилась всего 20 лет, при могущественной поддержке иудаизма и общих целях даже в условиях окончательного внешнего разрыва им удалось поровну поделить между собою планету Земля.

Есть ли на этой планете будущее у Русской Империи? Аборты. Мигранты. Церковь. Культура.

Нет, это не опечатка. Первое слово — единственное в ЭРЭФ под строжайшим запретом. Нам только кажется, что это мигранты «взорвали нам мозги» да ещё во время нескончаемой Войны против нас всей Европы и Америки тире Израиля (или наоборот). Первые мигранты были потрясены (каждый в свою меру) увиденным в России. Многие из них родились уже вне ортодоксального ислама, но в **иной системе ценностей**: с детства их учили уважать старших, и им не приходилось видеть, как дети в школе бьют учителей; их матери рожали столько детей, сколько Аллах пошлёт, поэтому каждая семья независимо от достатка была большим кланом с врождённым чувством взаимовыручки. Они не уважают слабых и безвольных. Независимо от религиозности они воспитаны в духе уважения ко всему, что связано с религией.

Приезжая сначала просто подработать, ибо в Средней Азии после уничтожения Советского Союза была такая же нищета

и безработица, как и по всей нашей стране (за редким исключением в Казахстане и в вечно непотопляемом Азербайджане), они попадали в другой, прямо противоположный мир: стариков не только не уважали — их могут бить прямо на улице, и никто не защитит; учителей в школах бьют молотками, в них стреляют так же, как в одноклассников; женщина, если беременна (что большая редкость) летом ходит с голым животом в мужской «одежде», старушки спешат не в церковь, а надев брюки и накрасив чёрным лаком ногти, бегут на очередное заседание клуба «Долголетие»; их внуки живут не в семьях, а в гаджетах; основная профессия здесь — психолог; ночами большинство в ночных кабаках; повсеместно нескончаемые фестивали, перформансы и инсталяции. Во время Войны, которую называют СВО, всё это только усилилось и умножилось, словом… «промасштабировалось». Самые богатые люди — главы диаспор. Интересно, кто возглавит диаспору 70-ти тысяч индусов, которые привезли с собою проказу, оспу, чуму и холеру?.. И все они видят две России — одну святых мальчиков и их отцов, погибающих на Донбассе, и Россию миллиардеров, прожигающих «свои» деньги в дорогих ресторанах, на яхтах и в прочих Дубаях… Так что **бойня в «Крокусе» «естественна» и «закономерна»!** Это русские не знали, что идёт Великий Пост, а мигранты и их хозяева хорошо знали и были уверены, что уж когда-когда, а Великим-то Постом они («русские») возьмут детей и пойдут на ночь в сатанинское капище слушать психотропную «музыку», т.е. на очередную чёрную мессу! Они всё точно рассчитали и сожгли и убили ровно столько людей, сколько планировали. И даже в этом «случае» хотя бы тысяч 100 мигрантов не депортируют! И об этом они знали заранее!

Сегодня трагедия России прежде всего в том, что она больше не является **Духовным колодцем человечества**, коим была во все времена. Великая Русская культура превратилась в лунный ландшафт, и отдельные, редчайшие явления её, как звёзды в сумерки…

И мигрантам, смеющимся над нами, не за что сегодня нас уважать. Только их отцы помнят ещё последний расцвет Советской Имперской Культуры — он на прощание вспыхнул дважды — с 1939 по 1953 годы и с 1965-го уже как отсвет длился до 1993-го… Отцы сегодняшних мигрантов помнят, как в составе этой Великой Культуры творили Шавкат Абдусаламов, Олжас Сулейменов, Чингиз Айтматов, Давид Кугульдинов, Рустам Хамдамов, Тимур Зульфикаров, Юрий

Темирканов, Искандер Хамраев, Расул Гамзатов, Эльёр Ишмухамедов…

Сталин и после Войны жил всё в том же режиме — спал не более 4-5 часов в сутки. Сам, т.е. лично, никому не перепоручая, смотрел те фильмы, пьесы, балеты, оперы, читал те романы и поэмы, слушал те симфонии, которые необходимы народу для высокого чувства **самостояния**, как о «залоге величия его».

О, если б сегодня в лоне Матери Церкви творили бы такие столпы, как святитель Филарет (Дроздов), патриарх Гермоген, схиархиепископ Антоній (Абашидзе)! Может быть, за их святые молитвы и жертвенные труды Господь и помиловал бы нашу многострадальную Родину!.. Может, шестая колонна, это внутреннее государство, которое завозит в итак опустошённую Россию всё новых и новых мигрантов, пока не поздно, вернется вместе со своими Брунгильдами фон дер Ляйен на свою *землю обетованную*. Ведь кто-кто, а они-то уж знают, что если Американскому Израилю (или Израильской Америке — всё одно) удастся ослабить Иран — следующими неизбежно будет брошенная нами Куба, ну а следом, если не уничтожить всю военную и правящую верхушку Украины, будет Россия. Александр Гелиевич Дугин и Сергей Ервандович Кургинян при всём различии своих харизм неустанно предупреждают об этом. Ведь они люди глубинных, фундаментальных (а не компьютерных) знаний, укоренённые в Русской мистической культуре, обладающие к тому же стихийной исторической интуицией. Но… боюсь, даже они не знают ответа на вопрос: кто изгонит мигрантов из наших Святых Алтарей, где и там их поставили «убирать», кто наконец-то депортирует всех мигрантов, кто запретит аборты, кто выведет Союз писателей из Минцифры (!) в Министерство культуры, кто остановит вымирание неработающих пенсионеров, лишённых прожиточного минимума; кто запретит продавать любимым китайцам все наши рыбные ресурсы? Кто позаботится о возвращающихся из Донбасса инвалидах и их семьях; кто отменит петлю ипотеки для ветеранов афганской, чеченской и чудом выживших ветеранов Великой Отечественной Войны, не говоря уже о **всех** воюющих на Донбассе, кто предоставит бесплатное жильё молодым супружеским парам, кто отменит платные «медицинские» «услуги»?! Этот список окончить невозможно, увы. Мы умничаем о евразийстве, о демографии, экономике, патриотизме, а **живём до сих пор по западным лекалам, во всём, ВО ВСЁМ!** Как можно произносить

словосочетание «национальные ценности» или тем более «духовные ценности», если до сих пор даже во время Войны мы занимаем 1 место в мире по абортам?! МИЛЛИОН КАЖДЫЙ ГОД!!! А ведь не исключено, что для того, чтобы вернуть русским мир, Русскую культуру, не на словах, а на деле вернуть русским людям жизнь, придётся вернуться в 1242 год и повторить подвиг святаго благовернаго великого князя Александра Невского — между Западом и Востоком навсегда выбрать Восток.

«Живите в Доме и не рухнет Дом!»

На прощание вернёмся в Русский Туркестан благодаря Богохранимому граду Павлодару (Северный Казахстан), где живёт, развивается, возрастает и собирает вокруг себя более 2 тысяч самых талантливых, самых светлых, самых настоящих искренних людей **Славянский Центр!!!** В Москве когда-то в 90-е тоже был Славянский центр благодаря гениальному скульптору и Великому Русскому Человеку Вячеславу Михайловичу Клыкову (20 лет со дня безвременной кончины которого исполняется 2 июня 2026 года), но Центр уничтожили так же, как уничтожили Музей Николая Михайловича Рубцова, что ютился в районной библиотеке… В Павлодаре — всё благодаря необыкновенной Красоты, необыкновенной Силы Духа, необыкновенной Веры и Верности Татьяны Ивановны Кузиной (в девичестве Хотиненко! Да, родной сестре любимого всем народом выдающегося режиссёра Владимира Ивановича Хотиненко!!!). Татьяна Ивановна Кавалер Ордена Святой Равноапостольной княгини Ольги, Кавалер Ордена Дружбы, Лауреат Пушкинской медали, член правления Международного Совета соотечественников, председатель правления Славянского Центра! Он был открыт ровно 30 (!) лет тому в День Ангела Анастасии Ивановны Цветаевой — 4 января 1996 года. При Славянском Центре единственный в мире музей Анастасии Ивановны, вдохновителем, неустанным тружеником, талантливейшим руководителем которого является Ольга Николаевна Григорьева — душа всех музыкально-поэтических вечеров. Здесь же единственный в мире музей гениального Русского поэта Павла Васильева! Славянский Центр объединяет в себе «Совет Матерей», творчество фольклорной студии «Поречье», фольклорного ансамбля «Славянки», объединение «Землячество Алтая», музыкально-литературный салон «Лира», хор ветеранов

имени Александра Шиллера, клуб «От всей Души!» Молодёжную секцию Центра возглавляет Елисавета Краснопёрова. Служба «Милосердие», Международный выставочный проект «Казахстан. Земля. Люди»; В Центр приезжают с творческими вечерами Юрий Назаров, Евгений Миронов, Сергей Газаров, Владимир Конкин, и, конечно, сам Владимир Иванович Хотиненко. Земной поклон Ернару Ануарбековичу Шамбаеву — создателю сайта Славянского Центра, благодаря которому центр имеет 11 (!!!) филиалов! За самоотверженный труд, за Любовь и Веру Татьяна Ивановна Кузина была награждена лично незабвенным отцом нашим Святейшим Патриархом Алексіем Вторым, дважды лично награждена президентом В.В. Путиным.

В деревне «Новосёлово», Киржаческого района, что под Владимиром, на месте трагической гибели Великого Русского Человека Юрия Алексеевича Гагарина стоит памятник с высеченными на нём строками Олжаса Сулейменова: «Земля, поклонись Человеку!»

Не унывай, земля моя родная,
И, прошлое с любовью вспоминая,
Смотри вперёд на предлежащий век!
И верь — твой враг вражду свою оплачет
И замолчит, уразумев, что значит
И Русский Бог, и Русский Человек.

(В. Бенедиктов)

Февраль 2026 г.

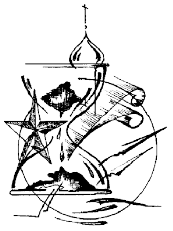
Андрей САМОХИН

РУССКИЙ НАРОД И РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

(Доклад на Калязинских чтениях Русского Собрания 11 февраля 2026 г.)

Русский народ как этнос, да и как хребет политической российской нации (сразу же разделяю эти понятия) находится сегодня в критическом состоянии. Если использовать терминологию Льва Гумилева, мы как этнос находимся в стадии обскурации на грани перехода в стадию мемориальную. Сейчас уже можно констатировать, что краткая пассионарная вспышка русского самосознания 2014 года, связанная с возвращением Крыма и «Русской весной» была, если так можно выразиться, «купирована» последующими семью годами государственной неопределенности и двусмысленности. А последующая — еще более яркая вспышка — 24 февраля 2022 года, обещавшая было перейти в пассионарный взрыв, не перешла в него. Как мне представляется, ошибки командования первого этапа СВО, мутные политические договорняки, отсутствие мобилизации общества сверху являются не главными, а вспомогательными факторами этого «не-перехода», этого инерционного затухания поднявшейся пассионарной волны.

Главная же причина, как опять же мне кажется, состоит в самом внутреннем состоянии русского этноса.

Если быть честным, то следует с болью признать: русский этнос серьезно болен. И физически, и ментально, и духовно. Причем последний диагноз определяет два предыдущих. То есть грозно растущая физическая ослабленность новых поколений, снижение умственных способностей, мировоззренческая растерянность, глубокий душевный раздрай или циничное бесчуствие прямо вытекают из «духовной бездомности». Продолжающийся демографический обвал, аборты, наркомания и игромания, разводы, дизлексия, социофобия — все эти известные болезни — следствие той же духовной бездомности: отсутствия твердого мировоззренческого стержня. Того, что соединяет человека одним концом с Богом, а другим — с предками, с историей своего народа. А она, в свою очередь, неразрывно связана с историей русского государства, верой, литературой, искусством, мелосом — тем, что мы в совокупности называем «душой народа». В ней есть зримые и вербализованные «скрижали» жизненных принципов и идеалов. А есть то, что Юнг назвал «коллективным бессознательным».

Надо сказать, что обе этих части народной души подвергались и продолжают подвергаться разной силы ударам, инвазиям, искажениям и смещениям уже несколько веков. Я не оговорился, именно — веков. Поэтому, говоря о новых поколениях, я имею в виду весьма широкую галерею «отцов-детей», одним из эпизодов которой является и мое поколение.

Зачем вообще эти размышления, к чему они? А к тому, что кризис самоидентификации, в который умело погрузили русский народ — не без его вины, разумеется, — чреват самим исчезновением этноса как исторического организма.

Замечу сразу, что сохранение даже в нынешних границах государства под названием «Российская Федерация», но в котором русские станут меньшинством, при этом «Иванами не помнящими родства», а управлять ими будут инородцы и иноверцы, уже не будет продолжением русской истории. Даже если государственным языком останется русский, а фольклорные ансамбли русской песни и пляски будут выступать по всему миру. Это будет мемориал русского народа, к которому мы пока, увы, двигаемся семимильными шагами.

Мы навыкли легко бросаться суворовской фразой «Мы русские — с нами Бог». Однако не стоит забывать жесткие слова Иоанна Крестителя, сказанные при Иордане фарисеям и саддукеям, гордившимся своей богоизбранностью: «И не думайте говорить в себе: «отец у нас Авраам», ибо говорю

вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму».

В переложении к русскому народу это может звучать так: «Вы можете продолжать гордиться, что вы православные, говорить о своей Богоданной миссии Третьего Рима или Нового Иерусалима, но всё это может быть у вас в одночасье отнято, ибо было экзаменом, который вы в итоге не сдали и Крестом, который вы не вынесли». Оцениваются здесь не отдельные группы духовных пассионариев, крепко верующих, отдающих жизнь, здоровье, материальные блага за други своя, а весь народ, именующийся русским, иногда чисто формально, по инерции.

Поскольку тема эта слишком огромна для короткого доклада, я бы хотел артикулировать несколько более локальных дискуссионных тезисов. Они касаются государственно-общественного устройства русского народа.

Первый, наверное, не подлежит дискуссии в этой аудитории. А именно: русский народ без русского по форме и содержанию государства обречен на вырождение и смерть. Второй: русский народ, отошедший от Христа и Пресвятой Троицы, забывший Бога, паче того поклонившийся иным богам, будет обращен в ничтожество и развеян, аки прах.

Для меня оба этих тезиса тождественны. Можно, конечно, задать полемический вопрос о советском времени, когда государство официально выбросило Бога за борт госкорабля и попыталось заменить православие культом коммунистических идолов. Но на это есть ответ: во-первых, коммунисты не смогли, несмотря не террор, уничтожить Церковь как институт. Во-вторых, и самое главное — оказались бессильны вытравить из коллективного бессознательного христианский архетип мышления, чувствования и поведения. И, наоборот, вынуждены были со временем под него подлаживаться.

Безусловно, повредили, замутили и засорили они душу народа сильно. Но не убили её. Более того, если говорить про «среднюю температуру по больнице», то «божеского», читай, «православного» в отношениях между людьми и вообще в общественной атмосфере, скажем, в брежневское время было, наверное, побольше, чем сегодня, когда вокруг сотни работающих храмов и священники выступают по радио и ТВ. И об этом стоит задуматься.

Но вот обещанные дискуссионные тезисы. Один можно назвать «антитезисом». Две предыдущие государственные формации русского народа (а обе, при всех «но» были

таковыми): Российская Империя и СССР потерпели фиаско и закончились крахом. При всех сложных привходящих: тайных заговорах, предательстве элит, работе врагов, считаю это именно крахом формаций. А это, на мой взгляд, явно говорит о том, что проекты были изначально неверны, конструкции ненадежны, скрепляющий раствор слаб. А значит — падение зданий было неизбежно. Что важно для нас сегодня как урок на будущее.

Ключевое слово здесь «проект». Поскольку обе формации были «проектными». Первая — петровская, вторая — ленинско-сталинская. С советским проектом всё в общем-то ясно: заемная идеология, изначальный обман, богоборчество и утопическая попытка «выковать» нового человека. В «моменте» госстроительство удалось, даже на каком-то этапе показалось эффективным за счет сверхнапряжения сил русского народа — отчасти насильственного, отчасти — энтузиастического, пассионарного. Но затем, когда пассионарная инъекция закончилась, народ был выжат как губка, а идеология разложилась на плесень и липовый мёд, — наступила стагнация и гибель.

А что же Российская империя? В ней же вроде как действовала сакраментальная «уваровская формула», Церковь была государственной, история уважалась и пествовалась...Уточню, что речь идет именно об империи, а не о «Росии» с одной буквой «с» и не о «Российском царстве». То есть де-юре с 1721 года, а де-факто с начала XVIII столетия, с активной фазы петровской госреволюции. Петровский перелом об колено Московского царства в Петербургскую империю был эффективен с точки зрения государственного светского могущества, в отличие от большевистского эффекта, достаточно долго — где-то полтора века или чуть больше. Но уже в конце XIX столетия стал давать сбои. А в начале XX вошел в явный кризис. Не в экономический — с этим перед Первой мировой войной было всё прекрасно. А в общественно-политический, управленческий, духовный. Причем в последний империя начала входить едва ли не сразу после начала петровских реформ. Проектная ставка Петра на светское могущество страны, вхождение в Европу, по крайней мере, своими верхними классами, резкое снижение роли Церкви в госуправлении обусловили, с одной стороны, ряд блестящих внешних побед, расцвет светских науки, культуры и литературы, постепенно «русифицируемых». А с другой — всё более резкий и роковой культурный и бытовой разрыв

высшего дворянства и «простонародья», массовый отход сперва первых, а за ними и вторых от веры предков с сопутствующим разгулом пороков, в том числе — и среди духовенства; бесконечные идейно-духовные эпидемии с Запада, а в конце — и с Востока… Вот это всё и создало зыбкую, гнилую почву для успешного заговора внутренних и внешних врагов против русской империи и русской монархии вообще.

Спрашивается: ну и какой толк нам сегодня от этих двух выводов? Толк двоякий. Во-первых, перестать с пеной у рта «качать» за Советский Союз или за Российскую империю. Ни туда, ни туда мы не вернемся. Оба пути были ошибочными для русского народа и оба этих пути Господь дал пройти ему в качестве отрицательных уроков. Сразу оговорюсь, что с начала 1990-х и по сей день мы проходим третий отрицательный урок — либерального капитализма. И СВО, где врагам нашим удалось добиться, что две части одного и того же русского этноса убивают друг друга, можно назвать отрицательным пиком этого урока. Он в самом разгаре, и еще неизвестно, зачет или незачет мы за него получим.

А что же тогда можно назвать путем неошибочным? С этим, безусловно, труднее, поскольку приходится обращаться к далекому прошлому нашего народа, жившего и строившего государство в сильно других исторических реалиях. Времени Иоанна III, Василия III, Иоанна IV, Федора Иоанновича и, может, еще Михаила Романова и первой половины царствования Алексея Михайловича — то есть времени создания и расцвета Российского Царствия.

В чём тут дело? Конечно, не в боярских охабнях и кокошниках, не в системе Приказов. А в том, что развитие государства шло органично — как на поле вместе произрастают злаки и сорняки, дубы и мелкие кустарники. При этом стержнем произрастания была Православная Церковь в соединении с самодержавной монархией, с переменным успехом, но неуклонно стремившимися к симфонии.

Никакого идеала, «золотого века», разумеется, не было. Однако ни множество явных нестроений, государственных ошибок, порой, преступлений, даже ни великая Смута не доказывали слабость, принципиальную ошибочность, недолговечность пути, по которому шла Россия. И пресловутое научно-техническое отставание от Европы не было каким-то смертельным — тем, что нельзя было наверстать, не поднимая страну на дыбы.

Речь идет о дихотомии между органическим и проектным развитием. Проект — это заранее нарисованный чертеж или схема, в которую власть держащие желают затолкнуть живой народный организм, каких бы потерь для организма это ни стоило. В том числе — обрубания «излишне торчащего», прививки несвойственного. Он может даже иметь свойства мечты, несмотря на обрубания приводить большие массы в состояние эйфории, «трудового удара», как говорили на пике строительства коммунизма. За счет пассионарного напряжения может вести и к внешним ярким победам. Но эйфория проходит, победы кончаются, наступает понимание нанесенных травм. Выстроенные башни рушатся, а силы на исправления взять негде… Хотя некоторые достижения так или иначе остаются от любой эпохи. Будь то хорошие «строительные блоки» или опыт раннего распознавания грабель, торчащих на дороге.

Органическое развитие — это когда народ и его правители стараются жить в одной системе координат, рожденной предками. С вертикалью — к Богу и горизонталью — к миру. Постепенно удлиняя и укрепляя абсциссу и ординату, стараясь прокладывать новые дорожки не по прямым линиям, а там где народ протоптал. Трезво осознавая, что никакого «торжества справедливости», никакого «равенства», никакого «рая не земле» никогда не будет, пока не кончатся «эта земля и это небо». Но задача правителей и народа добиться совместными усилиями, чтобы, по слову философа, жизнь в ограде государства не обратилась в ад. Необходимым условием для этого являются общие безусловные нравственные аксиомы, опирающиеся на религиозную основу — одной или нескольких конфессий, исповедующих эти принципы как категорические императивы. Гораздо более размыто и нечетко их именуют сегодня «традиционными ценностями».

Что же нам делать сегодня? В допетровское московское царство нам, разумеется, не вернуться, как и в две последующие формации. Но из каждой мы в силах по тщательному осмыслению извлечь: во-первых, негативные уроки, во-вторых, положительный опыт, переложив их на полотно сегодняшнего дня. То есть попробовать реализовать гегелевский принцип отрицания отрицания, синтезировав из «растворов» прежних исторических эпох новое, но при этом традиционное Русское государство. И обязательно органически — исходя из сегодняшних реалий, не забегая вперед и не тужась навеять кому-либо новый «сон золотой».

У нашего народа нет сил на какие-то новые визионерские проекты и на спасение всей ойкумены.

Спасение, как мы знаем — дело индивидуальное: «один берётся, а другой оставляется». Поэтому позволю в заключение прибегнуть к такой метафоре. Россия — не единый Ковчег Спасения, а большая связка индивидуальных плотов, привязанных к кораблю-флагману. Возможно, что и спасение будет облегчено каждому отдельному плывущему в этой связке, и даже неизбежный водоворот конца света может быть отодвинут вдаль. Но только при условии, что над флагманским кораблем будет развеваться единый стяг Спаса Нерукотворного, а не гирлянда разноцветных флажков, «терпимости» ради. И если в рубке штурманом будет Предстоятель Православной Церкви, а капитаном... Хочется сказать, разумеется, — православный Царь, но, исходя из реалий, — хотя бы крепко верующий православный Верховный Правитель.

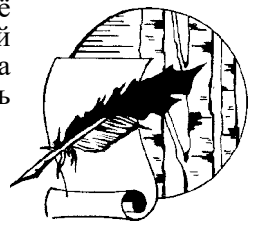
При этом основным вервием, крепко скрепляющим эту флотилию, станет именно русское Православие, что ничуть не обидит «веревочки» других традиционных религий, связывающих между собой отдельные группы плотов. К флотилии могут свободно присоединяться земляне из других флотилий — индивидуально и группами. И те, кого воодушевляют символы флагмана. И те, кому они кажутся более приемлемыми, чем все остальные.

Лидия СЫЧЁВА

ВАЛЕНТИНА МАЛЬМИ — ВАЛЕНТИНУ СОРОКИНУ

Поэт и редактор Валентина Николаевна Мальми родилась 16 июля 1949 года в г. Сухой Лог Свердловской области. В 1980 году окончила Литературный институт. Долгое время работала редактором в издательстве «Советский писатель», в 90-е годы была сотрудником «Исторической газеты», других изданий. Автор поэтических сборников «Отчизна звёздных кораблей» (1973), «Свободный день» (1985), «За тридевять земель» (1990), «Гаснут звёзды» (1993). Умерла в Москве 15 января 2025 года.

Сокурсницей Валентины Мальми по Литинституту была писатель Нина Орлова-Маркграф. Они занимались в одном поэтическом семинаре у критика Александра Михайлова. Нина Густавовна вспоминает Валентину как личность яркую, неординарную, в которой сочетались непоказная народность и истинная интеллигентность: «Она была ученицей Валентина Сорокина, он её ценил. А ещё у Вали был своеобразный юмор, шутки. Она ни на кого не была похожа…» Говорили, что и получить

работу редактора в «Советском писателе» помог ей именно Валентин Сорокин. Очень быстро Валентина Мальми заслужила уважение сотрудников и авторов издательства. Говорит поэт Геннадий Иванов: «В 1988 году у меня вышла книга стихов в издательстве «Советский писатель». Туда пробиться было сложно. Очень помогла редактор, Царство ей Небесное, Валентина Мальми». К редактору отдела поэзии выстраивалась очередь из авторов: в основе её работы с рукописью — безупречный вкус, профессионализм, деликатность.

Писатель Анна Козырева в своём очерке, посвященном кончине Валентины Мальми, свидетельствует: «Она рано начала писать стихи и рано, скажем, по Милости Божией, — познакомилась с Валентином Васильевичем Сорокиным, который стал не только первым её учителем, но и близким другом на всю жизнь».

Подтверждение этим словам мы находим в архиве поэта. Вот короткое письмо Валентины Мальми. Главное его содержание — стихи, напечатанные на машинке. Ниже чётко, наискосок, написано от руки: «Дорогому и первому учителю Валентину Васильевичу Сорокину — посвящаю и дарю от всего сердца.

Валентина Мальми. Сухой Лог-3. 1967 год».

Читаем:

ПОЕЗДА

В.В. Сорокину

Иной катит порожняком,
А всё пыхтит со зла,
Что долог путь,
И крут подъем,
И ноша тяжела.

Другой — хоть тяжко —
Но всегда
Неистов, как поэт.
Я, может быть, о поездах,
А, может быть, и нет…

12 августа 1970 года Валентина Мальми направляет своему учителю новое посвящение. Оно написано от руки на желтоватой бумаге для пишущих машинок, справа вклеено

фото автора 3х4 — такое обычно использовалось для документов.

ВАЛЕНТИНУ СОРОКИНУ

Не горюй,
не скорби,
не грусти!
Ты ведь сам
приучал меня
смолоду —
жить, как против теченья грести,
высоко запрокинувши голову.

Злую ненависть,
мщение,
боль —
всё мы встретим,
и всё пересилим.
Факел жизни,
зажженный тобой,
молодые несут по России!

Факел жизни.
Свободы.
Любви.
Нипочём неугаснувшей Веры!
Принимаю любые бои.
И поют полуночные ветры!

Мы начало берём от огня!
И, детей собирая под знамя,
это наша земля — и она —
хоть и в горе —
навечно за нами!

Прошло больше полувека, а стихи — не устарели! Это посвящение уже не только учителю, но и товарищу, близкому другу, утверждающему идеалы Свободы, Любви и Веры. Очень точное и ёмкое определение сути творчества Валентина Сорокина.

А ещё эти стихи — утешение и поддержка: «Не горюй, не грусти, не скорби!» Удивительное предвидение Валентины Мальми. Стихи, упреждающие горе. Какой духовной

чуткостью надо было обладать, как тонко понимать своего адресата, чтобы написать такие точные стихи! В 1970 году поэт действительно столкнулся со злой ненавистью, мщением и болью, и вовсе не бытового характера. «На меня, клубясь и угрожая, / Зло ползёт извивное во мгле», — позже напишет Валентин Сорокин в стихотворении «Начало», оглядываясь на своё противостояние с «догматиками» из госбезопасности, которые «ломали» творческую интеллигенцию, объясняя необходимость «сотрудничества» в форме доносительства интересами страны.

В 90-е годы именно те, кто обязан был страну защищать, сдадут её на разграбление западным фондам и спецслужбам, иностранному капиталу и двупаспортным олигархам. И сами поучаствуют в хапках приватизации общенародной собственности. Подводя в 2003 году итоги разгрома государства, в стихотворении «Николай Клюев — про обалдуев» Валентин Сорокин скажет: «Нынче воры-то лощёные / Грамотные и крещёные. / Рождество встречают с бардами / И крадут аж миллиардами. / Щедро платят деньги вольные / За империи футбольные. / Не марксят, не комсомолятся / Пьют в Кремле, на дачах молятся. / Пораспродали с чекистами / СССР и стали чистыми…»

По стихам, как по ступеням жизни, можно проследить судьбу поэта. После допроса на Лубянке в 14 августа 1970 года, на следующий день или через день Валентин Сорокин напишет стихотворение «Россия! Родина поэтов…» В очерке «Путь на Голгофу», опубликованном в 1998 году, поэт говорит о своём тогдашнем состоянии: «Я нес под своим сердцем ковши, вёдра русских слёз!»

Вот эти стихи:

Россия! Родина поэтов,
Пути судьбы моей темны,
Глаза, как дуло пистолетов,
И на меня наведены.

И кровью вымазаться лире,
И горлу выхаркнуть свинцом,
Коль не один владыка в мире
Не прослезился над певцом.

Вот, в штатском галстуке, Мартынов
Сидит в кафе и водку пьет
Не под скалою, так у тына
Меня в затылок он убьет.

Кого, кого он ищет взором?
Кто брат его? Кто друг? Кто бог?
Покрыл он прошлое позором,
Но спеться с будущим — не смог.

Умов слепое бездорожье
Трагедий века не решит,
Меня, взлетевшего над ложью,
Могильный крест не устрашит!

Россия! Голову я поднял!
И слово выгранил, как меч.
Убереги меня сегодня,
Ведь завтра — некого беречь...

«Всё пересилим», — обещает Валентина Мальми, обращаясь к поэту. В её стихотворном посвящении, которое пришло к Валентину Сорокину так вовремя, в его утешительной интонации читается даже что-то материнское. И есть в нём ещё одно важное предвидение: «Мы начало берём от огня…» В 70-е годы прогремит книга поэм «Огонь», за неё Валентин Сорокин будет удостоен в 1974 году премии Ленинского комсомола. Название — от одноимённой поэмы, впервые опубликованной в 3-м номере журнала «Молодая гвардия» за 1971 год. Вряд ли Валентин Сорокин кому-то рассказывал о том, что пишет «Огонь»… А если и поделился замыслом со своей младшей соратницей, значит, очень доверял ей, был с ней предельно откровенен.

Дебютный сборник Валентины Мальми «Отчизна звёздных кораблей», включающий стихи и поэму «Лермонтовский возраст» (и снова перекличка со старшим другом — в лермонтовской теме!) выходит в издательстве «Современник» в 1973 году в серии «Здравствуй, Москва! Первая книга в столице». Главный редактор «Современника» — Валентин Сорокин, в то время самый молодой руководитель издательства художественной литературы в стране.

Поэтесса из Екатеринбурга Любовь Ладейщикова вспоминает, что «с тех пор, как мы обменялись с Валей книгами, вышедшими у обеих в издательстве «Современник», прошло почти полвека...». Её знакомство с Валентиной Мальми состоялось на крылечке издательства. «Мой муж вышел покурить, и тут к нему шагнула Валя: «Вы поэт Юрий Конецкий? А я Вас знаю». Вскоре я присоединилась к ним, так началось наше знакомство».

Поэтический сборник «Материнский час» в серии «Первая книга в столице» вышел у Любови Ладейщиковой в «Современнике» в 1980 году. Видимо, в это время или чуть раньше Валентина Мальми направляет ещё одно посвящение Валентину Сорокину. Это машинописная рукопись с автографом автора — подписью синими чернилами. Даты на посвящении нет, указаны только места создания: «Сухой Лог — Челябинск».

* * *

В.В. Сорокину

Когда вовсю
паясничают снобы,
А лучших бьют
в глаза и за глаза,
мне вспомнится поэт
высоколобый,
что будет жить,
взойдя сквозь голоса.
Он говорил
доступно и открыто
о рифме,
о Ручьёве,
о Москве…
Он ладно скроен был
и крепко сшитый,
большой,
красивый русский человек.
…Жила, росла,
хоть не играла в куклы —
ещё в стихах
не лезла на рожон,
а он темнел,
измучен смертной мукой,
как Маяковский,
бытом окружён.
Но, вырываясь к жизни,
как из плена,
он пел Отчизну,
Верность,
Красоту,
и песня набирала постепенно

неслыханную в сказках
высоту.
...Не распыляясь
на пустую злобу, —
Что драки, если битвы впереди?! —
Пусть никогда
мой друг высоколобый
не пожалеет
о крутом пути.
Пусть не увидит он родного сына,
ступившим
на змеиную тропу,
Пусть будет имя Родины: —
«Россия» —
последний вздох —
в последнюю строку!..
И пусть его
до смерти окружают
во всём
его достойные друзья,
и в дальний путь
с улыбкой провожает
признательная
молодость моя.
Быть может,
на каком-то перекрёстке
сойдёмся мы —
и если как враги, —
дай бог тогда
припомнить нам, что тёзки,
что тёзки мы —
и не отнять руки.

В конце 70-х — начале 80-х Валентин Сорокин переживает очень непростое время в своей судьбе. Вместе с директором издательства Юрием Прокушевым поэт подвергается несправедливым гонениям со стороны антирусских сил из партийной верхушки. Дело руководителей «Современника» разбиралось на Комитете партийного контроля. Председателем КПК был член Политбюро ЦК КПСС Арвид Пельше. (В 1935—1939 гг. контрольную комиссию возглавлял будущий одиозный нарком внутренних дел СССР Николай Ежов, вошедший в историю как символ политических репрессий. Кадровая преемственность сохранялась —

разумеется, с учётом политического «климата».) В стихотворении Валентины Мальми неслучайно упоминается Маяковский, имевший «трения» и с Московской контрольной комиссией и несправедливые претензии со стороны ЦКК (старое название КПК). См. во вступлении к поэме «Во весь голос»: «Явившись / в Це Ка Ка / идущих / светлых лет, // над бандой / поэтических / рвачей и выжиг // я подыму, / как большевистский партбилет, // все сто томов / моих / партийных книжек».

Валентина Мальми прибегала к намёкам и иносказаниям не только потому, что следовала условностям поэтической формы. Не вызывает сомнений, что переписка Валентина Сорокина подвергалась негласному контролю. Для всех, кто понимал советские реалии, это стало ясно после вселения в 1978 году в квартиру поэта «звёздной пары» — Сергея Каузова и богатейшей женщины мира Кристины Онассис. Вещи же семьи Сорокиных — рукописи, книги — «созидатели уюта» для советского миллиардера демонстративно выбрасывали в окно. В пору советского «застоя» такие показательные жестокости и несправедливости, да ещё по отношению к человеку, в чьей верности России невозможно было сомневаться, были чем-то невиданным, из ряда вон выходящим!

Столкновение Валентина Сорокина со всесильным партаппаратом многие писатели расценивали не только как крушение его литературно-номенклатурной карьеры, но и как творческую смерть поэта. Первая часть стихотворения Валентины Мальми больше похожа на некролог, подводящий итоги жизни Валентина Сорокина: «Он ладно скроен был / и крепко сшитый / большой, // красивый русский человек»; «…он пел Отчизну, / Верность, / Красоту». Сравним с хрестоматийными строками Некрасова: «Его послал бог Гнева и Печали / Рабам земли напомнить о Христе», — тот же торжествующе-горький строй.

Но даже после таких ударов судьбы Валентина Мальми не считает биографию поэта оконченной. Напротив, она прозорливо предрекает Валентину Сорокину «битвы впереди». Пророческими станут её слова: «Пусть будет имя Родины: / — «Россия» — / последний вздох — /в последнюю строку!..»

И всё же финальный пафос этих стихов отличается от прежних посвящений. Валентина Мальми провожает своего тёзку в «дальний путь», где «пусть его до смерти окружают во всём его достойные друзья». Достойные, но — другие.

Автор говорит о том, что «признательная молодость» миновала, и она уже не сможет помогать поэту так сильно, как прежде, сопровождая его жизнь высотою искреннего чувства, повседневной упреждающей поддержкой… Грустные стихи.

В 1986 году Валентина Мальми редактирует в «Советском писателе» одну из лучших книг Валентина Сорокина «Лирика: Стихотворения и поэмы». Сборник вышел, когда чуть ослабели цензурные путы, в нём впервые в сильно сокращённом виде дана поэма «Бессмертный маршал» (о Георгии Жукове). И — невозможно читать без душевного содрогания стихи — сгусток боли, страдания, преодоления. Ни один из поэтов его поколения не подвергался такому давлению, травле, как Валентин Сорокин. Сколько же он перенёс!.. Запрет на известность, запрет на работу, запрет на выезд за рубеж, прессинг госбезопасности, клевету, доносы, зависть!.. И — нигде и никогда не предал родину, не искал защиты у её врагов, не мстил вчерашним приятелям, некоторые из которых торопливо его топили. Слово Валентина Сорокина всегда оставалось чистым и честным. «После бурь я сам немало стою, / Вырвавшись из огненных колец. / Доброта роднится с добротою, / Зло со злом — я понял наконец».

Дружеские и рабочие отношения между тёзками сохранятся до последних дней. Валентин Васильевич Сорокин уйдёт в звёздный мир 15 апреля 2025 года — ровно через три месяца после смерти Валентины Николаевны Мальми. В райском саду поэзии звучат теперь их голоса. Но и здесь, в мире земном, они останутся — навсегда. Потому что невозможно жить без любви и красоты, без отваги и нежности, без чистоты и верности, без доброты и честности, и без понимания — ради чего ты пришёл на белый свет! На эту землю, где жили такие люди — неповторимые, единственные. Святые — в своём служении призванию и России.

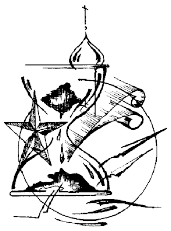
Автор располагает копиями опубликованных посвящений

Андрей СОШЕНКО

ЕДИНЫЙ КЛУБОК

Издавна либералистическая публика выставляла на посмешище, называла безумцами и мракобесами тех, кто изначально говорил о масонстве, «мировом правительстве», что существует заговор мировых т.н. «элит», и что во главе данного заговора находятся нравственные уроды, ненавидящие род людской. А теперь, по мере раскрытия «файлов Эпштейна», выясняется, что даже самые смелые «конспирологические» заключения русских мыслителей меркнут в сравнении с действительностью. Миром в самом деле управляет кучка сатанистов, преступных нравственных уродов, мерзавцев, каннибалов, педофилов и содомитов.

И это ещё не все «файлы» явлены мировой общественности, самые ужасные просто скрываются. Как заявили в Генпрокуратуре США, любые изображения, связанные с детской порнографией или сексуальным насилием над детьми, изображения, содержащие сцены смерти, физического насилия или травм были исключены. А ведь речь идёт в том числе и о ритуальных убийствах.

Ну и кто является мракобесами — сатанисты, людоеды, сексуальные извращенцы (во многом — либералистическая публика), «пятая колонна», разрушавшая во все времена наше государство, или те, кто пытается избавить от этих уродов мировую цивилизацию, те, кто всегда указывал на существование настоящих мракобесов на самых высоких позициях мировой власти?

И что в России с этим делом? Слава Богу, по сравнению с «прогрессивным Западом» ещё не всё так далеко зашло. Однако и у нас находится достаточное число таких же извращенцев, потаённых представителей «сексуальных меньшинств», мало чем отличающихся в нравственном смысле и внутренним своим состоянием от фигурантов известных «файлов».

Они стоят за либеральной политикой, за всеми либералистическими «прогрессивными реформами» и разрушительными процессами в стране. Они стоят, например, за безнравственной информационной политикой, «толерантной» и «вариативной» системой среднего и высшего образования, развращающей молодёжь. Они стоят за ювенальной юстицией, за продажей русских детей за границу, за запрещением литературы, раскрывающей суть сатанизма, и т.д., и т.п.

А что, разве не прослеживается из «файлов Эпштейна» единый клубок из сатанизма, масонства и мирового сионизма? Или и это кто-то объявит «теорией заговора»?

Канал RTVI констатирует: «Эпштейн в переписках цитировал раввинов и политиков, унижающих «гоев». Опубликованные электронные переписки Джеффри Эпштейна содержат не только криминальные подробности, но и многочисленные расистские высказывания. В них фигурируют цитаты бывшего главного раввина сефардов Овадии Иосефа о том, что «неевреи рождены, чтобы служить евреям» и одного из отцов-основателей Израиля, премьер-министра Давида Бен-Гуриона. В частности, упоминается его фраза: «Важно лишь то, что делают евреи». В документах также обсуждаются галахические правила, касающиеся убийства неевреев евреями, и содержатся личные оскорбления Эпштейна: «Гои глупы, у них есть глаза, но они слепы».

Интересна также переписка Эпштейна с Машей Дроковой (экс-комиссара российского движения «Наши», а затем PR-специалиста самого Эпштейна), подтверждающая сионистские замашки участников «клуба» Эпштейна.

Повторюсь, это только исходя из явленной на поверхность части «файлов».

Агентство «Завтра» по поводу переписки с Дроковой цитирует также RTVI: «В письме, датированном декабрём 2017 года, собеседница финансиста написала, что «нашла критерии для поиска умных людей», предложив ему работать с евреями. «Чем больше ты еврей, тем умнее. Ты сказал, что ты на 98% еврей. Ты очень умный. Мой бывший начальник на 78% еврей. Он суперумный, но гораздо менее, чем ты», — написала она бизнесмену. Дрокова предложила искать евреев через родственников и просить их пройти генетический тест, а затем провести мероприятие для тех, кто окажется евреем на 98».

Итак, все упомянутые выше мировые потаённые силы и уродливые явления взаимосвязаны и составляют из себя один клубок.

В какую только тему, связанную с рисками для нашей страны, ни начнешь углубляться, то обязательно наткнешься на связь с адептами и поборниками «прав» ЛГБТ-сообщества (запрещено в РФ как экстремистское). И если начать разбираться, то окажется, что все эти извращённые личности и составляют костяк тайных предателей, «ждунов» и врагов народа.

В 2021 году Министерством юстиции России был внесен в список экстремистских материалов советский фильм 1973 года «Тайное и явное. Цели и деяния сионистов». Но ведь в фильме только правдивые факты. В Советском Союзе фильм запрещен не был, а в 2021 году — его вдруг запретили. Кто запретил? И почему? Не потому ли, что он наталкивает на вполне логичные мысли насчёт единого клубка всех мировых сатанинских сил?

И почему наши власти в упор не видят разницы между антисемитизмом и антисионизмом? Это противоположные друг другу понятия, но «умники» во власти в этом никак не разберутся и осуждают людей, борющихся с сионизмом, за антисемитизм. Вот частный случай: почему запрещены «Протоколы сионских мудрецов», если в них идет речь именно о сионистском заговоре, который теперь подтверждается тысячами «файлов Эпштейна»?

И вот на Западе раздаются голоса, что Эпштейн был агентом российской разведки, а его «файлы», мол, были инспирированы КГБ. То есть определенные силы пытаются перевёрнуть всё с ног на голову по геббельсовскому принципу: «Чем чудовищнее ложь, тем скорее в неё поверят». Неужели в это кто-то верит?

Но почему тогда мы должны верить, что «Протоколы», которые запретили в «новой» России в 2019 году, но впервые опубликованные Сергеем Нилусом в 1905 году, были инспирированы царской охранкой? Разве ложь в обоих случаях не одна и та же?

И вот ещё аспект «теории заговора». Это уже ближе к каннибализму и ритуальным убийствам, как ещё одним, наверное, крайним проявлениям сатанизма. В материале «Записка о ритуальных преступлениях Израиля и в Израиле», опубликованном на Русской народной линии, я рассказывал о скандале в еврейском государстве, связанном с «ритуальным насилием» над несовершеннолетними со стороны ультраортодоксальных сект. В ней я цитировал публикацию в газете «Наша Версия» Руслана Горевого «Каббала святош» с подзаголовком: «Израильский раввинат угодил в сексуальный скандал с малолетками». Вот лишь фрагмент из материала «Версии»: «Жертвы свидетельствуют в кнессете о сексуальном насилии над детьми во время религиозных обрядов». То есть о том, что раввины растлевают и насилуют трёхлетних девочек, «проводя сектантские ритуалы» и «обряды с питьём крови» (!!!). И пишут об этом не какие-то «антисемитские боевые листки», а вполне респектабельные израильские газеты. На самом деле тут есть о чём задуматься.

Десятилетиями эпизоды имевшего место насилия над детьми с участием иудейских священнослужителей выдавали за небывальщину и «кровавый навет» на евреев. Но спустя десятилетия в Израиле дали повод предполагать, что считавшееся «одиозным» и «подстроенным» «дело Бейлиса» (судебное разбирательство ритуального убийства 12-летнего Андрея Ющинского в Киеве) и иже с ним (например, «дело Лео Франка») вполне себе из ряда возможного? А ведь доказывали — и «доказали»! — что быть такого не могло… И знаковые «исследователи» темы наперебой утверждали, что во всём виноваты «черносотенцы», а «ритуальное убийство» — игра воспалённого воображения юдофобов. Или, может, и в израильском кнессете сидят «черносотенцы»?..

После предания гласности в 2026 году «файлов Эпштейна» многое еще прояснится и очень многие тайны станут явными...

Так кто же в реальности — мракобесы?

Андрей ФЕФЕЛОВ

НА КОГО РАБОТАЛ ЭПШТЕЙН?

Во всемирную сеть вброшены миллионы страниц документов, десятки тысяч фотографий, сотни гигабайт видеозаписей, связанных с делом мёртвого Эпштейна. Следователи уже сейчас насчитали более тысячи пострадавших.

В деле фигурируют принцы и премьеры, лауреаты Нобелевской премии и основатели технологических гигантов, банкиры и главы разведок.

Примечательной особенностью этого прорыва, обрушившего на головы жителей планеты Ниагару мерзостей, стала вялая реакция на это крупнейших мировых СМИ. Вместо информационного цунами мы наблюдаем некое «дребезжание» с быстрым переводом фокуса на другие темы. Часть западных изданий предприняла попытку связать эпштейновскую историю с действиями Путина, что выглядит смехотворно.

В СМИ применяется также другая распространённая стратегия — банализация явления. Многие комментаторы сводят всё к констатации: «Ну, подумаешь, педофилия, ну сатанинские культы, ну каннибализм — так было всегда, богатые тоже отдыхают!»

При таком количестве шокирующих деталей парадоксальным образом ускользает главное, не даётся ответ на вопрос: кем же, по сути, был этот Эпштейн?

Конечно же, он не был ни извращенцем-одиночкой, ни авантюристом-индивидуалистом. Его клуб функционировал как хорошо отлаженное предприятие с филиалами в разных точках планеты. Особняк на Манхэттене, ранчо в Нью-Мексико, остров в Карибском море, апартаменты в Париже и Лондоне — всё это требовало не только колоссальных средств, но и слаженной работы коллективов и серьёзной «крыши».

В его адресной книге значились люди, принимающие решения в глобальном масштабе. Такие контакты не возникают случайно и не осуществляются без мощной поддержки.

Недавно в германском еженедельнике Эпштейна назвали «супер-коннектором» — человеком, поддерживающим контакты с сотнями людей из разных сфер. Определение верное, но в статье не говорится, на кого он работал.

Публикация части архива Эпштейна приоткрыла завесу над механизмами, с помощью которых десятилетиями выстраивалась система неформального контроля над элитами разных стран.

Удавленный в тюремной камере Эпштейн был человеком, выполнявшим определённые функции в системе теневой международной власти, которую российский министр иностранных дел Сергей Лавров называет «глубинным союзом», госсекретарь США Марко Рубио — «глобальным государством», а газета «Завтра» — глобалистским Синдикатом.

Упомянутые особняки и острова становились площадками, где завязывались знакомства, тестировались влиятельные фигуры, устанавливались неформальные коммуникации с представителями элитных групп.

Кроме всего прочего такие системы способствовали массовому производству «зомби-политиков», полностью управляемых в силу наличия на них тотального компромата, после обнародования которого на них не осталось бы живого места (понятно, почему лидеры стран Евросоюза такие послушные и почему все немецкие канцлеры такие смирные). Всё просто: кто не ездил на те острова, не участвовал в педофильских оргиях, не подписывал кровью договор с дьяволом, — не может стать европейской элитой…

Помощница Эпштейна Гислейн Максвелл приговорена к 20 годам лишения свободы. Она организовывала все публичные и все закрытые мероприятия своего шефа, выступала также основным вербовщиком несовершеннолетних девушек. Одна из подруг Максвелл охарактеризовала её так: «У неё были соответствующие воспитание и вкус. Она знала, как обставить дом, как управляться на яхте, как развлекать гостей. Это невозможно купить. Как невозможно купить и пропуск в эти круги…»

В 2020 году Гислейн Максвелл была задержана в Нью-Гемпшире, где скрывалась в течение года, меняя номера телефонов и электронную почту, заказывая посылки под чужими именами. Эта дама обвинялась в нескольких

преступлениях: заговор с целью вовлечения несовершеннолетних в половые акты, перевозка несовершеннолетних с целью преступной сексуальной деятельности, лжесвидетельство. При аресте у неё нашли 15 банковских счетов, на некоторых — до 20 миллионов долларов.

Гислейн Максвелл — родная дочь британского медиамагната, известного под именем Роберта Максвелла. Будущий миллиардер родился в бедной еврейской семье в 1923 году в закарпатском местечке Солотвино под именем Хаим Мехелевич Гох. В 1939 году накануне прихода советских войск родители отправили его во Францию под именем Ян Людвиг Хох. Во Франции будущий отец Гислейн служил в Иностранном легионе как Иван Лесли дю Мери. После переправки в Британию стал Лесли Джонсом. В британской армии получил имя Роберт Максвелл (окончательно закрепил его в марте 1945 года). Агентурный псевдоним в Моссаде: «Маленький чех». Владел многими языками, в том числе английским, немецким, французским, чешским, словацким, венгерским, румынским, русским, идишем и ивритом. Имел обширные связи с партийной верхушкой позднего СССР: встречался с Брежневым, Андроповым, Горбачёвым, Шеварднадзе, Яковлевым. Особые отношения связывали Максвелла с последним председателем КГБ Крючковым. В ноябре 1991 года погиб при странных обстоятельствах недалеко от Канарских островов на яхте «Леди Гислейн» (названа как раз в честь дочери).

Последний раз Максвелла живого видели в 4:25 утра гуляющим по палубе. Тело магната найдено вечером следующего дня примерно в 20 милях от Гран-Канарии. Официальная версия: сердечный приступ с последующим утоплением. На теле обнаружена разорванная мышца под левым плечом, указывающая, что перед падением он висел на одной руке.

Максвелл был похоронен на Масличной горе в Иерусалиме с почестями, близкими к государственным; на похоронах присутствовали премьер-министр Ицхак Шамир и президент Хаим Герцог, произнёсший длинную надгробную речь.

Гислейн Максвелл переехала в Нью-Йорк незадолго до смерти отца; полётные журналы 1991 года показывают, что она уже тогда путешествовала с Эпштейном.

Таким образом, среди множества загадок, открывающихся в ходе дальнейшего расследования дела Эпштейна, может оказаться главная тайна нашей новейшей истории — необъяснимый феномен перестройки и гибель Советского Союза.

Ростислав ИЩЕНКО

УКРАИНА БЕЗ БОГА

Любые переговоры с Украиной, прошлые, настоящие и будущие, заканчивались и будут заканчиваться ничем (в лучшем случае временным перемирием на период, пока Киев не восстановит силы и вновь не будет готов начать войну).

Это историческая неизбежность, вытекающая из принципа и истории создания современного украинского государства (если, конечно, этот ужас всё ещё можно называть государством).

Украина, в одно не совсем прекрасное утро проснувшись независимой, начала строить государство в идеальное время в идеальном месте. О советском наследстве вспоминать не будем — все что-то получили. Хоть на душу населения Украина получила больше всех, но одним наследством сыт не будешь, наследство — стартовый капитал. Впрочем, хороший стартовый капитал ещё никому не мешал.

Есть, однако, такие более важные вещи, как геополитическая ситуация, географическое положение, политическое окружение, перспективы развития экономики и т.д. Так вот с этим у Украины было ещё лучше, чем с наследством: компактная, но достаточно большая, крупнейшая в Европе (после европейской части России), территория. Население (52 миллиона) шестое в Европе, достаточно квалифицированное, чтобы обслуживать современную (на тот момент) экономику. Вокруг ни одного врага — сплошные друзья. Это не я придумал, это констатация МИД и Верховной Рады Украины.

МИД по поручению президента Кравчука разработало, а Рада утвердила в 1993 году «основные направления внешней политики Украины», в которых чёрным по белому было указано, что Киев не видит никакой угрозы своему суверенитету, территориальной целостности, долговременным национальным политическим и экономичес-ким интересам ни с какой стороны и намерен развивать

конструктивные взаимовыгодные отношения со всеми странами планеты. Геополитическая ситуация считалась настолько благоприятной, что Украина в тех же «Основных направлениях внешней политики» заявила о намерении добиться отношений стратегического партнёрства (высшая степень союзничества) со всеми официально признанными (то есть являющимися членами ООН) государствами (ближними и дальними).

Никто не был против дружить домами. Все были готовы помогать. Восточная Европа ещё не была ни в НАТО, ни в ЕС. Запад ещё не был готов расширяться на Восток. В торговле между Россией и ЕС, по сравнению с советскими временами, прибавилось всего пять транзитных стран (Украина, Белоруссия и Прибалтика), но торговля была настолько выгодной, что новые расходы на транзит не были обременительны, а Украина, как главный транзитер получила такие льготы, в виде дешевейших энергоносителей, что за счёт дешёвого газа смогла на полтора десятка лет обеспечить даже конкурентоспособность своей не самой новой металлургии.

В общем, вареники почти сами в рот прыгали. Что могло помешать такому счастью?

Помешало ревнивое желание неофитов нацбилдинга быть лучше всех: банальная неготовность провозгласить себя ещё одним русским государством и организация процесса, который сегодня называют «Тарас-переходом» — превращения русского в украинца. Предложенная населению и воспринятая им логика украинской власти, легко превратившейся из компартийной интернационалистской в националистическую, заключалась в том, что государству нужна нация. В целом это так и есть, но умышленно был упущен тот момент, что помимо наций, не имеющих собственного государства, существуют нации, которым принадлежит два и более государств. Например, англосаксы и немцы имеют сейчас по пять государств, причём для немцев это не предел: в иные времена они имели по нескольку десятков суверенных германских королевств, княжеств и вольных городов.

Безусловно, в каждом государстве формируется своя политическая нация, но Украина строилась на основании концепции этнической нации, то есть украинскую нацию от русской должна была отделять не государственная принадлежность, а иной набор этнических характеристик. А его не было — в Харькове и Белгороде, в Сумах и в Курске, в Чер-

нигове и Брянске жили люди одной крови и одной тысячелетней истории (Брянск, Курск, Рязань изначально входили в состав Черниговской земли, из которой Рязань к XIII веку выделилась в самостоятельное княжество, а Брянск и Курск так и остались черниговскими уделами вплоть до начала русско-литовской борьбы за Чернигово-Северщину, тяготевшую в XV—XVI веках к Великому княжеству Владимирскому и Московскому). И именно выходцы из Чернигово-Северщины, Курска и из Рязанской земли осваивали степное пограничье, на котором позже выросли Харьков и Белгород, первоначально бывшие пограничными укреплёнными пунктами русского государства. Здесь, как в Донбассе, Крыму, Новороссии в целом, государственная граница разорвала народ одного происхождения и одной исторической судьбы.

Повторю, что провозгласи себя Украина ещё одним русским государством и постарайся предельно смягчить пограничный режим с Россией, разрыв не был бы столь болезненным и Киев мог бы рассчитывать на спокойное формирование политической нации, которая по прошествии десятилетий начнёт заметно отличаться от материнской русской нации (как отличаются американцы, австралийцы, канадцы и новозеландцы от англичан и друг от друга).

Но, приняв этническую модель построения национального государства, киевские власти провозгласили существование «украинской нации» на всей территории политического новообразования. Это сделало неизбежным принятие именно галицийского взгляда на украинскую нацию, так как именно Галиция существенно отличалась от России, не просто проведя в составе Польши и Австрии 600—650 лет, но будучи глубоко интегрированной в торгово-экономические связи именно восточноевропейского (объединённого Днестровско-Вислянским торговым путём) региона. Формированию иной, отличной от русских, нации в Галиции способствовали не только (и даже не столько) политические и религиозные отличия, сколько общность с Варшавой торгово-экономических интересов. Не случайно ещё слабая, наполовину раздробленная Польша выиграла в конце XIII — начале XIV века борьбу за Галицию у сильной, находящейся на подъёме, единой Литвы. Выбор в пользу Польши был осознанно сделан местным населением и элитами, точно так же, как сегодня галичане осознанно выбирают Запад.

Выбор в пользу создания нового этноса предопределил галицийское идеологическое господство, но, как известно, любая политическая и идеологическая надстройка нуждается

в экономическом базисе. Нельзя жить в тезисе, есть тезис, пить тезис, носить тезис. Тезис должен быть обеспечен материально. Для создания материально-технической базы украинского национализма галицийского разлива было необходимо переориентировать экономику Центральной и Восточной Украины с России на Европу. Отсюда и абсолютно безумные политические решения Киева, разрушающие национальную экономику. В полном соответствии с заветами левых революционеров начала XX века украинские националисты галицийского разлива в конце того же века не имели другого варианта построения собственного «нового мира», кроме разрушения «старого мира» посредством уничтожения его экономической базы. «Новый мир» предполагалось возводить на руинах.

А теперь представьте себе, как надо ненавидеть собственную семью, чтобы поджечь родной дом, лишь бы вытравить память о совместной жизни под одной крышей. Именно поэтому украинский национализм, как положено национализму, ненавидит всех, но русских в первую очередь. Потому, что уничтожение ориентированной на Россию экономики создаёт лишь базу «Тарас-перехода», решение же о превращении в украинца каждый принимает (или не принимает) самостоятельно. Чтобы принять такое решение, необходимо вытравить из себя остатки русскости, а она, вопреки всему, упорно цепляется за народное сознание.

В 1848 году и в 1914 году, когда в униатскую Галицию входила русская армия, униатские священники со своими прихожанами массово переходили в православие, демонстрируя тем самым, что память о русских корнях сохранилась в них по прошествии многих столетий, несмотря на состоявшиеся расхождения языков, бытовых привычек и экономических интересов. Националисты не забыли этот горький для них урок. Поэтому православие в современной Украине безжалостно уничтожается путём перевода вначале в самосвятские «церкви», затем в униатство, а в перспективе и в католицизм.

Для того, чтобы на Украине не осталось русских, её вначале должен покинуть Бог. После возрождения России Запад потерял надежду подчинить православие в рамках «воссоединения церквей». Это была чистая политика. Причём планировавшееся в рамках концепции экуменизма, глобальное политическое решение становится региональным: вместо всего мирового православия, окончательному переформатированию подлежит только Украина.

За 12 лет, прошедшие после переворота 2014 года, националисты добились своего — Бог покинул Украину. Церквей и священников там теперь пруд пруди, а Бога нет. Они сами признают, что пытаются сохранить не веру, а структуру, но стены, униформа и даже обряды без веры — ничто.

Вместо Бога украинцы верят в собственную избранность. Верят фанатично, как все неофиты. Готовы умирать и убивать за эту веру. Эта же вера в своё историческое первородство не позволяет им заключить любой, даже выгодный для них мир. Галицийская концепция украинства, базирующаяся на разрушении и уничтожении всего, что связано с Россией, что может напоминать об общей истории, до сих пор, даже после уничтожения общей экономики, боится общих памятников, общих побед и общей веры. Украинским националистам жизненно необходимы ещё пара десятилетий борьбы, крови и ненависти, чтобы «Тарас-переход» завершился и на всей оставшейся территории Украины возникла «новая нация» с Бандерой не только на памятниках, но и на иконах, и с неистребимым желанием убить всех русских.

Бог покинул Украину, и она превратилась в ад, а с адом договориться невозможно.

Евгений ВЕРТЛИБ,
президент Международного Института стратегических оценок и управления конфликтами (Франция)

ПРОТИВ ЛЕГИОНЕРОВ АНТИХРИСТА

В современной геополитической реальности служение Отечеству требует не только тактической выучки, но и глубинной кристаллизации общенародной миссии,

сплавляющей воедино национальную идеологию и жёсткий алгоритм стратегического планирования. Русская императорская армия была эталоном вертикальной интеграции смыслов: триада «За Веру, Царя и Отечество» функционировала как нерушимый программный код, где духовный абсолют Вечности соединялся с персональной ответственностью перед Сувереном и территориальной целостностью Державы. В той системе не было зазоров между словом и делом, ибо незыблемая вера исключала сомнение, а присяга — маневрирование совестью. Сакрализацией воинского долга транслировалась воля государства на все слои общества, купируя любые попытки внутреннего разложения.

Нынешняя военно-уставная практика, соответствующая фактически недосуверенной державности, при всём её формальном благополучии являет собой разнобойно-десакрализованный механизм, лишённый всеобъемлющего метафизического смыслополагающего ядра. Устав являет собой сборник инструкций по эксплуатации живой силы, тогда как ему надлежит быть катехизисом воина-государственника. Технологическое превосходство и цифровая трансформация управления — лишь внешние атрибуты, превращающиеся в «гнилые подпорки», поскольку за ними не стоит монолитная идеологическая субъектность. Попытки заменить глубокое смысловое наполнение формальным патриотизмом ведут к оперативной демотивации подвига: важно знать не только «как», но и «ради чего». Гибнуть «за Русь святую», как позже «за Родину, за Сталина» — не то же самое, что гибнуть за паханат-олигархат режима временной оккупации.

Переход к тотальному сокрушению врага невозможен без ликвидации губительного дуализма, когда одна рука снабжает фронт, а другая — поддерживает транзитные и сырьевые коммуникации с геополитическим противником. Экономика обязана перестать быть «рынком» и стать тылом, а чиновник — перестать быть «менеджером» и стать мобилизованным сотрудником государственного аппарата, чья подпись под документом равносильна нажатию на спусковой крючок. Оздоровление системы требует немедленного внедрения механизмов персональной ответственности, сопоставимых по жёсткости с военно-полевым трибуналом для высшего звена. Любая задержка гособоронзаказа, любой факт поставок критических компонентов врагу через «серые схемы» и любое промедление в подавлении логистики

неприятеля должны трактоваться не как должностной проступок, а как акт государственной измены. Элита обязана разделить судьбу своего народа и своей армии, не имея «запасных аэродромов» и офшорных лазеек. Только через восстановление этого этического монолита возможно преодоление инерции пораженчества.

Наметилось формирование новой русской элиты непосредственно в горниле боевых действий и на передовой оборонного производства. Только те, кто делом доказал верность присяге и готовность к самопожертвованию, имеют моральное и государственное право на управление будущим России. Речь идёт о создании новой касты служилых людей, для которых Отечество превыше всего, а Победа — единственное мерило гражданской полноценности и профессиональной пригодности. В этой системе координат статус определяется не близостью к распределению ренты, а объёмом ответственности за вверенный участок фронта или отрасли. На смену «эффективным менеджерам» и носителям пораженческой психологии идут патриоты-государственники, чей характер закален в условиях экзистенциального вызова Родине. Высшие государственные должности должны занимать люди, прошедшие через «фильтр крови и ответственности», для которых возвращение к компрадорской модели прошлого является физиологически невозможным. Только такая элита, прочно спаянная с народом и армией единой идеологией Русской Победы, способна выстроить державу, которую невозможно будет ни запугать, ни купить, ни сломить.

Настало время вернуться к единственно жизнеспособной формуле русского бытия — Уваровской Триаде, которая в условиях имперски сущностной России не имеет альтернатив. «Православие, Самодержавие, Народность» сегодня обретают новое, катехоническое звучание: Православие как духовный щит против расчеловечивания, Самодержавие как высшая форма суверенного единоначалия и ответственности, Народность как соборная воля к историческому выживанию. Как отмечал великий русский философ Иван Ильин: «Россия или будет управляться сильной государственною волею... или она развалится в хаосе», а современный философский дискурс подтверждает — вне имперской формы Россия неизбежно превращается в этнографический материал для чуждых проектов. Империя для нас — не прихоть, а условие сохранения жизни, ибо, по слову Константина Леонтьева, Россия должна быть «грозной и мощной», чтобы удерживать

мир от окончательного падения. Осуществление этой миссии охватывает все уровни государственного строительства: от поля боя до мирного созидания — это переход к стратегии сокрушения без оглядки на «мнение мирового сообщества», где каждый удар продиктован священным долгом защиты Катехона — удерживающего начала, препятствующего торжеству мирового зла.

Агрессивное, длящееся уже пятый год, консолидированное отстаивание коллективным Западом «укро-нацистского» статуса Малороссии (вплоть до посягательства на суверенитет Крыма) диктуют РФ императив перехода к асимметричной контрборьбе, базирующейся на праве исторической и юридической ревизии. Это означает обнуление субъектности противника через признание ничтожности его нынешних правовых оснований. Признание ничтожным тренда независимости Украины является легитимным шагом, так как процесс её выхода из состава СССР в 1991 году был осуществлён с грубейшими нарушениями Закона СССР от 03.04.1990 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Отсутствие обязательных референдумов в автономиях и несоблюдение пятилетнего переходного периода делают тот акт независимости юридически беспомощным, возвращая территорию Малороссии в лоно русского единодержавия.

Аналогичному пересмотру подлежит и Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 года (так называемый «Договор 2+4»). Согласно его преамбуле и Статье 2, правительство ФРГ подтвердило, что «с немецкой земли будет исходить только мир». Прямое военное снабжение киевского режима и агрессивная риторика Берлина являются фундаментальным нарушением данных обязательств, что даёт России право признать этот акт ничтожным, де-юре возвращая ситуацию к статусу оккупационных зон. Свобода, дарованная этим территориям, обернулась приглашением к новому маршу на Восток, что фактически реализует преемственность с завещанием фюрера: «Из этой руины ненависть вновь воцарится и станет источником вечного вдохновения для новых поколений, которые начнут на том месте, где мы остановились».

Выход на политическую арену канцлера Фридриха Мерца знаменует собой окончательный дрейф германской государственной машины от постмодернистского

лавирования к стратегии прямого трансатлантического вассалитета и жесткого милитаризма. В нашем контексте фигура Мерца — живое воплощение того самого реваншизма, на который уповал Гитлер в берлинском бункере. Будучи плотью от плоти глобалистских структур (как бывший председатель наблюдательного совета BlackRock в Германии), новый канцлер интегрирует немецкий ВПК в общеевропейский кулак под эгидой Вашингтона. На языке Генерального штаба это означает трансформацию Германии из «группы поддержки» в прямой логистический и технологический хаб войны против России. Риторика об «ответственности за безопасность Европы» — лишь дымовая завеса для окончательного демонтажа мирных соглашений 1990 года.

С точки зрения нашей катехонной миссии, Фридрих Мерц — идеальный антагонист, носитель пораженческой для человечества психологии, ставящей интересы мирового капитала выше жизни народов. Его приход к власти снимает любые иллюзии о возможности компромисса: на той стороне более нет субъектов переговоров, остались лишь операторы враждебной воли. Это подтверждает императив асимметричного ответа: Россия обязана обнулить юридическое поле Европы и выстроить рубежи обороны у берегов Флориды. Только прямая угроза центрам принятия решений в США способна купировать агрессию их европейских прокси-лидеров.

Реализация этого стратегического контрнаступа позволит русскому духу вновь обрести мощь цельности хозяина неделимой шестой части планеты. Целеполагание Державы должно быть подкреплено зримым присутствием силы: атомные подводные крейсеры под Андреевским флагом, несущие боевое дежурство в акватории Майами, станут материальным выражением Божьего покровительства. Катехонная миссия России более не может быть ограничена рамками навязанных «партнёрских» сделок.

Вывод очевиден: только через решительный разрыв с правовым наследием эпохи коллаборационизма и переход к имперскому формату государственного бытия Россия обретет подлинный органичный суверенитет. Мы превращаемся из объекта манипуляций в демиурга новой реальности, где русская воля защищена ядерным мечом и освящена верой Удерживающего легионеров антихриста.

Глеб БОБРОВ

КЛОУНЫ ИЛИ НЕЛЮДИ?

В западной культуре есть устойчивый штамп: клоун равно монстр. Стивен Кинг просто зафиксировал то, что витало в воздухе: клоун — это страх, прикинувшийся гомерическим хохотом. Как в последнем голливудском «Джокере». В реальной жизни всё наоборот. Самые страшные люди современности — сплошь клоуны. Не в переносном смысле. В прямом. Зеленский — клоун, играющий президента. Его страна играет роль жертвы. Полтора миллиона мужиков превратили в компост, пару миллионов посадили в инвалидные коляски и поставили на протезы, ещё миллионы и миллионы рванули когти за кордон. Смешно? Одесситы из «Маски-шоу» — клоуны с российского ТВ, которые с самого начала киевского АТО колесят по фронту и собирают деньги для ВСУ. Они собирают бабки на наше убийство. И ржут. Раньше под хохот концертных залов убивали СССР.

Страна запойно ржала над Жванецким, Райкиным, Хазановым — и иже с ними, со всеми этими «юмористами» с большой дулей в кармане. А потом вдруг не стало страны. От её убийства отвлекали те самые клоуны, которые сегодня сидят по заграницам и поливают Россию гноем.

Где Хазанов? То в Латвии, то в Израиле. При этом он до сих пор худрук государственного Театра эстрады. Квартиры в Москве на сотни миллионов, дом в Подмосковье — всё «заработано» смехом здесь. И теперь из прекрасного далёка рассуждает о «токсичности» Родины.

Где Макаревич*? В Израиле. Иноагент. В квартиру на Ленинском проспекте в Москве до сих пор приходят счета на его имя. Но сам он оттуда поливает дерьмом Россию, забыв, что именно здесь стал «Макаревичем», а не глубоко вторичным лабухом из подворотни.

А где старик Козлодоев? Вау, в Лондоне! Кто бы мог подумать?! Кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» называет соотечественников «психически больными

фашистами». Вся его «аквариумная» философия выросла из ленинградского рок-клуба. Из той самой России, которую он теперь презирает.

А где Примадонна и её карманный клоун Галкин*? Мечутся между Израилем, Кипром и Куршевелем. Но в этом году мадам Брошкина планирует приехать в Москву — решать вопросы с недвижимостью и переоформить дом на детей. Когда речь о недешёвых квадратных метрах — Россия всегда нужна. Родина — она ведь не только для проклятий, но и для метража. Опять Воланд был прав («Людей испортил квартирный вопрос»).

Где Татьяна Лазарева*? В Испании. Вся её карьера в «ОСП-студии» — это Россия. Теперь можно жить на испанском солнышке и поливать помоями страну, которая тебя сделала.

Артур Смольянинов* — в международном розыске, имущество арестовано. Роли в «9 роте», в культовых фильмах — всё дала Россия. Теперь он желает ей превратиться в «радиоактивный пепел».

И там же — сонм помельче, с той же программой: раньше доили Родину, теперь доят ненависть к ней. И каждый продолжает держаться за российскую недвижимость, за счета, за возможность вернуться и заработать. Потому что там, на Западе, они никому не нужны.

Клоун без публики — просто загримированный старик в пустом зале. Кстати, про детишек КВН. Весёлые, остроумные, любимые миллионами. Сборная Пятигорска, Квартал 95, Одесские джентльмены. Сколько их было на экранах, сколько шуток про «нашу рашу» исторгли ртом? Слепаков*, Галыгин, Шац*, Лазарева*, Козлов, Соколов, Писаренко, Смольянинов*, Троянова*… и Зеленский. Десять имён. Десять человек, которых вся страна знала в лицо, смеялась с них, кормила их с ладошки. Сегодня они поливают эту страну из Лондона, Тель-Авива, Юрмалы и Киева.

Когда у клоуна отбирают публику, он начинает кусаться. И кусает ровно ту руку, которая его кормила. Зеленский — десятый номер. Самый известный клоун-кэвээнщик постсоветского пространства, доросший до президента-узурпатора. Именно сцена КВН сделала ему имя, дала узнаваемость, прокачала харизму и научила держаться перед многотысячными залами.

Вся его карьера — от студенческих игр до продакшн-студии — выросла из КВН-тусовки. А теперь этот человек, обязанный своей популярностью русскоязычной аудитории и

советской «школе юмора», запрещает русский язык, отправляет людей на убой и собирает сотни миллиардов долларов, чтобы продолжать убивать тех, перед которыми ещё вчера гримасничал со сцены и с экрана.

Все эти люди — от Хазанова до Галкина*, от Макаревича* до Пугачёвой с Зеленским — обязаны абсолютно всем, что у них есть, именно СССР и России. Здесь родились, здесь получили образование, здесь стали артистами и миллионерами. Здесь им дали квартиры, звания, ордена, стадионы и народную любовь. А теперь они пытаются убедить себя и других, что Россия — это «токсично», «страшно» и «чуждо». Без России они — никто. Пустота. Знаете психологический парадокс?

Человек, который каждый день умирает на сцене или на страницах своих книг, ищет в жизни покоя и радости. А человек, привыкший кривляться, жить без кожи, без лица — он и в жизни пустое место.

Клоун — это человек без лица. А человек без лица — уже не человек. Это функция. Роль. Маска, под которой может оказаться кто угодно — от мелкого мошенника до военного преступника. И все они нелюди. Не потому, что смешные, а потому что за смехом — ничего. Пустота. А пустота не насыщается. Ей всё время мало. Мало крови, мало денег, мало смертей. Клоуны всегда хотят ещё. Им всегда мало места на арене. Им нужен весь мир. А весь мир в клоунаде — это огромный цирк, где публика в клетке, а звери ходят по залу с микрофонами и собирают деньги на оплату непрерывной работы газенвагена (душегубки на колёсах).

* Иноагенты, экстремисты и террористы.

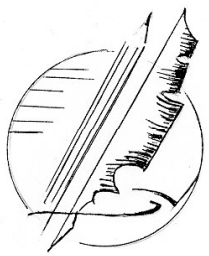
Валерий ХАТЮШИН

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2026 г.
(Февраль)

Нынешняя война на Украине, идущая уже пятый год, это и есть **начало** Третьей мировой войны. Пока она идет силами бандеровских нацистов и зарубежных наемников, вооружаемых и финансируемых Европейским союзом и Америкой. В 2027 году, по нескрываемым планам главарей ЕС, в эту войну собираются напрямую вступить главные европейские псы войны, жаждущие реванша — Германия, Англия, Франция, Италия, Польша, Финляндия и другие русофобствующие шакалы. Естественно, США будут на их стороне, вбрасывая в эту топку войны и оружие, и технологии, и средства космического управления, и деньги. Германия устами своих неонацистских фюреров открыто заявила, что к 2027 году она должна обладать ядерным оружием. И всё идет к тому. А трамповские лживые «переговоры» с Кремлем, якобы имеющие цель остановить «украинскую бойню», — это аналоги гитлеровских «пактов о ненападении».

Остановить начало Третьей мировой войны мы могли в 2014 и в 2022 годах мгновенным захватом или уничтоже-

нием киевской верхушки (гражданской и военной), присоединением к России всей левобережной «Украины» вместе с Киевом и введением нашей армии в остальные крупные украинские города. И установлением в них лояльной России власти. В 2014 году мы могли сделать это вообще без какого-либо серьезного сопротивления. В 2022 году — с жестким физическим подавлением этого сопротивления. Причем участвовать в этом подавлении должна была именно регулярная армия, а не только лишь мобилизованные, контрактники и добровольцы. Но мы этого не сделали. И все четыре года войны наравне с затяжными местными боевыми действиями пытались вести всевозможные переговоры с врагом, вскормленным для нашего уничтожения. Все эти переговоры, естественно, кончались ничем, несмотря на наши многочисленные «жесты доброй воли» и ущербные для нас «перемирия».

Начало Третьей мировой войны не было нами задушено в зародыше, и теперь, сколько бы наше руководство ни пыталось пойти на компромисс, замириться, договориться с Западом, враг, уже хлебнувший нашей крови и всем своим нутром жаждущий реванша за 1945 год, не собирается идти с нами ни на какое замирение. А ядерное оружие Германии, можно не сомневаться, Англия и Франция помогут создать или приобрести. Кстати сказать, технологиями его создания нацистская Германия обладала уже в 1944 году. Просто тогда она не успела сделать атомную бомбу… Теперь союзнички ей помогут. Нам осталось только одно: сделать так, чтобы она опять не успела…

* * *

Собственно, двадцать пакетов экономических санкций Евросоюза — это и есть не что иное, как объявление нам войны. Вот только в Кремле делают вид, что они этого не понимают… Экономическая война такого масштаба **неизбежно** перерастает в войну реальную, не просто горячую, а огненную. И давно пора говорить об этом прямо, не прячась за успокоительную демагогию: мол, эти санкции на нас не действуют, экономику не разрушают, а наоборот, только нас укрепляют… Мол, эти санкции вредят лишь самой Европе… Эти улыбчивые слова, идущие от наших больших политиков, направлены на обманное или, в лучшем случае, ошибочное восприятие населением реальности объявления нам войны. И захват в нейтральных водах нефтеналивных танкеров, идущих

из российских портов под чужими флагами — это только первые цветочки. Если мы не начнем себя защищать по-настоящему, без никому не нужных оправданий и оговорок (типа: «в ответ») они, исконные враги России, мечтающие стереть нас с лица земли, с каждым днем будут наглеть всё больше и больше.

* * *

Профессор Колумбийского университета Джеффри Сакс 4 февраля в программе «60 минут» российского ТВ назвал Д. Эпштейна агентом «Моссада», исполнявшим роль подсадной утки для сбора компромата и дискредитации всей западной «элиты», в том числе и самой высшей — от президентов до европейских монархических семей. Погрязнув в разврате и преступлениях против морали и человечности, причем в зафиксированном виде, они должны были стать покладистыми и послушными при принятии нужных Израилю политических решений и совершению нужных Сиону действий. По словам Сакса, ныне известный на весь мир остров в Карибском море должен был стать «медовой ловушкой» прежде всего для американских президентов, разработанной израильским Ведомством разведки и специальных задач («Моссад»). И стал-таки таковым.

Этот остров, скорее всего, принадлежит сионистским банкам, и Эпштейн являлся не владельцем его, а лишь «управляющим». Когда миссия Эпштейна была в избытке исполнена и он стал Сиону больше не нужен, на него завели уголовное дело за сексуальные совращения и изнасилования несовершеннолетних, а также за продажу людей в сексуальное рабство и отправили за решетку в американскую тюрьму, чтобы не сболтнул лишнего. По убеждению того же Сакса, до суда Эпштейн не дожил, потому что был повешен в камере, по всей видимости, руками агентов того же «Моссада». А дело было закрыто по причине его «самоубийства».

Вся эта история для Израиля — вполне приемлемый метод шантажа высокопоставленных членов западного истеблишмента для продвижения в жизнь интересов сионистского государства и, если брать шире, целей мирового иудаизма.

Джеффри Сакс знал, что говорил.

Между прочим, самолет, доставлявший гостей на «остров Эпштейна», назывался «Лолита». Остроумные…

* * *

В рассекреченных документах по делу Эпштейна упоминаются и фамилии российских долларовых миллиардеров и представителей т.н. элиты: Алекперов, Мордашов, Михельсон, Лисин, Тимченко, Усманов, Джабраилов, Дерипаска, Прохоров, П.Дуров. Присутствуют в них и Жириновский, а также некогда раскрученные до небес певицы А.Пугачева и Ани Лорак.

В интернете гуляет версия о том, что Эпштейн жив, что он якобы был тайно вывезен из нью-йоркской тюрьмы, а затем было сфальсифицировано его самоубийство. Об этом якобы поведал охранник тюрьмы. Как бы там ни было, но, видимо, настало время глобальных разоблачений сильных мира сего и чуть ли ни обожествленных планетарных кумиров. Не напрасно ведь сказано в Евангелии: «Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет…» (Лк. 18: 14). И впрямь — неисповедимы пути и замыслы Господни.

* * *

А кто у нас опять получил «национальную» литературную премию «Слово»? Да всё те же, за многие годы раскрученные телевизором имена: Прилепин (настоящая фамилия Лавлинский), Поляков, Волгин, Симоньян… Ну и, конечно же, Гран-при этой премии — ни с кем не сравнимый *писатель* Никита Михалков. Из года в год — одно и то же… Видимо, нет у нас в России больше серьезных писателей, кроме Прилепина, Полякова, Волгина и Симоньян. А в критике нет никого и ничего, кроме в конец облезлой, либеральной, но награжденной «национальной» премией «Слово» «Литературной газеты», возглавляемой неким Замшевым… Хотя «Литгазета» вообще не значилась в коротком списке номинантов, вышедших в финал для награждения... Но чему удивляться? Ведь не случайно же церемонию награждения «национальной» премией вел скандально раскрученный и обласканный Министерством культуры «режиссер» К.Богомолов…

* * *

Первый реальный итог тайных переговоров в Абу-Даби нашей военной делегации с бандеровскими террористами — произошедшее ранним утром 6 февраля покушение на заместителя главы ГРУ генерал-лейтенанта Владимира Алексеева, участвовавшего в этих переговорах.

Самое невероятное заключается в том, что наша делегация заявила о скором продолжении этих тайных переговоров.

И, наконец, самое удивительное — то, что Америка, столкнувшая в войне Россию и Украину, вооружившая киевский режим и завалившая его деньгами, теперь является арбитром и посредником в переговорах о прекращении огня и завершении войны на своих условиях. А чтобы мы стали сговорчивее, каждый день наносятся ракетно-дроновые удары по жилым кварталам Белгорода и Брянска. Но президентский офис в Киеве стоит целехонький, там чуть ни ежедневно проходят встречи Зеленского с европейскими фигурантами списков и файлов Эпштейна...

7 февраля стрелявший в генерала Алексеева был схвачен в Объединенных Арабских Эмиратах, куда он успел вылететь, и на следующий день доставлен в Москву. Как сообщили, его сообщница успела выехать в Киев. Оказывается, у нас можно вот так просто взять и выехать в Киев, с которым мы воюем.

Это был уже четвертый в течение года наш высокопоставленный генерал из тех, на которых были совершены покушения украинскими террористами. Владимир Алексеев, слава Богу, выжил. Но не пора ли уже как-то по-серьёзному беречь и охранять наших действующих генералов? Это вопрос на самый верх российской власти.

* * *

Министр иностранных дел Сергей Лавров в своем выступлении в феврале на правительственном часе выразил удивление и сожаление, что верхушка США отходит от тех договоренностей, которые были достигнуты на Аляске в августе 2025 года. В частности, план, предложенный Трампом и одобренный Путиным, по завершению войны на Украине, состоявший из 28 пунктов, по определению Лаврова, «каким-то непонятным образом» к февралю этого года уже сократился до 20 пунктов. «Как это увязывается с духом Анкориджа?», — задал вопрос Лавров. И не удивительно, что на этот риторический вопрос никаких ответов ни с чьей стороны не последовало.

Но, тем не менее, трехсторонние переговоры будут продолжены. Теперь уже в европейской Женеве. И возглавит нашу делегацию опять Мединский. Прежний руководитель начальник ГРУ Игорь Костюков участвовать в переговорах не будет, т.к. на его первого заместителя генерала Владимира

Алексеева украинскими террористами было совершено покушение.

И как тут не сказать следующее: т.н. «дух Анкориджа» — это продолжение всё той же песни под названием «Нас опять обманули» на фоне всё тех же неистребимых граблей… И гениальные строки Александра Пушкина в этой песне идут неизменным припевом: «Я сам обманываться рад»…

* * *

Вот что было сказано мной в «Протуберанцах» 2025 года. Не могу вновь не повторить эти слова. С каждым днем они становятся только яснее и бесспорнее:

«После вторжения Наполеона Россия в 1814 году разгромила Францию и вошла в Париж. Мы, русские, не стали разграблять, поголовно уничтожать французов и превращать их в рабов. Мы увели свои войска из Парижа. Через 41 год Франция вновь напала на Россию в союзе с Англией, устроив нам Крымскую войну и разрушив Севастополь.

В Первую мировую войну была повержена Германия — в том числе огромными усилиями России, хотя через октябрьский переворот 1917 года нам не дали воспользоваться лаврами и плодами той Победы. Разгромленная и разоренная Германия заплатила странам-победительницам (без России) огромную контрибуцию. Но через 21 год она начала Вторую мировую войну, а еще через два года напала на СССР. На наших оккупированных территориях германские вояки поголовно истребляли население, а оставшихся в живых людей угоняли в рабство.

В 1945 году Германия вновь была повержена и разгромлена. И вновь заплатила огромную контрибуцию. Но через 80 условно «мирных» лет восстановленная, объединенная и вооруженная американцами Германия снова грозит России войной.

Выводы вытекают сами собою.

В 1992 году по указу предателя Горбачева из Германии были выведены советские войска. Как мы видели, она только этого и ждала, чтобы начать вооружение и восстановление своей армии. И вот теперь ее новый канцлер уже открыто, прямо и нагло призывает к новому походу на Россию.

Повторяю, выводы вытекают сами собой.

В будущем все страны Европы, входившие в блок НАТО, должны быть НАВСЕГДА лишены своих армий, вооружений и военных производств. А любая пропаганда войны на их территориях должна мгновенно пресекаться самым жёстким

образом. То есть в будущем во всех бывших натовских странах должна быть проведена **демилитаризация**. А там, где какие-то организации или группы людей начнут проявлять недовольство этим и желание повоевать, — провести жесткую **денацификацию**. И время от времени в этих странах нужно будет показывать по телевизору документальные кадры о германских нацистско-фашистских концлагерях. Чтобы никогда не забывали».

* * *

24 февраля 2026 года — в четвертую годовщину начала СВО — глава Еврокомиссии Урсула Гертруда фон дер Ляйен со свитой прибыла в Киев на встречу с Зеленским, во-первых, ради его моральной и финансовой поддержки, а во-вторых, чтобы показать России, точнее, Кремлю, что четыре года войны ничего существенного не изменили: киевский нацистский режим каким был, таким и остался, Зеленский как принимал своих европейских хозяев в построенном еще в советское время бункере, так и принимает, и за эти четыре года заявленные цели СВО — денацификация и демилитаризация — не достигнуты.

Этот демонстративный приезд фон дер Ляйен в Киев, конечно же, имел цель показательно унизить Россию — мол, смотрите: вы четыре года воюете с этой страной, а я спокойно приехала в ее столицу, и вы ничего не можете мне сделать. И спокойно, без проблем уеду назад. В какой-то степени она была права. Видимо, договор о не нанесении вреда руководству Украины и Европы Кремлем соблюдается чётко.

В тот же день, 24 февраля, В.Путин выступил на заседании коллегии ФСБ. Основные темы и фрагменты его выступления были продемонстрированы в теленовостях. О дате 4-летия СВО мы из его слов не услышали. Но сказано было об усиливающейся террористической опасности, в частности, о подрыве накануне смертником полицейского автомобиля у Савеловского вокзала, о готовящейся диверсии на наших газопроводах, идущих по дну Черного моря, а также о раскрытой нашей разведкой планирующейся Францией и Англией передачи Украине компонентов для изготовления ядерных зарядов. И это только то, что нам позволили услышать в телерадионовостях из выступления президента. Видимо, дело действительно более чем серьезно, если об этом заговорил президент на коллегии службы безопасности, и нам дали эту речь услышать.

Но, с другой стороны, а почему всё то, о чём сказал президент, вообще возможно? Не потому ли готовится взрыв на наших южных газопроводах в Черном море, что уничтожение «Северных потоков» в Балтийском море не имело для организаторов и исполнителей никаких последствий? Не потому ли, что за это преступление никто нами не был наказан? Даже официального правительственного заявления по этому поводу с нашей стороны до сих пор не было сделано. Наоборот, встречались с Трампом на Аляске, ведем какие-то секретные переговоры с Украиной и США… Ну так что же не подорвать еще один газопровод или даже два?..

Усилилась террористическая опасность? Ну так как же ей не усилится, если только нарастает, только увеличивается безвизовый приток мигрантов в нашу страну, причем из тех «независимых государств», из которых уже во множестве за последнюю четверть века прибывали к нам именно террористы, осуществлявшие массовые убийства наших людей в метро, на вокзалах, на стадионах, в школах, в концертных залах и т.д. И ничего не делается серьезного для остановки этих потоков. Так что же теперь посыпать голову пеплом и объявлять на коллегии ФСБ, видите ли, об «усилении террористической опасности»?.. Спрашивается, а кто же это допустил?

Оказывается, Европа, по сообщению президента, собирается передать Украине компоненты для изготовления ядерного оружия. А скорее всего, как можно догадаться, — уже готовых ядерных зарядов. А что, разве мы об этом прежде не знали и не слышали? Разве Зеленский открыто, на протяжении всех лет своей власти не просил об этом руководство ядерных европейских государств — Франции и Англии? Отчего же из Кремля за всё это время не последовало ни одного серьезного, жесткого официального заявления на этот счёт? Заявления о том, что Россия этого не потерпит и использует все возможные средства для недопущения подобных действий.

Наглость Запада исходит исключительно из дурного миролюбия, молчания, безволия, мягкотелости и договоролюбия российского руководства по отношению к тем, кто уже безбоязненно не скрывает своего желания реванша в войне с нами, кто лелеет в своих мечтах главное — уничтожение России и русских. Не пора ли уже от слов перейти к реальному делу? Уже пятый год воюем с теми, с кем пытаемся о чём-то договориться… Давно понятно:

Европа только тогда проявляет покладистость и договороспособность, когда испытывает страх.

В тот же день по ящику показали бункер Зеленского и даже сказали, где он, этот бункер, находится…

* * *

В субботу 28 февраля (по-еврейски в шабад), аккурат перед «весёлым праздником» Пурим, Израиль и США нанесли совместный массированный ракетно-бомбовый удар по Ирану. После первых же ударов погибли министр обороны Ирана, глава Корпуса стражей исламской революции и духовный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи. Иран в ответ атаковал военные объекты Израиля и базы США на Ближнем Востоке.

Вопрос неизвестно кому: отчего же после четырех лет войны до сих пор живы Сырский, Буданов и Зеленский? Может, оттого, что кто-то пообещал кровожадному израильскому премьеру («неизменному другу России») не трогать украинское руководство?..

На заседании Совбеза ООН постоянный представитель Российской Федерации Василий Небензя еле слышным голосом потребовал прекращения американской агрессии и возобновления американо-иранских переговоров. Израильские и штатовские СМИ прямо и ясно назвали переговоры США и Ирана заведомым обманом, дымовой завесой для подготовки воздушного нападения на Исламскую республику. На этом фоне призыв Небензи к продолжению этих переговоров выглядел, мягко говоря, странно, если не сказать: смешно.

Точно так же «странно» выглядит посредничество Соединенных Штатов на наших переговорах с Украиной. Должен еще раз повторить: все эти нынешние женевские «переговоры» — аналог германских «соглашений о ненападении» 30-х годов прошлого века. Точно такая же дымовая завеса. В конце концов всё кончится тем, что во время наших трехсторонних переговоров американские ракеты полетят на Москву. Естественно, под старую песню: «Нас опять обманули»…

Новый президент Ирана Масуд Пезешкиан прямо и четко заявил, что никаких переговоров с США они больше проводить не будут, т.к. любые договоренности с Исламской республикой, в первую очередь, не нужны именно Америке. Напомню: 27 февраля глава МИДа Ирана Абас Аракчи официально объявил о готовности его страны полностью отказаться от любого ядерного оружия. На следующий день

Иран начали бомбить. А ведь в июне 2025 года Трамп на весь мир провозгласил: «Мы уничтожили ядерную программу Ирана». Но кто же с американской стороны участвовал в этих лживых переговорах по «иранской ядерной сделке»? А всё те же известные нам господа: Уиткофф и Кушнер…

В первые же дни вновь развязанной войны были нанесены ракетные удары не только по руководству Ирана, но по Министерству обороны, Государственной телерадиокомпании, по школам, больницам и жилым кварталам. Вспомним, сколько воплей было со стороны западных СМИ и европейских «подсвинков», когда наш сбитый над Киевом дрон падал не туда, куда летел... А тут вся эта извращенческая «коалиция Эпштейна» радостно аплодировала израильско-штатовским ударам по начальной школе для девочек и детской клинике.

Китай на самом высоком уровне сделал официальное заявление по поводу нападения на Иран. Россия ограничилась протестом со стороны МИДа.

Самопровозглашенный «миротворец», «остановивший восемь войн», номинант на Нобелевскую премию мира 2025 года, новоиспечённый глава «Совета Мира» начал девятую войну после года своего пребывания в должности президента Америки. Когда-то он мечтал за сутки остановить войну на Украине, но теперь бомбит Иран в связке с преступным сионистским государством. Когда Иран будет разбомблен, Трамп объявит о своем завершении девятой войны и вновь будет номинироваться на Нобелевскую премию мира. А ведь Гитлер после мюнхенского сговора 1938 года тоже выдвигался на эту премию…

* * *

США втянули Россию в затяжную войну с Украиной, чтобы в это время захватить Сирию, Венесуэлу, объявить о своих правах на Гренландию и окончательно разбомбить Иран, которым мы, скованные своей войной, не смогли ничем помочь. И они же, пиндосы, организовали переговоры России с Украиной и являются посредниками на этих переговорах. Очень хитрая и подлая роль.

Скорее всего мы будем свидетелями их вторжения на Кубу. (По выражению циничного Трампа, «дружеского вторжения».) Хотя справиться с Кубой так же легко, как с Венесуэлой, у них не получится. Но будущая трагедия на американском континенте заключается даже не в этом, а в том, что и Кубе мы тоже не сможем помочь.

* * *

Неужели кто-то всё еще думает, что Трамп и Нетаньяху всерьез озаботились появлением у Ирана ядерного оружия. Если такие есть, то мне просто жаль этих наивных «читателей газет» и «глотателей клеврет». Но, надеюсь, по мере происходящих событий их становится всё меньше. Иран находился под полным контролем МАГАТЭ и не собирался выходить ни из каких договоров по нераспространению ядерного оружия и обогащению плутония для создания атомной бомбы.

Главная цель сионизма и его шестерки (шабесгоя) президента Трампа — чисто религиозная. И эта цель — приблизить предсказанный Библией конец света. То есть старый мир, по мечтам Сиона, будет разрушен, а над новым миром будет установлена абсолютная сионистская власть. А для этого должен быть построен Третий храм, в котором и воссядет антихрист, т.е. еврейский (иудейский) мессия, мошиах («сын погибели»). Но на месте разрушенного Второго храма была построена мечеть Аль-Акса (третья по значению святыня мусульманского мира). Мечеть эта находится на Храмовой горе в Иерусалиме, где и был воссоздан Второй иудейский храм. (Кстати, воссоздать его иудеям позволили именно персы, предки иранцев, высвободившие евреев из Вавилонского плена.) Земная история в который уже раз доказывает известную истину: ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

Из всех стран, исповедующих ислам, защитить мечеть Аль-Акса от разрушения мог (теперь уже — в прошедшем времени) только Иран. Все остальные исламские государства и близко не способны противостоять Израилю и США. Не случайно ведь были разгромлены (до Ирана) сильнейшие враги Израиля — Ирак, Ливия и Сирия, а еще раньше Египет. После этого оставался только один Иран, который еще был в силах нанести Израилю военное поражение. Всё. Больше никто. Сунитская Турция, хоть и имеет сильную армию, но она — светское государство, член НАТО, полностью подчиненное США.

Библейское предсказание, прежде всего новозаветное, — это Слово Божие. Его не только нельзя отменить, оно **обязано** исполниться. Для этого, собственно, и был в 1948 году возрождён Израиль. Для этого и были опубликованы миллионы документов, связанных с жуткими преступлениями западной, прежде всего американской, «элиты» на «острове Эпштейна». И чтобы перебить их скандальное расследо-

вание, Трамп с Нетаньяху начали уничтожение Ирана. После чего и произойдет захват мечети Аль-Акса и ее, на первый взгляд, **безнаказанное** разрушение, а затем — строительство т.н. Третьего храма. Дальнейшее описано в Откровении Иоанна Богослова под названием Апокалипсис. А высосанная из пальца «иранская ядерная программа» — лишь повод для реализации сионистской мечты по развязыванию Третьей мировой войны и власти над миром.

Но мечтам этим не суждено сбыться. Иудейские храмы, Первый и Второй, — это символы Ветхого Завета. В них происходило самое главное для иудейской религии — жертвоприношения. Их отменил истинный Мессия, Сын Божий Христос. И принес Себя в жертву ради новой единственно истинной веры — христианской, дошедшей до нас в виде Православия. **Христос Сам стал Третьим Божием храмом для всех людей на Земле.** И никаких других «третьих» храмов не будет и быть не может. И что бы ни вытворяли сионистские сатанисты вместе со своими вашингтонскими подстилками, что бы они ни пытались восстановить, — будет низвергнуто и обратится в «мерзость запустения» по свидетельствам самих же ветхозаветных пророков.

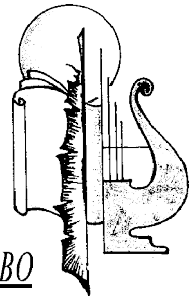
Руслан СЕМЯШКИН

ЛЮБОВЬ И НЕЖНОСТЬ ИЗЛУЧАЯ…

К 90-летию Анны Герман

Без малого четыре с половиной десятилетия прошло с того августовского дня 1982 года, когда коварная болезнь — в долгой и мучительной схватке за жизнь — всё же оказалась сильнее. И, как назло, финал пришелся практически день в день с той страшной катастрофой пятнадцатилетней давности, случившейся в конце августа 1967 года в Италии, на автостраде, ведшей из Форли в Милан, после которой пришлось бороться и за саму жизнь, и за возможность встать на ноги, двигаться, чувствовать себя полноценным, нужным обществу человеком; ну и, разумеется, вернуться на сцену, дабы вновь петь, петь, и снова петь…

Нечеловеческие муки пришлось вынести певице. Не оставляли ее и горькие мысли, переживания и неуверенность в том, что она встанет в строй и продолжит свою артистическую карьеру. И тем не менее, Анна Герман сможет перебороть эти напасти. Сумеет она за полтора года, проведенных в клиниках Италии, Польши, и находясь уже в домашних условиях, не просто восстановить физические силы, но и наконец-таки заняться

ИСКУССТВО

творческой работой, в результате которой певица начнет писать собственные музыкальные произведения.

При этом Герман не только сама не потеряет веры в собственное возвращение на эстраду, но и найдет еще силы писать своим почитателям, всем сердцем переживавшим за нее. И письма Анны будут оптимистичными, духоподъемными, нацеленными в будущее. «Я очень тронута Вашим письмом, — писала Герман одному из своих тогдашних корреспондентов. — Чувствую я себя отлично, настроение солнечное, правда, пока чуть-чуть мешает гипс. Он жесткий, прямо как железный, и неумолимый. Но я считаю денечки, чтобы поскорее избавиться от этого фирменного итальянского наряда. А когда избавлюсь, то снова запою. И постараюсь петь лучше, чем прежде. Потому что за это время я сильно истосковалась по пению. А пока слушайте меня по радио, если я Вам не очень надоела. И еще раз сердечно благодарю за Ваши добрые слова, они куда полезнее и «вкуснее», чем лекарства».

До последнего будет она сопротивляться смертельному недугу и в более зрелом возрасте, в то время, когда, казалось бы, в жизни наступил период, ознаменованный счастьем. Долгожданным, настоящим, не наносным — семейным, наполненным любовью, появлением сына и собственного дома; творческим, озаренным всенародным признанием, успехом и поиском новых произведений, каждый раз так легко дававшихся ей в исполнении.

Что и говорить, личностью она была действительно сильной, волевой, целеустремленной, энергичной, хотя и очень ранимой, восприимчивой, всегда тягостно воспринимавшей личные творческие неудачи, несправедливые выпады в свой адрес, зависть, а зачастую и явные оскорбления со стороны тех, кто был где-то рядом, но не имел такого удивительнейшего дарования и редкостной трудоспособности, коими обладала эта красивая, благородная, четко придерживавшаяся высоких нравственных правил и принципов женщина.

Девяносто лет могло бы исполниться Анне Герман 14 февраля текущего года. Но ей суждено было прожить лишь 46, из которых чуть более двух десятилетий она посвятила творчеству. А оно, к счастью, не кануло в Лету. Голос певицы по-прежнему звучит. И уже новые поколения, может, и не так часто, как хотелось бы старшим — тем, кому посчастливилось наблюдать за настоящей эстрадой, ни в коей мере не сравнимой с жалким ее сегодняшним подобием, да

и не так уверенно и массово, как ранее, а всё же приобщаются к творческому наследию этой выдающейся исполнительницы второй половины двадцатого столетия. Они, молодые, удивляются, восторгаются и так же, как это было у их предшественников, не могут в одночасье постичь и объяснить всё своеобразие, красоту, сочность, звучность, переливчатость голоса, а вкупе с ним и феноменального таланта, сделавших Анну Герман всемирно знаменитой. Голоса, обрамленного потрясающей искусностью и покорявшего не то что залы, а и целые страны, континенты. Даже при тех ограниченных возможностях организации концертной деятельности, выступлений по радио и на телевидении, которые имелись у певицы, испытывавшей к тому же, особенно в последние годы жизни, физическую боль, однажды окончательно и вырвавшую Анну со сцены. Но при этом голоса необыкновенного, чарующего, завораживающего, заставляющего сопереживать, радоваться, грустить… Голоса, равного которому до сих пор так и не появилось.

А ведь вспоминая сегодня великую певицу, необходимо в первую очередь подчеркнуть тот факт, что профессиональной исполнительницей, не имея музыкального образования, она могла и не стать. И не потому, что изначально у нее отсутствовал голос и вокальные данные. Нет. Не в этом дело, ибо и голосом, и абсолютным слухом она была наделена в полной мере, что и просматриваться у Анны стало в достаточно ранние годы, еще в Ургенче, когда на музыкальность маленькой девочки обратила внимание учительница музыки, и несколько позже, когда она, будучи вроцлавской пятиклассницей, покорила детсадовскую детвору на утреннике, спев ей новогодние песенки. Имелись у Герман и свои творческие предпочтения, устоявшиеся взгляды на творчество, на саму песню, на ее содержание, жанр, манеру исполнения. Подспудно, где-то внутри жило у Анны и большое желание стать певицей. Поначалу, может, не совсем и осознанное, в чем-то ее страшившее, рождавшее сомнения, неуверенность.

Не так-то просто было убедить себя в том, что твое жизненное призвание — эстрада. Да и как эти мысли могли тогда увязаться с действительностью, не сулившей Анне легкой, праздной жизни? Вообще же, если разобраться, то о праздности, беззаботном и веселом земном времяпрепровождении не могло быть и речи. Откуда им было взяться? Из крайне скромного быта, заставлявшего Анну, ее мать Ирму и бабушку жить во Вроцлаве в маленькой комнатушке? Или,

может, она грезила о них, обучаясь на геологическом факультете Вроцлаского университета?

Собственно, в жизни певицы всё было, как говорится, не благодаря, а вопреки. Так уж сложилось. С годами это самое вопреки поможет ей выстоять, не сломаться, не потерять веры в будущее, не впасть в отчаяние. А тогда — ближе к завершению обучения в университете — в ее судьбу вмешается школьная подруга — Янина Вильк. Именно она станет упорно атаковать дирекцию Вроцлавской эстрады, просить и умолять, настаивать и требовать, чтобы там прослушали Анну, которая «поет, как Тебальди». Нелегко этой бойкой девушке пришлось и тянуть на прослушивание свою рослую поющую подругу, упиравшуюся и отказывавшуюся от этого испытания.

Судьбу, тем не менее, не обманешь. Анну комиссия Вроцлавской эстрады услышит… и поразится ее вокальным возможностям. Еще более неожиданным станет и вердикт, вынесенный в этом учреждении и оглашенный опешившим девушкам: «Анна Герман, мы зачисляем вас в постоянный штат Вроцлавской эстрады». Тут же Герман обозначат и возможную сумму ее ежемесячного заработка, гарантированного при участии в сорока концертах в месяц.

О таком развороте событий скромная, привыкшая с детства к лишениям, бедности и довольствующаяся малым, Герман и не мечтала. До сей поры свои певческие выступления, бывшие в студенческие годы, она воспринимала не иначе как хобби. Удивится она и тому, что ей пообещают заработок, в два раза превышавший ставку начинающего инженера, которым Анна и готовилась стать.

Но превратиться в покорителя земной тверди Анне не придется, хотя образование в университете она завершит блестяще и диплом геолога получит. Позже о годах, отданных постижению точных наук, Герман напишет: *«Меня часто спрашивают: не жалеете ли вы времени, потраченного на учебу на геологическом факультете, ведь вы ни дня не работали по своей профессии? Не потерянное ли это время?! Нет и нет, вовсе это не потерянное время. Наоборот, я очень довольна, что мне дано было хоть на мгновение заглянуть в интереснейшую книгу, которая называется наукой о Земле. Это позволило мне увидеть и понять много проблем, касающихся жизни на Земле теперь и в прошлые геологические периоды. Другие занятия, которые бы мне более пригодились, такие, например, как музыка или*

живопись, не обогатили бы так моего миропредставления, как геология».

Изнуряющая, выматывающая, требовавшая полной самоотдачи работа провинциального актера Герман многому научила. Поняла она и то, что труд сей не прост, да к тому же и сопряжён с постоянными переездами, обитанием в заштатных, без удобств, но иногда с тараканами и чудесной звукопроницаемостью гостиницах и невозможностью что-либо изменить в этом обкатанном годами порядке, нацеленном на то, чтобы больше заработать средств, то есть на организацию аж трех концертов в день.

Надо сказать, что эти трудности Герман не пугали. Она была молода, трудолюбива, ей нравилось петь, выступать, радовать пришедшего на концерт слушателя. Несмотря на все сложности, сопутствовавшие ее работе, Анна сцену полюбит всем сердцем, основательно, раз и навсегда.

Любовь эта с годами превратится в жизненную необходимость. Настанет в жизни Герман то самое время, когда без пения она уже обходиться не сможет. Особенно мучительным осознание данной духовной потребности сделается в те месяцы и дни, которые всё отчетливее будут говорить о том, что певица серьезно больна.

Понимала ли она, что нездорова? Задумывалась ли о том, какими могут быть последствия от таких колоссальных физических и эмоциональных нагрузок, которым она себя добровольно подвергала? И да, и нет.

Головокружения, скачущее давление, боли в теле, измученном, пережившем страшнейшую аварию и длительное, мучительное восстановление, обеспечивавшееся за счет многомесячного нахождения в гипсовом панцире, — Анне напоминали о себе постоянно. Вдобавок ко всему этому стали появляться и куда более тревожные звоночки. Летом 1980 года у певицы распухнет нога. Она не будет давать ей покоя. Не помогут Анне в той ситуации и самые сильные болеутоляющие средства…

Да и заняться лечением Герман тогда не посчитает возможным. Не окажется у нее на эти заботы времени. Оно, неумолимо шагавшее вперед, работало всецело на очередную встречу с советской публикой, ждавшей певицу на концертах, запланированных в рамках масштабной программы «Мелодия друзей», предусматривавшей участие артистов из социалистических стран.

Встречи те проходили прекрасно, советские граждане готовы были слушать Герман часами, и со сцены ее просто

так не отпускали. Таковым было и ее выступление в Лужниках, где вдобавок к не очень удачной и менее зажигательной песне В. Шаинского и А. Жигарева «Ты опоздал» Анна вдруг предложит слушателям свое исполнение песни В. Шаинского и М. Рябинина «Когда цвели сады», нот которой она с собой не взяла.

В полной тишине, без оркестра пела Герман этот песенный шедевр. И зал взорвался, аплодисментам не было конца, певица долго стояла, кланялась и не уходила со сцены. Причем не потому, что радовалась народной любви и купалась в лучах славы, и не от того, что собиралась снова запеть. Стоять на сцене Герман заставила боль в ноге, ставшая нестерпимой и не позволявшая ей ступить и шагу. Как она ушла со сцены, ей и самой было непонятно. Казалось, будто преодолевает километровые препятствия, на самом деле проходя считаные метры… Затем был приезд врачей, укол, некоторое облегчение.

Отдохнув, на следующий день Герман услышит категоричный диагноз специалиста о том, что у нее развивается тромбофлебит и ей немедленно необходимо ложиться в больницу на обследование.

Подтвердят заключение, полученное в Москве, и польские врачи. Сил же вновь лечь на лечение в клинику, Герман найти в себе не удастся. Больничному лечению она предпочтет домашнее. И боль на некоторое время отступит…

Снова она будет давать концерты. Голос певицы никак не выдаст ее физического состояния, оставаясь таким же и звуча по-прежнему уверенно, выразительно, свежо, как будто ничего в жизни у Анны и не изменилось.

Как же ей не хотелось во все эти болячки верить! Думала — пройдет, поболит и перестанет, лишь были бы новые песни, приглашения на гастроли, выступления, поездки по стране, в зарубежные страны и в родной Советский Союз, даривший ей самые добрые радостные впечатления и миллионы пламенных поклонников, не просто любивших Анну, а боготворивших ее.

Временное отступление болезни окажется недолгим. Нога станет болеть сильнее и боли эти выносить будет с каждым днем всё сложнее и сложнее. На людях же Герман ничем себя не выдает, продолжая оставаться улыбчивой, внимательной, тактичной, доброжелательной, излучающей оптимизм.

Более того, певица находит в себе силы лететь в Австралию. А в самолете, впервые за всё время ее

нахождения в полетах на воздушных суднах, ей становится дурно. На сцене же концертного зала «Мельбурн», где присутствовали в том числе и местные поляки, Анна споет ставшую известной в ее исполнении песню с такими словами: «Быть может, где-то далеко-далеко лежит лучшая страна и там красивее, богаче и наряднее. Но сердцу дороже всего песня над Вислой и песок Мазовша».

Варшава, с которой певица связывала свою будущность, не принесет Герман облегчения. Откажется она и от операции. Пройдет и через самолечение, обращение к знахарям, экстрасенсам, лечение голодом и травами. И все средства эти окажутся тщетными… Боль решит же с Анной поиграть — в игру злую, подлую, бесчеловечную. Она, треклятая эта боль, замаскировавшись, будет притупляться, на некоторое время отходить, вводя певицу в заблуждение. А потом, после полновесных светлых дней, наполненных общением с родными, с сынишкой Збышеком, музыкальными экспериментами по подбору мелодий для новых песен, болевое состояние неизменно станет возвращаться.

Не помогут Анне и хирургические вмешательства. Операции, нечеловеческие боли, страдания зажмут ее окончательно. Выбраться из этого критического положения, в последние дни лишь иногда возвращавшего ей сознание, великая певица уже не сумеет…

Почему же на долю Анны Герман выпали такие тяжкие испытания и мучения? Чем она, такая добрая, порядочная, не терпевшая зла, фальши, предательства, не соглашавшаяся на авантюры и сомнительные, не отвечавшие ее нравственным критериям предложения, жившая честно, помогавшая людям, любившая их, дарившая им подлинное искусство, — так разгневала небо? Разве не видели там, в заоблачных далях лучезарный лик Анны? Или, может быть, не замечали ее прекрасных земных дел, ее служения песне, ее каждодневного труда? А может, в небесной вышине не знали о том, как она умела любить, дружить и дорожить этими главными человеческими добродетелями? Или не ведали там ничего об Анне как нежной и любящей матери, верной жене, добросердечной и заботливой дочери и внучки?

Вопросы, вопросы… Можно было бы их и продолжить, только вот ответов на них мы никогда не получим.

Невозможно в полной мере постичь и весь тот трагизм, с которым мы ассоциируем жизненный путь певицы. А была ее дорога в действительности сложнопроходимой, извилистой, сплошь переполненной горестными событиями, столкнове-

ниями с несправедливостью и злом. Правда же и в том, что Анна всегда старалась жить энергично, споро, пытаясь в любимом деле достичь совершенства, с головой окунаясь в музыкальный мир. Он-то и отвлекал ее от повседневных трудностей, радовал, возвышал, дарил знакомство с замечательными людьми, некоторые из которых на долгие годы стали ее друзьями, а после ухода Анны в вечность делали всё для того, чтобы увековечить память о великой певице.

Первое соприкосновение с злым роком случится у Анны в самом начале жизни. Тогда она в силу малолетнего возраста, конечно, не сможет осознать всё то горе, случившееся в ее семье. А произойдет в ней событие страшное, и детство в узбекском Ургенче, вполне обычное, босоногое, голосистое, навсегда омрачится для Анны потерей отца — Евгения Германа. Его, потомка немецких и голландских переселенцев, работавшего на хлебозаводе бухгалтером, в 1938 году оклевещут и арестуют, и только практически через двадцать лет жена и дочь получат на руки справку о полной реабилитации родного им человека.

Погибнет в битве под Ленино Могилевской области октябре 1943 года и второй муж матери, офицер Войска Польского Герман Гернер, любивший маленькую Аню и во время нахождения в их семье часто рассказывавший ей о Польше, ее красотах, удивительной природе, озерах и лесах. В 1977 году певице удастся побывать у мемориала под Ленино и поклониться памяти своего отчима.

Между тем, брак матери Анны с гражданином Польши позволил ей после завершения Великой Отечественной войны вместе с дочерью и престарелой мамой выехать в Польшу, серьезно пострадавшую в военное лихолетье и жившую тогда бедно.

Вот так и станет рожденная в Советском Союзе Герман польской гражданкой. Благо окажется она восприимчивой к польскому языку, дававшемуся ей легко. Но не забудет Анна и русский язык. С годами, когда певица начнет свой сценический путь, многие люди, не знавшие о ее происхождении и о том, что детство Анны прошло в советской Средней Азии, будут удивляться и разводить руками: где же вокалистка смогла так прекрасно овладеть русским языком? Откуда у нее такие лингвистические пристрастия?

Впрочем, такой межнациональный и межгосударственный кульбит в жизни певицы сыграет лишь явно положительную

роль. А в зрелом возрасте Герман, помимо немецкого, русского, польского, бывшими для нее родными, могла также говорить и на итальянском, английском и немного на запомнившемся ей со времени переездов и учебы в городе Джамбуле, казахском языках. И всё же Анна как-то подчеркнет: «Я родилась в Советском Союзе, там прошло мое детство. Мой родной язык — русский».

Анна, воспитывавшаяся матерью и бабушкой — женщинами строгих правил, немало повидавшими в жизни, окажется человеком совестливым, порядочным, не способным на подлость и не всегда умевшим отвечать должным образом своим недоброжелателям. А со временем их число стало расти. Уж больно стремительно Анна поднималась в гору, посему и не все ее коллеги имели желание признавать успехи молодой исполнительницы, всё настойчивее заявлявшей о себе.

К моменту заключения в декабре 1966 года контракта о сотрудничестве с небольшой и малоизвестной итальянской фирмой грамзаписи «Компания Дискографика Итальяна», ставшего роковым и приведшего ее в следующем году в Италию, где и случилась та злополучная катастрофа, изменившая всю последующую жизнь певицы, — Герман стала по-настоящему популярной вокалисткой. Она к тому времени успела побывать на гастролях в СССР, ГДР, Чехословакии, Австрии, Франции, Португалии, Великобритании, США; завоевать вторую премию на III и первую премию на V Международном песенном фестивале в Сопоте, первую премию на III фестивале польской песни в Ополе; поработать над выпуском индивидуальных пластинок с исполняемыми ею песнями, начавшими выходить внушительными тиражами, в том числе и в СССР.

Также певица проявит свои недюжинные вокальные возможности и на песенных фестивалях в Сан-Ремо, Неаполе, Виареджо, Монте-Карло, Каннах.

Кстати, молодой и подающей большие надежды Анне Герман в США, где она побывает потом неоднократно, удастся воочию лицезреть истинное нутро американского капитализма в лице так называемых менеджеров, бывших на самом деле нечистоплотными дельцами. Один из таких проходимцев и предлагал ей заключить, по его словам, выгодный контракт на организацию концертной деятельности. Но для этого певице следовало поменять репертуар, переиначив его на американский манер, и заключить фиктивный брак с гражданином США, дабы и самой

обзавестись американским гражданством. Естественно, такие, с позволения сказать, предложения, унижавшие достоинство Герман, она категорически отвергла.

Безусловно, эти неприятные эпизоды, а вместе с ними и другие эскапады в адрес певицы не проходили для нее бесследно. Вместе с тем, она старалась на них не зацикливаться. Главным для нее было творчество. В нём она находила силы и вдохновение. Оно же и являлось для нее тем фундаментом, на котором Анна выстраивала свой жизненный путь, грезившийся ей счастливым.

Мечты и грёзы, как известно, не всегда сбываются. В отношении же Анны можно сказать, что большинство ее стремлений все-таки осуществилось. Судите сами. Стала ли она популярной певицей, пришли ли к ней слава и признание? Да, пришли, и певицей Анна стала не просто популярной, но и востребованной в народе, уважавшем и любившем ее. Пела ли она то, что хотела? Пела, и к собственному репертуару всегда подходила взыскательно, вдумчиво, не спеша браться за то, что не считала достойным исполнения. Правда же и в том, что не всегда с песнями Анне везло. Были в ее судьбе и произведения заурядные, невыразительные, не вызывавшие одобрения и восторга у публики. Но имелись на певческом поприще Анны и настоящие удачи, собственно и создавшие сценический облик певицы. Одни лишь «Танцующие Эвридики» Катажины Гертнер, с которых начинался триумф Герман, чего стоят!

Всё ли получалось у Анны в организации певческой карьеры? Нет, не всё. Сложностей и у Герман, несмотря на ее известность, было предостаточно. Больше всего с годами певицу тревожила проблема отсутствия у нее постоянного музыкального коллектива. Без него, а Анна старалась петь только вживую, не воспринимая пение под фонограмму, ей приходилось сложно. Постоянные смены одних музыкантов на других не работали на результат. Да и помощи ждать было неоткуда. Даже неоднократные обращения певицы в Министерство культуры ПНР не возымели должного действия. Так и приходилось Анне до самых последних сценических дней перебиваться случайными заменами, ища тех, кто мог бы с ней работать постоянно.

Нашла ли Анна Герман личное счастье? Был ли в ее жизни надежный семейный тыл? Да, был. И неизвестно как бы сложились дела Анны после той жуткой аварии 1967 года, не будь в ее жизни Збигнева Тухольского. Именно он, скромный инженер, разрывавшийся между работой и заботой

об Анне, при помощи матери певицы, всё сделал для того, чтобы не только поставить Анну на ноги, но и вернуть ее на сцену. А как он о ней умел заботиться в дальнейшем, как находил для Анны нужные слова, как помогал ей, досконально зная и понимая внутренний мир супруги! Об этом можно долго рассказывать, сделав особый акцент на тех годах, когда в их жизни появился маленький Збышек и собственный дом, и страшная болезнь под названием рак, планомерно и методично разрушавшая организм Анны. Можно об этой светлой любви, взаимопонимании, людской доброте, великодушии, сострадании посмотреть несколько экзальтированный, но правдоподобный художественный сериал В. Кшистека и А. Тименко «Анна Герман. Тайна белого Ангела», а также прочитать и в ряде художественно-документальных книг, посвященных жизни и творчеству певицы.

Збигнев Тухольский, к слову, с уходом Анны из жизни свою личную жизнь менять не станет. Однолюб, он переживет любимую и единственную супругу на более чем сорок лет, и скончается в Варшаве совсем недавно, 11 апреля 2025 года. Похоронят его рядом с Анной.

Объять необъятное и поведать обо всех знаковых событиях в жизни Анны Герман в рамках небольшого очерка, разумеется, невозможно, уж слишком яркой, колоритной личностью она была. Следовательно, давайте заострим внимание на творчестве певицы. Ведь интересна нам Герман, в первую очередь, как самобытный вокалист широчайших певческих возможностей, прошедший интересный, непростой и одновременно величественный творческий путь.

Репертуар певицы был разнообразным. Помимо песен польских композиторов, Анна прекрасно исполняла итальянские и неаполитанские произведения, среди которых и всемирно известные: католическая молитва «Ave Maria» и песня Эрнесто де Куртиса «Вернись в Сорренто».

На просторах же бывшего Советского Союза удивительное сопрано певицы оценивают, преимущественно, по песням, исполнявшимся Герман на русском языке.

С самого первого приезда в Москву в 1964 году, когда певица блистательно выступала в зале летнего театра «Эрмитаж» и трижды на бис исполняла песню «Танцующие Эвридики», ей посчастливилось познакомиться с редактором Всесоюзной студии грамзаписи «Мелодия» Анной Качалиной. Знакомство это с годами перерастет в большую дружбу. Качалина станет для Герман самым близким и дорогим человеком в СССР. Она-то и познакомит польскую

вокалистку с советскими композиторами и на протяжении многих лет будет отправлять в Варшаву вместе с письмами клавиры песен, среди которых будут и русские народные песни, романсы «Выхожу один я на дорогу…», «Из-за острова на стрежень» и песни военных лет Матвея Блантера.

Полюбили Анну и наши советские композиторы. О сотрудничестве с ней задумывались многие, ведь слава Герман в Советском Союзе ширилась день ото дня. Реально же поработать с певицей и написать для нее песни удалось только наиболее маститым, прославленным мастерам. В их числе оказались Александра Пахмутова, Арно Бабаджанян, Евгений Птичкин, Ян Френкель, Оскар Фельцман, Владимир Шаинский, Алексей Экимян, Евгений Мартынов, Александр Морозов, Вячеслав Добрынин и другие. Слова же для таких популярнейших песен в исполнении Герман, как «Надежда», «Эхо любви», «Когда цвели сады», «А он мне нравится», «Случайность», «Не спеши», «Белая черемуха», «Ждите весну», «Далек тот день», «Найду тебя», «Я жду весну», «Опять плывут куда-то корабли», «Колыбельная» писались Николаем Добронравовым, Робертом Рождественским, Евгением Долматовским, Михаилом Рябининым, Евгением Евтушенко, Александром Жигаревым, Инной Кашежевой и другими.

Прекрасно исполняла Герман и русский романс Петра Булахова «Гори, гори, моя звезда…»

Ну а самыми яркими песнями, с которыми навсегда в народном представлении будет ассоциироваться Анна Герман, стали такие бесподобные песни на все времена, как «Надежда» А. Пахмутовой и Н. Добронравова; «Когда цвели сады» В. Шаинского и М. Рябинина; «Эхо любви» Е. Птичкина и Р. Рождественского; «А он мне нравится» В. Шаинского и А. Жигарева; «Случайность» А. Экимяна и Е. Долматовского; «Белая черемуха» В. Добрынина и А. Жигарева; «Я жду весну» Е. Мартынова и А. Дементьева.

В советских аудиториях, а Герман пела не только в Москве и Ленинграде, но и в Новосибирске, Алма-Ате, Фрунзе и ряде других городов, ее выступления у слушателей вызывали бесконечные овации и неподдельный восторг. Любимые в народе песни ей приходилось исполнять на бис.

Дошло даже до того, что на заключительном концерте «Песня — 1977» Герман, певшая не под фонограмму, а вживую, вынуждена была исполнить песню «Когда цвели сады» на бис. Это был неслыханный случай, когда на съемках телепередачи зрители не сдержали эмоций и попросту забыли, что находятся не в концертном зале.

Замечу, к слову, что эта проникновенная песня о любви, где героиня рассказывает о том, как «…один раз в году сады цветут, весну любви один раз ждут» и на этом фоне «красивая и смелая» ей переходит дорогу, была любима не только среди женщин. Не менее нравилась эта песня и советским мужчинам. Автору этих строк запомнились радиопередачи конца девяностых — начала двухтысячных годов, на которых в популярных тогда программах, транслировавших поздравления конкретным заявителям с их юбилейными и памятными датами, в качестве музыкального подарка для юбиляров мужчин, среди которых было немало и лиц в погонах, ставили именно эту песню. Эмоциональное ее воздействие на слушателя колоссально, потому и продолжает она жить в народной памяти, периодически звуча в оригинальных записях и в исполнении молодых вокалистов.

Удивительна и история песни «Эхо любви», написанной для художественного фильма Е. Матвеева «Судьба». На запись этой песни в одну из студий «Мелодии» приехали композитор Евгений Птичкин и прославленный актер и режиссер Евгений Матвеев. Анна же спела эту песню так, что умевший держать себя в строгих рамках режиссер, сдержать слёз тем не менее не смог. Евгений Семенович, изменившийся в лице, был поражен — столь сильное впечатление произвело на него исполнение Анной этой песни, давно вошедшей в сокровищницу советского песенного искусства. «Спасибо вам, Анечка, огромное!» — скажет ей тогда Матвеев, извиняясь за слезы. А на телевизионном фестивале «Песня — 1977» Герман «Эхо любви» исполняла уже в дуэте со Львом Лещенко.

Необычайно душевно исполняла Анна и «Надежду» Пахмутовой и Добронравова. Эту песню, написанную великими подвижниками земли русской, певица считала как бы исконно своей, надиктованной порывами души, выстраданной в ее глубинах. Потому и любила она «Надежду» особой любовью, хоть не являлась ни первой и ни единственной ее исполнительницей. Само же исполнение песни, написанной более полвека назад и ставшей одной из самых любимых песен в СССР и в России, подаренное миллионам слушателей Анной, бесподобно. Наверное, именно Герман исполняла «Надежду» краше всех, а ведь среди тех, кому посчастливилось петь эту песню, были и Эдита Пьеха, исполнившая «Надежду» впервые, и Муслим Магомаев с Иосифом Кобзоном, и многие другие прекрасные вокалисты. Впрочем, «Надежду» с подачи Анны Герман и

других выдающихся эстрадных певцов давным-давно поют простые люди, причем живущие далеко не в одной только России…

О творческом наследии великой певицы, как и о ней самой, о ее физической и духовной красоте, благородстве, искренности, отзывчивости, скромности, требовательности к себе как вокалисту, исключительной работоспособности, можно говорить долго, основательно и подробно, столь грандиозной личностью-творцом она была. Нет больших трудностей и в том, чтобы перечитать или впервые прочесть книгу Герман «Вернись в Сорренто», рассказывающую об итальянском периоде творчества и написанную ею после аварии 1967 года. Доступны желающим и другие книги, фильмы, в том числе документальные, телепередачи, посвященные певице.

Запросто, учитывая сегодняшние технические возможности, можно хоть каждый день слушать и песни, исполнявшиеся Герман, которые мы всегда будем ассоциировать с ее именем.

Пускай же продолжает жить добрая память об Анне Герман, звезда которой светит нам из Вселенной, где и осуществляет свое вечное движение по орбите вокруг Солнца малая планета «Анна Герман», открытая в Крымской астрофизической обсерватории астрономом Тамарой Смирновой. Именно оттуда, из небесной выси, певица и подает нам сигналы, взывая к нашему разуму, сердцам, в надежде на то, что мы всё же станем добрее, совестливее, человечнее…

г. Симферополь

Татьяна ГЛУШКОВА
(1939 — 2001)

ЭТИКА ЕСЕНИНА

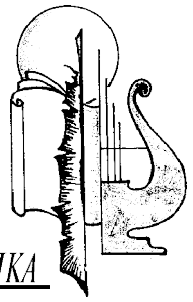
Непрямолинейность этического пути... Она подразумевает сложность обретения истины (гармонии), никогда не дающейся в готовом виде в руки человеку. Она допускает паденья во имя взлётов.

Если черти в душе гнездились,
Значит — ангелы жили в ней, —

писал Есенин.

Его собственный путь, как принято говорить, противоречив. Между тем, противоречивость его, кажется, преувеличена...

Но о ком бы ни говорили мы, допуская, кстати, даже и неизбежность падений (во имя взлётов), надобно всегда иметь в виду **доминанту** творчества. Она, между прочим, определяется не только количеством "этически высоких созданий", но и, на мой взгляд, **внутренней спецификой** так называемых падений.

Так, Есенина — даже в самых "сомнительных", во всяком случае, по

первому впечатлению, строках — вряд ли возможно обвинить в **жестокости**, решительно невозможно обвинить в пресловутом ницшеанстве, кровавом самоутверждении — пусть даже эта кровь претендует называться "теоретической", то есть выглядит покуда лишь чернилами на бумаге.

В этом смысле он поэт не вульгарной ПОБЕДЫ, но достаточно победительной ГИБЕЛИ (собственной гибели — прежде всего).

Дело не только в том, что он сказал: *«...Не расстреливал несчастных по темницам»;* что написал бесстрашную "Страну негодяев"; что, будучи **самым молодым** среди знаменитых поэтов своего времени (в 20-е годы XX века), с чрезвычайною чуткостью расслышал плещущееся вокруг и впереди море крови...

Органическая неспособность, отвращение к жестокости, то есть к насилию, убийству, — отвращение, которое бывает обычно признаком именно древней и глубочайшей **культурности**, пронизывают всё творчество этого "хулигана" и "деревенского вырожденца".

Он бывал раздражённым и даже (по личным поводам) иногда разозлённым до слёз. Но — до слёз (собственных), а не до кровавой или какой-либо прочей мести.

Надо слушать интонацию его стихов, даже, так сказать, обидных, например, для женщины. Это всюду интонация **рыданья**. Эта Муза не переставала быть трагической — ни в веселье, ни в "пьяном бреду". (Не будем, конечно, смешивать трагическое с "ужасным" или "мрачным"...)

Читать его — больно.

Чтение Есенина требует от читателя огромной, собственно-читательской чистоты. Утраченной чистоты. "Утраченной юности"...

Какая ночь! Я не могу.
Не спится мне. Такая лунность.
Ещё как будто берегу
В душе утраченную юность, —

писал он в последний год своей жизни, и это была правда.

Именно по этой причине множество "культурных", "интеллектуальных" современных читателей не могут любить Есенина. Им кажется, это оттого, что они лучше, умнее, зрелее, взрослее его. Я ж думаю сегодня, что это оттого, что они старее, мертвее, "приспособленней" к тому, к чему человеку приспосабливаться не должно. Они

принимают опыт за мудрость — неважно, из чего сложен и **зачем** ВЫНЕСЕН этот опыт; цинизм — за утончённость, цивилизованность — за **культуру** живого сердца...

Чтение Есенина предполагает большие трудности для современного читателя, если этот читатель — представиель так называемой **книжной** культуры, сын современной цивилизации, представитель нынешней, достаточно самовлюблённой интеллигенции... Это чтение предполагает не столько высоту так называемой "современной" культуры, способность к "благоговенью" перед "святым искусством" (или "ремеслом"), сколько способность к любви ко всему живому, способность к благоволению к миру, способность *к милости к падшим*, в частности... Заметим, кстати, что "милость к падшим" не есть непременно благоговение перед ними, как не есть она и презрение к ним... А также, что любовь, свойственная Есенину, лишена экстатичности или слащавости...

Иными словами, чтение Есенина, его стихи подразумевают **идеального Читателя Поэзии**.

Те, кто равнодушно и высокомерно проходит мимо этих стихов, полагая их, так сказать, "низшим звеном" в "эволюции" поэзии, не является истинным Читателем Поэзии, сколько бы ни написал стихотворений сам, скольких бы авторов ни знал наизусть...

Недавно я услыхала суждение: «культура **не всё** принимает в себя: Есенин, при всей его одарённости, будет **вытолкнут** культурой, **уже вытолкнут**; он не может стоять в одном ряду даже со своими современниками — такими, как...» (следовал перечень крупных поэтов нашего века есенинского и позднейшего времени).

Так рассуждает не "посторонний" читатель, не причастный к поэзии; так рассуждают современные поэты (такое слышать можно не однажды, нередко), и любопытно здесь то, что речь ведётся даже не о субъективном вкусе говорящего, но предлагается "философское" и "высокое" обоснование этого "вкуса"...

Ещё говорят так: погубил, мол, свой дар...

Ещё цитируют, чуть перевирая: поэт, мол, "с небольшой, **хоть** ухватистой силою"...

Ещё скорбят, на манер Сальери: зачем, мол, гений посетил "гуляку праздного"? И как "несправедливо" божество...

А уж поэтов, которые лучше, серьёзней, насущней Есенина, — таких у нас насчитывают **десятками**...

На всё это я ответила бы кратко: “культура”, которая “выталкивает” из себя Есенина, величаво брезгуя этим “низшим звеном”, **катится к своей смерти** (если вообще ещё не умерла и не разлагается, как ни бальзамирует свой труп).

А также: чтение Есенина подразумевает в читателе ВЫСОКУЮ культуру.

Говорят, что Есенина читают по преимуществу юные, 16-летние, старшие школьники...

Но, во-первых, эти юные — из **всех** слоёв общества, так что решительно невозможно сказать, будто лишь те, что из “кабацких” или крестьянских семей.

Во-вторых, вспомним, что ещё из поэзии читают юные? В моё время (когда ещё не было современных нынешних кумиров “массовой культуры”) Есенина читали именно те школьники, кто читал и знал наизусть попутно и Лермонтова, и Пушкина. Стихами Есенина разговаривали, подобно тому, как разговаривали лермонтовскими строками, строками из “Евгения Онегина”... Учтём также, что школьная программа отнюдь не содержала в себе творчества Есенина...

Поэт, который из поколения в поколение читаем, любим юношеством, **плохим поэтом быть не может**. Такого в истории мировой поэзии ещё не случалось.

Вопреки установившемуся “интеллигентскому” стереотипу, можно было бы сказать, что Есенин — пробный камень, способный свидетельствовать о чистоте поэтического вкуса, знании и понимании поэзии.

Однако вернёмся к нашей теме. И чтобы представить себе сущность того, что назвать можно “этикой Есенина”, предложу вспомнить одно характерное для поэта стихотворение. Оно широко известно:

Ах, сегодня так весело россам,
Самогонного спирта — река.
Гармонист с провалившимся носом
Им про Волгу поёт и про ЧК.

Что-то злое во взорах безумных,
Непокорное в громких речах.
Жалко им тех дурашливых, юных,
Что сгубили свою жизнь сгоряча.

Жалко им, что октябрь суровый
Обманул их в своей пурге.

И уж удалью точится новой
Крепко спрятанный нож в сапоге.

Где ж вы, те, что ушли далече?
Ярко ль светят вам наши лучи?
Гармонист спиртом сифилис лечит,
Что в киргизских степях получил.

Нет! Таких не подмять, не рассеять.
Бесшабашность им гнилью дана.
Ты, Расея моя... Рас...сея...
Азиатская сторона!

Обратим внимание на "прозаизмы" Есенина. Они имеют прямое отношение к этике.

(Как чрезвычайно интересно в этическом плане и стихотворение в целом.)

Тайна обращения с прозаизмами — у Есенина именно **тайна**. То есть нечто, никак не сводимое к "реалистическому **приёму**".

Какие бы "кощунственные" реалии ни вводил он в стихи, какая бы "вопиюще- прозаическая правда" ни проникала в них, она всегда подчинена другой, высшей правде.

Есенин никогда не "кричит" из своих стихов: «Вот, мол, **как** — "беспощадно", "остро", "по-фламандски", "по-босховски" (и т.д.) — вижу я!..» Как человек, причастный "духу музыки" (Блок), он видит обычно целостную картину, где "поэтизм" не имеет никаких особых преимуществ перед — грубо говоря — "прозаизмом"... И тот, и другой обтекаем у него "эфирной материей" возвышенной, то есть непереложимой ни на какой другой язык Поэзии...

"Гармонист с провалившимся носом" — не трагическое **украшение**, не патетическая демонстрация **безобразного**. Он отнюдь не "суверенен" в стихотворении. Мы видим — и не видим его... На нём нет никакого внепоэтического или "архипоэтического" акцента. Он "изваян" подвижными струями какого-то "чёрно-солнечного" света...

Возникает соблазн сказать, что Есенин — высокий мастер.

Отталкивающая фигура выплывает и тонет в волнах стиха, её превышающих и перед нею **первичных**... Её заливает **другая музыка**, которая шире и длительней визгливой "гармоники" "киргизской" конкретности героя.

Прозаизм не “хлёсток”, он не самодовлеет, сугубо нас “ужасая”... Он словно бы даже “источник” внезапной, новой, лихой героики: “Нет, таких не подмять, не рассеять...”, “Непокорное в громких речах...”. Он странным образом “источник” чувств крупных, не пьяных, не пошлых, не надрывно-сентиментальных: ни автор, ни герои его не презирают и не оплакивают этого, именно этого урода-калеку, речь поэта грознее, торжественней, шире...

Жалко им тех дурашливых, юных,
Что сгубили свою жизнь сгоряча.

Жалко им, что октябрь суровый
Обманул их в своей пурге...

В этих трёх последних строках, в этом коротком, повторяемом **“жалко”** — где не “чувствительность”, связываемая обычно с этим словом, но какое-то **эпическое**, словесно-сдержанное, чувство, — слышен истинный отзвук фольклора...

Дух былинной удали, силы (попранной, но — **силы!**) — хотя речь идёт, конечно, о гниении, гибели, “рас...сеянии”, — “безумно” веет здесь поверх всего: карикатура на державинских “россов” дивно уравновешивается острой свежестью ветра смерти и, наконец, каким-то “восторженным” плачем, переходящим в глухое рыданье, неотличимое от музыки.

...Где ж вы, те, что ушли далече?
Ярко ль светят вам наши лучи?..

Внимательный слух расслышит в этом стихотворении музыкальные отголоски столь разных, но **возвышенно** поэтических созданий, как “Песнь о вещем Олеге” Пушкина и “Шаги командора” Блока...

Имея в виду это “пьяное”, из “Москвы кабацкой”, кажется, стихотворение, да и другие вещи Есенина, я сказала бы: этика Есенина — и в органичности этой этики он, быть может, не имеет себе равных — состоит в постоянном ощущении **главенства** судьбы народа, трагедии народа над столь привычной в XX веке “трагедией поэта”...

Он никогда, может быть, и не утверждал этого прямо. (Кстати, он едва ли не единственный в нашем веке, кто не писал **стихов о стихах**.) Он даже не раз говорил примерно такое:

...Что в далёком имени — Россия —
Я известный, признанный поэт.

Но странным образом подобная его “похвальба” не имеет для читателя совершенно никаких, тем более сколько-нибудь “громоздких”, “психологических последствий”!.. Вот что я хочу этим сказать: когда мы читаем даже такое — прекрасное! — как, например:

...И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь, —

мы ведь всё-таки благоговеем...

Когда мы читаем определенья поэта, поэзии у Цветаевой, мы, быть может, и не фиксируя это в ту минуту, напрягаемся, словно бы нам, читателям, поэт устраивает смотр, прежде всего, чисто **“нравственный** смотр”, и мы словно бы “тянемся”, чтобы быть достойными во имя нас совершённого “подвига поэта”; запрокидываем голову, чтобы разглядеть небожительскую или, во всяком случае, “прометеевскую” высоту...

И уж конечно, вовсе не стоит останавливаться здесь на тех современных нам поэтах, кто, точно бы укоряя нас в “тунеядстве”, “бегемотьей бесчувственности” и проч., употребляет поэтическую работу труду “молотобойца” или же, словно чахоточный, указует нам ежеминутно на свою “кровоточащую гортань”…

Всё это тоже прямо относится к этике.

...Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России, —

вот что, вот какую максимум похвалу могла бы, кажется, выслушать о себе есенинская Муза, подобно тому, как “выслушала” её о себе женщина, которую поэт любил...

Я далека от того, чтобы утверждать, что есенинские отношения с Музой — единственно правомочны, тем более единственно интересны. Но они, несомненно, чрезвычайно редкостны...

Неосложнённость отношений Есенина с Музой, отсутствие какой-либо навязчивости поэта к “нижестоящему” и благородно “потрясаемому” поэтом читателю заставляют вспомнить более других Пушкина...

...Быть может (лестная надежда),
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет
И молвит: то-то был поэт!..

Возвращаясь к конкретному, с которого я начала, стихотворенью Есенина, с его глубокой, как чувствую я, демократической этичностью, несмотря на "труднейший" прозаизм в нём, можно сказать, что Есенин словно бы учит "невозможному": постичь дисгармонию можно только "обладая гармонией", нося её образ в душе... Иного "мерила" для дисгармонии нет.

В силу этого можно заключить также, что "прозаизм" Есенина целомудрен. Он существует не затем, чтобы "ошарашить" читателя, чтобы поселить — пусть и глубокодумное — "угрюмство" в сердце читателя, не с тем, чтоб "встряхнуть" это сердце, поставив его, доселе "сонное", над грозной и неодолимой бездной, но с тем, чтобы "растопить", воскресить (а не просто "встряхнуть"!) это измученное, слишком измученное сердце, которое слишком привычно к "картинным" ужасам жизни и к **рассудочному отчаянию**, так характерному для многих гуманистов эпохи кризиса гуманизма...

"Рассудочным отчаянием" я называю не притворство и не простую умозрительность, но то трагическое, даже — катастрофическое мироощущение, которое, фиксируя "язвы современности", подразумевает не столько мужество (как кажется это на первый взгляд) человека, поэта, следящего мрачную правду действительности, сколько, пожалуй, испуг, малодушие и безверие, пусть обусловленное даже и самыми уважительными причинами...

Здесь впору вспомнить, что **честность художника** — вещь более трудная, чем "жизненная достоверность" его картин и слов. Честность художника проверяется не просто "правдой сегодняшнего дня", но правдой дня будущего... Под "честностью художника" Блок разумел именно способность **видеть будущее**. Будущее — на языке поэзии — не исчерпывается хронологическим "завтрашним днём мира"; не должно непременно оно уложиться и в так называемый "послезавтрашний день". И если искать "календарные параметры" БУДУЩЕГО, то, наверное, следует сказать: это "время" бытия **Идеала**...

Всякий разговор о “прозаизме” современной поэзии непременно подразумевает опыт Владислава Ходасевича.

Для “выяснения” тайны Есенина также, быть может, целесообразно вспомнить этот опыт. Тем более что два эти поэта представляются мне разительными антиподами.

Возьму для примера достаточно известное и многими даже любимое стихотворение из книги Ходасевича “Европейская ночь” — “Баллада”:

Мне невозможно быть собой,
Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Идёт безрукий в синема...

Возможно, моё ощущение субъективно, но первое, что замечаешь после прочтенья стихотворенья, — эта чудовищная, уродливая пара так и остаётся торчать перед нашим измученным, мутящимся взором...

Мне лиру ангел подаёт,
Мне мир прозрачен, как стекло,
А он сейчас разинет рот
Пред идиотствами Шарло.

За что свой незаметный век
Влачит в неравенстве таком
Беззлобный, смирный человек
С опустошённым рукавом?

Какая искусственная надрывность (“...Влачит в неравенстве таком...”) в последней строфе, ритм которой выдаёт, на мой слух, едва ли не прямую пародийность этой риторики...

Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Безрукий прочь из синема
Идёт по улице домой.

Но эта ритмическая “кадриль”, эта издевательская “полька” достигает особенной лжи поэта-”канатоходца” (по струне некрикливого и вовсе не вымогающего жалости к себе человеческого горя) в следующей строфе:

Ременный бич я достаю
С протяжным окриком тогда
***И ангелов наотмашь бью**...*

После притворной “рукопашной” с “ангелами”, взлетающими “в городскую высь” (и освящёнными только трёхстрочием, которое, наконец, на миг веет поэзией: “Так с венецийских площадей / Пугливо голуби неслись / От ног возлюбленной моей”), автор точно бы и прямо перенимает уродливые шутки, или — как он говорил выше — “идиотства Шарло”, — и мы читаем:

Тогда, прилично шляпу сняв,
К безрукому я подхожу,
Тихонько трогаю рукав
И речь такую завожу:

— Пардон, месье, когда в аду
За жизнь надменную мою
Я казнь достойную найду,
А вы с супругою в раю

Спокойно будете витать,
Юдоль земную созерцать,
Напевы дивные внимать,
Крылами белыми сиять...
(и т.д.)

Мало ли издёвки хоть в этих четырёхглагольных (моно) рифмах?.. Вы скажете: это издёвка над раем, а не над **человеком**, которому отказано (поэтом) даже в **посмертном** блаженстве?..

Но эта неловкость — неловкость за поэта, попирающего (“трагически”) всё, и прежде всего **себя самого,** удерживает меня от желания продолжать спор...

Что за новый “подпольный человек” пришёл с этим стихотвореньем в поэзию?..

Для чего ему нужно дышать нам в лицо миазмами **разуверенья**, этой бесчеловечной “человечностью”?.. Иногда кажется, что если бы Блок знал эти стихи, он назвал бы их в лучшем случае стихами человека, “зарезанного цивилизацией”...

И под таким впечатленьем берёшь под сомнение гордое утверждение:

...свой стих гоня сквозь прозу,
Выламывая каждую строку,
...Привил-таки классическую розу
Советскому дичку! —

ибо “роза”, по большей части, пожалуй, как раз забыта и “привита”, кажется, разве бумажная, восковая искусственная, ложная — хрустевшая под кирзой, скажем, некоторых молодых или молодящихся поэтов “военного поколения”, да и всех, кто самоупоённо пытался “поведать” нам “низкую правду земли” и **пустоту** неба...

“Классическая роза” нечаянно, преступно, таинственно благоухает в разлёте, “бесконтрольно”-пьяном гармониковом “страданье”:

...Бесшабашность им гнилью дана...

Ибо я вовсе не хочу сказать, что “классическая роза” растёт в оранжереях. Она растёт в садах и, пожалуй, хоть на полях («Тихо розы бегут по полям...»), но всё-таки не на свалке, где отходы чудовищной современной химии гниют и чадят вместе с останками опившейся уксусом, эстетством и гордынею души...

Вопрос “классической розы” — вопрос **музыкальной интонации**, точнее — сердца, не утратившего **юности**.

Точно так же решается и вопрос победно-скромного **прозаизма**.

Вопрос “прозаизма” — вопрос этики. (А не “обнажённого зренья”, несущего лживую правду...)

Моя цель состоит в утвержденье: поздний и, к сожалению, особенно ценимый нынче среди поэтов Ходасевич — менее всего, вопреки поспешному своему афоризму, причастен к “классической розе”, **слишком дорогой для нас**...

И дело тут, прежде всего, может быть, в том, что он **утратил юность**.

Это очень важно! Ибо для поэта это, в частности, и утрата слуха, требующая, очевидно, мужества молчания. (Не так ли молчал, — потому что “оглох”, по его словам, — Блок?..)

...Всё миновалось: молодость прошла! —

сказал, — вспомните! — некогда Блок, с интонацией, не передаваемой вслух...

Кажется, Ходасевич и сам понимал это:

Я, я, я... Что за дикое слово!
Неужели вот тот — это я?
Разве мама любила такого,
Жёлто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?..

В том же стихотворении — "Перед зеркалом" (1924) — он сделал ещё и более важное признание:

...Да, меня ***не пантера*** *прыжками*
На парижский чердак загнала...

Утрата юности — это наказанье богов, а не результат, закономерность "жизни", "истории"...

"...Всё похоже на правду, всё может статься с человеком. Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости. Забирайте же с собою в путь... забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!.." — писал Гоголь.

Но как "забрать"?! Разве это не вопрос дара?..

Ответственность за тёмный пафос книги "Европейская ночь" возлагают обычно не на "ночь, а на "Европу".

И всё же: зеркала, расставленные перед поэтом, не должны отражать по преимуществу искажённое ужасом лицо (как, разумеется, и сугубо "ликующее"). Потому что ужас, хотя и свидетельствует, конечно, о чуткости поэта к сегодняшней, то есть **его времени**, истории, близок к бессилию, даже безволию, граничит обычно либо с истерикой, либо с ненавистью, либо с немотой... Он отнимает надежду. Так называемая "**глубина** понимания", потрясения поглощает высоту духа: высота смотрится, в конечном счёте, даже неуместной, как улыбка на похоронах, и по уважительным причинам последовательно упраздняется вера...

Ужас или отчаяние этого рода, когда человек, в сущности, потоплен, бывший гуманистический человек, когда "крылья" его сожжены до угля, когда совершенно уходят в небытие те "нелогичные" мгновенья, о которых Лермонтов говорил: "И верится, и плачется, / И так легко, легко...", я называю "рассудочным отчаянием".

Потому что сердце всегда противится **безжизненному**, утратившему связи с широтою реальности трагизму. Безысходность — всегда вывод измученного разума, плод **побеждённого** сердца...

Всё это не надо понимать упрощённо. Речь идёт о несовпадении, разности между “трагедией в жизни” и “трагедией в искусстве”.

Наконец, мы помним, например, микеланджеловское:

...Отрадней камнем быть, —

произнесённое в сумрачный век итальянской истории.

Но мы снова приходим тут к вопросу интонации в поэзии, интонации, которую кто-то назвал душою человеческой речи.

Сонет Микеланджело — не сух и язвителен, не “умён”, а гневен. Гнев же — это не просто проникновение в суть явлений, но противостояние.

Окончание в следующем номере

Дорогие друзья!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на вторую половину 2026 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В электронном каталоге «Почта России» подписной Индекс «МГ»: П6410 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.

Во втором полугодии 2026 года редакция планирует выпустить следующие номера: №7-8, №9, №10, №11-12.